

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 2 (12)

Academic Journal

Series:
Psychology. Pedagogics. Education

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 2 (12)

Научный журнал

Серия
«Психология. Педагогика. Образование»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаκληна, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Редакционная коллегия серии

Т.Д. Марцинковская, гл. ред., д-р психол. н., проф. (РГГУ), В.К. Шабельников, зам. гл. ред., д-р психол. н., проф. (РГГУ), М.О. Резванцева, отв. секретарь, канд. психол. н., доц. (РГГУ), Т.М. Марютина, д-р психол. н., проф. (РГГУ), В.Р. Орестова, д-р психол. н. (РГГУ), Т.П. Скрипкина, д-р психол. н. (РГГУ), Т.Д. Шевеленкова, канд. психол. н. (РГГУ), М.К. Акимова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), Е.Э. Кригер, д-р психол. н. (РГГУ), А.Г. Асмолов, д-р психол. н., проф. (МГУ), В.Т. Кудрявцев, д-р психол. н., проф. (МГППУ), Т.В. Рябова, выпускающий ред., канд. психол. н., доц. (РГГУ), Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ), А.Г. Катаева, канд. ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т, Сан-Диего, США), Д. Верч (Вашингтонский ун-т, Сент-Луис, США), П. Штайнер (Ун-т Пенсильвании, Филадельфия, США), А. Вио (Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция), М. Денн (Ун-т им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция), Г. Тиханов (Ун-т королевы Марии, Лондон, Великобритания)

Ответственный за выпуск: Т.Д. Марцинковская, д-р психол. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	7
--------------------	---

Тематические сообщения

<i>М.С. Гусельцева</i> Изучение идентичности в контексте социокультурных изменений	9
<i>Н.В. Клипичина, С.Н. Ениколопов</i> Некомплаентное поведение родителей в процессе лечения детей с жизнеугрожающими (онкологическими / гематологическими / иммунологическими заболеваниями: обзор исследований и подходов по профилактике	28

Эмпирические исследования

<i>Н.А. Голубева</i> Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве	45
<i>И.В. Солодникова</i> Реализация жизненных стратегий бывшими участниками молодежных субкультур	60

Работы молодых ученых

<i>С.Ю. Жаркой</i> Полипарадигмальное исследование чувства юмора как комплексной личностной характеристики	81
<i>В.А. Карпук</i> Изучение особенностей образа Я у представителей субкультур ролевиков и косплееров	96
<i>С.В. Преображенская</i> Особенности переживания беременности при норме и патологии вынашивания	106
<i>Г.М. Мурсалыева</i> Взаимосвязь компонентов структуры этнической идентичности подростков	122
<i>Д.И. Волохова</i> Анализ функции воображения в социальной ситуации развития детей старшего дошкольного возраста	137
<i>Ш.Р. Гусейнзаде</i> Особенности супружеских отношений в полных семьях, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья ...	153

CONTENTS

Editor's note	8
---------------------	---

Thematic reports

<i>Marina S. Guseltseva</i> Study of identity in the context of social and cultural changes	9
<i>Natalia V. Klipinina, Sergei N. Enikolopov</i> Parental noncompliance during the treatment of children with life-threatening diseases (oncological / hemotological / immunological). A review of researches and preventive approaches	28

Empirical research

<i>Natal'ya A. Gohubeva</i> Phenomenology of interpersonal and intergroup communication of modern youth in real and virtual space	45
<i>Irina V. Solodnikova</i> Life strategies implementation by ex-participants of youth subcultures	60

Works of young scientists

<i>Sergei U. Zharkoi</i> Poliparadigm research of a humor sense as a complex personal characteristic	81
<i>Vladimir A. Karpuk</i> Studying the features of the image of self in representatives of the subcultures of the role-players and cosplayers	96
<i>Svetlana V. Preobrazhenskaya</i> Peculiarities of experiencing pregnancy with normal and abnormal pathology gestation	106
<i>Gul'takin M. Mursalyeva</i> The relationship of the components in the structure of ethnic identity among adolescents	122
<i>Diana I. Volokhova</i> Analysis of the imagination function in the social situation of the development of senior preschool age children	137
<i>Shabnam R. Guseinzade</i> Features of marital relations in full families raising a child with disabilities	153

От редактора

Уважаемые коллеги, почти половина этого номера нашего журнала отдана молодым исследователям, работающим над своими кандидатскими и магистерскими диссертациями. Это очень отрадный факт, свидетельствующий о том, что наши юные коллеги заинтересованы в серьезной научной работе и обладают уже немалыми компетенциями в области психологических исследований. Привлекает и разнообразная тематика их исследований – от традиционных работ по этнической и педагогической психологии до принципиально новых тем и подходов в изучении чувства юмора и субкультуры молодежи.

Проблема субкультуры, как одна из наиболее актуальных на сегодняшний день, отражена и в эмпирических исследованиях. Особенно интересен поворот к анализу изменений в современных жизненных стратегиях бывших участников молодежных субкультур, что дает возможность наметить пути исследования жизненных стратегий членов современных субкультурных объединений. Проблема виртуального взаимодействия, крайне актуальная и значимая для современной психологии, также нашла отражение в содержании данного номера, как и вопрос о путях становления личности, развития самоопределения и идентичности на разных этапах онтогенеза. Необходимо отметить и статью, посвященную крайне значимой проблеме поведенческих стратегий родителей больных детей, особенно детей с тяжелыми соматическими заболеваниями. Значимость этой проблемы подтверждается и тем, что в несколько другом ракурсе эта проблема поднимается и в работах молодых ученых.

Так актуальные вопросы психологической науки являются ведущей постоянной составляющей и этого номера журнала, показывая преемственность разных подходов в их изучении.

Editor's note

Dear colleagues, nearly the half of this issue is given to young researchers who work on their candidate and master's diplomas. This is a very encouraging fact, indicating that our young colleagues are interested in serious scientific work and already have considerable competences in the field of psychological research. No less attractive is a variety of topics of their studies – from traditional works on ethnic and pedagogical psychology, to essentially new topics and approaches in studying the sense of humor and subculture of youth.

The problem of subculture, as one of the most relevant nowadays, is also reflected in empirical studies. Particularly interesting is the turn to the analysis of changes in contemporary life strategies of former participants of youth subcultures. It gives the possible to outline ways of studying the life strategies of members of modern subcultural associations. The problem of virtual interaction, which is very significant and relevant for modern psychology, was also reflected in the content of this issue, as well as the question about the ways of personal formation, developing self-determination and identity at different stages of ontogeny. It is necessary to note an article devoted to the extremely important problem of behavioral strategies of parents of sick children, especially children with severe physical illnesses. The significance of this problem is confirmed by the fact that in a slightly different perspective this problem is raised in the works of young scientists.

So we can state that important questions of psychological science are the leading constant component of this issue, showing the continuousness of different approaches in their study.

Тематические сообщения

УДК 130.2

DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-9-27

Изучение идентичности в контексте социокультурных изменений

Марина С. Гусельцева

*Психологический институт Российской академии образования,
Москва, Россия; Московский государственный областной университет,
Москва, Россия; Федеральный институт развития образования, Москва,
Россия, mguseltseva@mail.ru*

Аннотация. Развитие идентичности в современной социокультурной среде происходит в антиномии глобального и локального, стабильности и транзитивности, что, с одной стороны, способствует стремлению человека к укоренности в повседневном жизненном мире, а с другой – понуждает его соответствовать потоку неопределенных и непредсказуемых изменений. Сложность и разнообразие современных образов жизни делают субъекта представителем различных культур и сообществ, что способно вызвать риски как внутреннего, так и социального напряжения. Проблемой психологического исследования идентичности является тот факт, что между системой убеждений и ценностей субъекта, ценностями отдельных сообществ и стандартным набором представлений и ценностей культуры в целом заложены не только прогнозируемые системные противоречия, но и незамеченные линии конфликтов, сферы умалчивания и лакуны, подобраться к которым затруднительно именно в силу их латентности и неосознанности. Поиск новых методологических средств анализа ведется в области трансдисциплинарных и полипарадигмальных подходов. Идентичность в качестве трансдисциплинарного конструкта служит наведению мостов между психологией и смежными областями социогуманитарного знания, а также является интегрирующим непосредственно психологические исследования понятием.

Ключевые слова: методология, современность, транзитивность, трансдисциплинарность, идентичность, культура, социокультурная динамика

Для цитирования: Гусельцева М.С. Изучение идентичности в контексте социокультурных изменений // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 9–27. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-9-27

Study of identity in the context of social and cultural changes

Marina S. Guseltseva

*Russian Academy of Education Psychological Institute, Moscow, Russia;
Moscow State Regional University, Moscow, Russia; Federal Institute of
Education Development, Moscow, Russia, mguseltseva@mail.ru*

Abstract. The development of identity in the modern sociocultural environment occurs in the antinomy of global and local stability and transitivity, which, on the one hand, favors a person's striving for rooting in the everyday life world, and on the other, compels him to correspond to the flow of uncertain and unpredictable changes. In the complexity and diversity of modern ways of life a person becomes a representative of various cultures and communities often creating potentials for internal and social tension. The problem of psychological research of identity is the fact that behind the belief and values system of the subject, the values of individual communities and the standard set of notions and values in culture, there are not only projected systemic contradictions but also unnoticed lines of conflict, areas of silence and lacuna, which the researcher finds difficult to approach precisely because of their latency and unconsciousness. The search for new methodological tools of analysis lies in the field of transdisciplinary and polyparadigmatic approaches. Identity as a transdisciplinary construct helps to build bridges between psychology and related areas of social and humanitarian knowledge, and also integrates directly psychological research with the concept.

Keywords: methodology, modernity, transitivity, transdisciplinarity, identity, culture, social and cultural dynamics

For citation: Guseltseva MS. Study of identity in the context of social and cultural changes. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;2(12):9-27. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-9-27

Введение

Идентичность в наши дни является трансдисциплинарным понятием, широко используемым как в публичной сфере, так и в дискурсе различных наук о человеке. Данный конструкт, с одной стороны, способствует наведению мостов между психологией и смежными областями социогуманитарного знания, а с другой – выступает интегрирующим непосредственно психологическое знание термином, фокусируя в единой панораме анализа феноменологию индивидуальных, персональных, социальных, культурных, этнических, национальных, гражданских, исторических и иных проявлений человека. Отметим, что, по данным О.А. Борисовой, институционализация данной сферы познания в зарубежной науке произошла в середине 1990-х гг., когда появились междисциплинарные журналы, ориентированные именно на изучение проблем идентичности – *Identities: Global Studies in Culture and Power* и *Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture* [1].

Важным методологическим контекстом в изучении идентичности выступило осознание значимости роли культуры в развитии человека и общества, а также вызовы транзитивности, роста культурального разнообразия и сверхсложности [2, 3, 4].

В ракурсе психологического анализа категория «идентичность» не только амбивалентна и многозначна, но и претерпевает изменения уже в текущем исследовательском контексте. Если относительно недавно это понятие обозначало психологическое единство человека и его тождество с самим собой, то сегодня едва ли не нормативным становится представление о множественности, разнообразии, вариативности и текучести идентичности наших современников. Идентичность все еще означает целостность и тождество психического мира человека, одновременно в своем развитии она демонстрирует противоречивость и изменчивость. «Понятие идентичности распространилось на все уровни – микро (индивид), средний (малая социальная группа), макро (большие социальные группы – раса, этнос, нация, религиозная общность, класс, гендер), мега (культура, цивилизация, страна)» [5 с. 53]. Такое усложнение аналитического взгляда требует поиска новых методологических средств. Так, например, О.А. Борисова полагает, что «соединить целостность идентичности (концепция тождества) и различенность

позиций “Я” и “Другого” (концепция различия)» позволяет подход французского социолога П. Бурдьё, предложившего «механизм исследования идентичности в рамках исследовательской рефлексии» [1 с. 144], где именно рефлексивная сложность и субъективность создают более глубокие измерения данного феномена.

Идентичность: множественность контекстов и проблематизация конструктов

В наши дни изучение идентичности в контексте социокультурной динамики происходит при помощи различных концепций: это могут быть теории модернизации; концептуализации межпоколенческой трансмиссии; исследования ценностных трансформаций; модели культурных сдвигов и т. п. Р. Брубейкер, для которого идентичность продуктивна скорее в качестве инструментальной, нежели аналитической категории, в книге «Этничность без групп» подчеркивает смысловую неоднозначность данного понятия, обращая внимание на его различные феноменологические срезы: идентичность как принадлежность к определенной группе (идентификация и самокатегоризация); идентичность как инструментальная предпосылка социальных и политических действий; идентичность как гармонизация персональной и социальной позиций человека; идентичность как продукт национального самосознания; идентичность как стремление к внутреннему единству множественного и фрагментарного, мобильного и неустойчивого состояния субъекта современности; идентичность как самоконструирование и т. п. [6]. Одновременно он отмечает, что антиномичная природа идентичности – сочетание «единства и множественности, тождественности и различия, постоянства и изменения» – имеет методологическим следствием тот факт, что работа, производимая данным конструктом, могла бы быть проделана «более удовлетворительно несколькими группами менее нагруженных терминов, таких как идентификация и категоризация, самопонимание и социальная локализация, общность и связанность» [6 с. 18–19].

Позиция Р. Брубейкера является воплощением нового методологического подхода, демонстрирующего, что сложность, мобильность и транзитивность современного мира понуждают обновить терминологию и исследовательский инструментарий, а именно: переключить внимание с изучения идентичности как таковой к процессам идентификации; с анализа сообществ – к феноменологии их конструирования; с культуры как общего понятия – к необходимости ее дифференциации и категоризации. Кроме того, Р. Бру-

бейкер доказывает, что раса, этничность и нация являются вообразаемыми конструктами, т. е. определенными способами видения и интерпретации реальности, сложившимися в результате принятой в научном сообществе парадигмы [6]. Здесь следует отметить, что такого рода идеи были ранее развиты в работах Б. Андерсена, Б. Латюра, Н. Лумана, Дж. Урри, а их концептуализация получила название *посткритической социологии* [7]. Так, Б. Андерсен предложил конструкт «вообразаемые сообщества», в одноименной книге изучая феномен нации в качестве сконструированного понятия и реальности [8]. Н. Луман, в равной мере отвергая устаревшие, на его взгляд, модели «общество-индивидов» и «общество-государство», доказывал, что если глобальные мобилизационные проекты успешно срабатывали в индустриальную эпоху, то в постиндустриальном мире изменяются даже мотивационные структуры, стоящие за потоками социальных действий, а потому перспективы развития современного общества определяются возможностями самоорганизации субъектов и их индивидуальной свободы [9].

В свою очередь, Б. Латюр обозначил как мифологему и подверг критике понятие «общество», которое не только не объясняет индивидуального и коллективного поведения (как считалось во времена Э. Дюркгейма), но и само нуждается в проблематизации.

«Общество» составлено, сконструировано, собрано, устроено, слеплено и смонтировано. Оно больше не может рассматриваться как скрытый источник причинности, который якобы следует привлечь для того, чтобы объяснить существование и устойчивость какого-то другого действия или поведения... [10 с. 349].

Диффузия терминов, сеть и текучая среда демонстрируют рост сомнений по поводу идеи всеобъемлющего общества. В определенном смысле век спустя мы становимся свидетелями реванша Габриэля Тарда над Эмилем Дюркгеймом: общество ничего не объясняет, оно само должно быть объяснено [10 с. 350].

Согласно Дж. Урри, понятие общества превращается в повязку на глазах современного исследователя, поскольку не отражает транзитивности, мобильности и текучести идентичности и современного мира в целом. Вместо общества Дж. Урри предлагает изучать мобильности – трансформации субъективности (идентичности) в процессе текущих социокультурных изменений [11]. Таким образом, под влиянием посткритической социологии возникла интенция пересмотра, казалось бы, самоочевидных и общепринятых понятий: вместо изучения общества и сообществ исследуют

разнообразные поведенческие стратегии неустойчивых и различным образом стигматизированных групп, конфигурации и индивидуальные траектории повседневных групповых и межличностных взаимодействий [7].

Из вышесказанного следует, что в психологическом анализе текущих изменений идентичности недостаточно использовать конструкты «культура», «общество», «социальное пространство», «субкультура» в качестве объяснительных моделей. Каждый раз необходимо не только переосмысление, прояснение и определение употребляемых терминов, но и дифференциация исследуемой реальности, учитывающая ее транзитивность и мобильность (нередко это происходит посредством выработки новой терминологии). Так, например, если в свете психологических задач не определено, что следует понимать под «культурой», то непродуктивно выяснять, какое понятие шире – «культура» или «социальное пространство» [12]. Само по себе понятие «культура» есть такая же абстракция, как и «общество», которое ничего не объясняет до тех пор, пока в него, как в большой мешок, помещены самые разные представления, концепции и подходы, где культура – это и человеческая деятельность, и символический мир, и знаковая система.

В этом плане весьма продуктивной для изучения идентичности представляется концептуализация культуры Л. Анолли, который в логике интегративного мышления предлагает перейти от эмического (внутреннего) или этического (внешнего) взгляда на культуру к бинокулярной позиции. «Культура находится вне и внутри психики одновременно» [13 с. 37]. Культура, коммуникация, деятельность, социальные практики и т. п. есть одновременно и внешняя, и внутренняя культурно-психологическая реальность. Так, культуральные практики представляют собой не что иное, как течение деятельности, которая сначала ситуативно разворачивается, а затем реализуется в повседневной жизненной среде. В свою очередь, наблюдение за культуральными практиками посредством сделавшегося в наши дни общенаучным этнографического метода позволяет отслеживать текущие изменения, ускользающие от внимания стандартных психологических тестов и процедур. С позиции психологии культуры различают внешнюю (субстанциональную) и внутреннюю (перформативную) идентичности. Первая представляет собой как бы взгляд извне, выделяющий типичные черты или признаки, характеризующие группу; тогда как вторая – результат самокатегоризации, восприятия и убеждения людей, принадлежащих к данной группе. Развитие идентичности в современной культуре совершается в антинормии укорененности в повседневный мир (отчизна, малая родина, традиции, мифологемы

прошлого) и потока неопределенных и непредсказуемых изменений (инновации, трансформирующиеся и растворяющиеся, исчезающие образы будущего). Таким образом, сама по себе социокультурная динамика по отношению к идентичности предстает как двуликий Янус: с одной стороны, предоставляя опору и уверенность, а с другой – ввергая человека в тревоги и смятение.

Концептуализация культуры в психологии

В методологическом плане Л. Анолли обнаруживает проблему невидимости культуры в качестве естественной повседневной среды человека. Так, включенному в непосредственность жизненного контекста исследователю довольно трудно осмыслить понятие культуры.

Мы, как рыбы в воде, не предрасположены «видеть» культуру, потому что это среда, в которой мы живем. Это *невидимая среда*, в которую... погружен каждый из нас. ...Это *прозрачная реальность*, поскольку мы смотрим на мир и на все происходящее сквозь нее... Мы не отдаем себе отчета в том, что... смотрим на мир, принимая определенную позицию и *специфическую точку зрения*, которой и является наша культура [13 с. 19–20].

Она «существует в политических и институциональных формах, в гражданских и религиозных практиках и ритуалах, в социальных и публичных проявлениях» [13 с. 433]. В связи с игнорированием культуры при принятии экономических и политических решений Д.Б. Дондурей неоднократно указывал на необходимость различения культуры в широком смысле (непосредственная жизненная среда, атмосфера бытия и развития человека) и в узком смысле – своего рода гетто, где культура выводится за пределы жизни (театры, кино, музеи и т. п.) [14]. Такого рода дифференциация позволяет, по меньшей мере, отрефлексировать культуру как неочевидный, но от этого даже более влиятельный источник трансформации повседневности.

Изучая идентичность современного человека в контексте текущих социокультурных изменений, психология нуждается в собственной концептуализации или теории культуры. Так, с позиции культурно-аналитического подхода культура рассматривается в качестве онтологически и гносеологически сложного, разнородного конструкта. Прежде чем им оперировать, необходимо было осуществить соответствующую семантическую дифференциацию,

описывающую разные уровни исследуемой реальности. В этой связи нами была предложена модель взаимосвязи культуры и идентичности с добавлением смысловозначительных слов: культура-ноосфера, культура-этнос, культуры-миры, культуры-психотехники [15]. При таком подходе понятие «культура» может, с одной стороны, быть шире понятия «социальное пространство» (культура в целом объемлет данное изучаемое общество), а с другой – включаться в него (например, фокусировка анализа на изучении авангардистской культуры в современном обществе). Более того, семантическая дифференциация феномена культуры предполагает и более сложное представление об идентичности современного человека. Культура-ноосфера (как оппозиция природе) соотносится с общечеловеческой идентичностью («космополит», «гражданин мира», «планетарное сознание»). Культуры-этноты связаны с национальной и этнической идентичностью. Культуры-миры являются подвижными контекстами становления социокультурной и гражданской идентичности. Культуры-психотехники отвечают как за конструирование персональной идентичности, так и за процессы самоидентификации человека [16].

В свете обозначенных проблем и тенденций современной методологии довольно удачным представляется функциональное определение идентичности, предложенное Е.В. Дзякович. «Будучи устойчивым образованием, идентичность, подчас не рефлекслируемая ее носителем, является основанием его укорененности в мире. Она подразумевает усвоение и трансляцию во времени и в пространстве определенной картины мира, предполагающей особую категоризацию действительности, набор эмоционально-ценностных реакций и поведенческих практик» [17 с. 16]. В диссертационном исследовании Е.В. Дзякович обращает внимание на антиномию глобального и локального в идентичности современного человека и показывает, что наряду с образами идентичности основания культурной идентификации в неоднородном социальном пространстве являются весьма подвижными, а ведущую роль играют процессы преобразования региональной, территориальной и локальной идентичности.

Общую ситуацию в коммуникативном пространстве регионов России можно охарактеризовать как коммуникативную недостаточность. Значительная часть людей (как молодежи, так и взрослых) не включена в региональные коммуникативные пространства. Они достаточно плохо знают историю, культуру региона, в котором живут и не чувствуют в этом необходимости. Во многих случаях отсутствует чувство укорененности в окружающем пространстве [17 с. 24].

Наряду с лабильностью «баланса идентичности» (соотношением в ее структуре разных компонентов: «социальная» и «персональная», «национальная», «этническая», «региональная») имеет место определенная специфика развития хронотопа – отечественной истории и географии – социокультурного пространства, где «местная самоидентификация» не только включает (отрефлексируемые и неотрефлексируемые) слои различных культурно-исторических эпох, но и вынуждена вписываться в сложную картину «официальных» и «неофициальных» культуральных течений. В этом смысле изучение феноменологии локальных идентичностей способствует обнаружению разнонаправленных тенденций в социокультурной динамике современности.

Специфика трансформации территориальной идентичности

Неоднократно обсуждалось, что географическая координата играет особую роль в российском социокультурном пространстве и вопросах трансформации территориальной идентичности. В свое время философ А.М. Пятигорский отмечал тот факт, что в коллективных представлениях россиянина идеи географического пространства и территориальных границ доминируют над ценностью человека, собственно его развития и качества жизни на необъятных и крайне неравномерно заселенных территориях. Вместе с тем в настоящее время в российском обществе, с одной стороны, происходят латентные и противоречивые трансформации кажущихся незыблемыми представлений и ценностей, а с другой – неизбежная включенность в процессы глобализации способствует постепенному вытеснению ценностей безопасности постматериалистическими ценностями. «Основное отличие т. н. вторичной модернизации от первичной принято усматривать в том, что главное задачей является уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, а повышение качества жизни ради удовлетворения их потребностей в счастье и самовыражении» [18 с. 38].

И.Д. Прохорова отмечает современную смешанность разнообразных трендов, где прослеживаемый в историко-генетической перспективе постимперский комплекс (основательно изученный и не являющийся уникальным феноменом состояния массового сознания с позиции исторических наук) сочетается со специфической так называемого российского менталитета (заметим, что последнее понятие в наши дни также подвержено критическому переосмыс-

лению). Доминирование государства в российском социальном пространстве пронизывает все слои повседневной действительности – от системы управления до отношения к людям: «любить Родину – это любить ее пространство, но не людей»; «люди в этой системе... вторичны», приоритетным является удержание территорий, а не качество жизни людей. «Идея патриотизма, которая сегодня активно пропагандируется, – это самопожертвование людей ради территории» [19]. Иные аспекты в осмыслении этой ситуации выделяет писатель Г.Ш. Чхартишвили, обозначая опорами сложившейся системы сверхцентрализацию и сакральность власти, отсутствие правовой рациональности («царь, президент, генеральный секретарь – ...всегда ...выше закона») и «культ государства» (жители государства воспринимаются не как граждане, а как подданные: таким образом, «не государство... существует для людей, а люди... существуют для государства») [20]. В размышлениях этих общественных деятелей встречаются две значимые координаты изучения идентичности в контексте социокультурных трансформаций – культура и история.

Подобного рода обсуждения имеют не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку, согласно А.В. Юревичу, культурно-психологическое состояние российского общества, особенности так называемого российского менталитета выступают значимым фактором в прогнозировании тех или иных социальных изменений.

Применительно к современному российскому обществу в качестве таких существенных социальных явлений, имеющих важную психологическую сторону, выделены агрессивность, коррупция, чрезмерное неравенство доходов, механизм выдвижения руководящих кадров, модернизация и др. [18 с. 9].

Разнообразие и сложность устройства современного общества формируют взгляд на субъекта как представителя различных культур и субкультур. Однако проблемой психологического исследования здесь является тот факт, что между системой убеждений и ценностей самого субъекта, ценностями отдельных сообществ и стандартным набором коллективных представлений и ценностей общества как такового заложены не только вполне прогнозируемые системные противоречия, но и неочевидные перспективы латентных конфликтов, зоны умалчивания, подобраться к которым довольно сложно именно в силу их скрытости и неосознанности.

Структура, динамика и мобильность социокультурной идентичности

Социокультурная идентичность складывается, с одной стороны, из принадлежности к определенной социальной группе, с другой – из рецепции и принятия ценностей и норм, эмоционального опыта, переживаний и значений, формирующихся в горизонтах этой принадлежности [13]. Между тем стабильность и изменчивость по-разному представлены как в сообществах, так и в культурах. Например, принято считать, что восточные культуры более ориентированы на неизменность, тогда как западные лучше воспринимают трансформации. Однако, если мы переходим с уровня анализа культур на уровень сообществ, то оказывается, что в восточных культурах востребована личная гибкость и лабильность, предполагается, что человек должен изменяться под влиянием ситуации, тогда как в западных культурах ценится стабильность и постоянство личности под напором внешних обстоятельств. Данная феноменология нашла отражение в понятиях «самокомпетенция» (self-competence) – ориентация на самоопределение и способность личности контролировать свое социальное окружение, т. е. его воздействие на личность, и «самопризнание» (self-liking) – ориентация на то, как человека воспринимают окружающие люди. В свете этой концептуализации было показано, что самокомпетенция гораздо выше развита в западных культурах, тогда как самопризнание – в восточных [13].

При этом важно отметить, что, согласно данным В.С. Вахштайна, Н.В. Зубаревич и ряда других авторов, различия внутри России по ряду значимых ценностных и культуральных параметров значительно серьезнее, нежели обобщенные данные различий между Россией и Европой. Это означает, что поведенческие стратегии россиян в разных регионах отличаются между собой гораздо существеннее, нежели усредненные модели жизненных ценностей в сравнении россиян и европейцев [5].

Изучая культуры и субкультуры с позиции их готовности к стабильности или к изменениям, Р. Дворкин выделил две парадигмы морали: суждения и ценности, основанные *на долге* и суждения и ценности, опирающиеся *на право*. Так, первая модель характеризует статичные общества с однажды установившимся и относительно неизменным порядком, тогда как вторая модель свойственна обществам динамичным – изменяющимся, модернизирующимся, трансформирующимся. Из этой концептуализации проистекает множество следствий: например, в обществах, вступивших на путь перемен с высокой долей вероятности можно прогнозиро-

вать трансформацию ценностей и изменения идентичности; с другой стороны, именно сложившаяся система ценностей способна выступить серьезным препятствием для успешной модернизации. Другим фактором, коррелирующим с неготовностью к модернизации, является низкая толерантность к отклонениям [21]. Однако между полюсами стабильности и изменчивости пролегает широкое и неисследованное поле локальной и ситуативной идентичности.

Так, в психологии недостаточно осмыслен используемый в объяснительных моделях «эффект колее», который, как правило, рассматривается преимущественно в экономической плоскости анализа. Однако гораздо более высокочувствительной является здесь культурно-психологическая оптика изучения проблемы. Так, например, в работе П. Пирсона было показано, что именно взаимодействие формальных и неформальных институтов в культуре побуждает людей и поддерживать востребованный набор социальных навыков, и вступать в спонтанно возникающие коммуникативные сети, конфигурируя ситуативные, лабильные и неустойчивые идентичности [22]. В этих исследованиях анализировался самоусиливающийся эффект определенным образом выбранных действий, которые в дальнейшем создавали ситуацию подстраиваемых под них когнитивных карт и формирование новых локальных идентичностей. Согласно этой концепции, те или иные социальные действия могли быть выбраны как в результате уже сложившейся модели, так и случайно, или же в силу вполне сознательной логики преодоления и сопротивления имевшей место традиции. На следующем этапе, создавая и подстраивая под совершенные поступки и деятельности свои когнитивные карты, субъекты были склонны не замечать вступающую в противоречие с их убеждениями информацию и, напротив, отбирали те факты, которые поддерживали сложившуюся картину мира, даже если поступающая информация была скудна, ограничена и нерелевантна [22].

Иное направление исследований сфокусировалось на изучении комплекса реакций человека на перемены, получившее название *аккультурационный стресс* (данный феномен называют также «культуральным шоком»), который возникает при несогласованности внешних и внутренних культуральных моделей. Чаще всего аккультурационный стресс возникает в результате перемещения человека из одного социокультурного пространства в чужую культуральную среду, однако с большой долей вероятности он возникает и внутри собственной культуры, претерпевающей изменения. Аккультурационный стресс принимает разные формы: субъекты нередко реагируют на него агрессией, отрицанием, изоляцией. В случае же позитивной аккультурации происходит не

только вынужденное изменение идентичности, но добавление как бы нового психологического измерения, усложнение ее структуры; при менее удачном исходе наблюдается либо пассивное принятие перемен, либо срабатывают известные психологические механизмы защиты. «В такой ситуации ускорение перемен вызывает чувство замешательства, психического и аффективного смятения из-за активации и нестабильности культуральных моделей (внутренних и внешних)» [13 с. 395–396]. Таким образом, имеют место две ведущие модели аккультурации: в первой субъект посредством собственной инициативы формирует окружающее социокультурное пространство в соответствии со своими представлениями и ожиданиями; тогда как во второй ему приходится подстраиваться под существующее окружение (в том числе изменяя собственные восприятия и когнитивные схемы). Вторые модели являются более распространенными, поскольку значительно легче контролировать самого себя, нежели окружение и векторы социокультурной динамики в целом [13]. Применительно к трансформациям отечественной повседневности концептуализации культурального шока являются продуктивными объяснительными моделями, дифференцирующими общество относительно «времени надежд» или «лихих 1990-х». О постепенном изживании этой культурной травмы, на наш взгляд, свидетельствуют участвовавшие дискуссии в ФБ, рассматривающие данную проблематику апеллируя не столько к эмоциональной сфере, сколько прибегая к рациональной аргументации.

Феномены креолизации и мультикультурной идентичности

Принадлежность современного человека к разным культурам и сообществам создает его мультикультуральную идентичность, которая выступает результатом *креолизации*, т. е. смешивания (синкретизма, гибридизации) жизненных практик и элементов различных традиций. При этом нельзя исключать тот факт, что ситуации внешней угрозы способны спровоцировать обратный процесс трансформации к моноидентичности. «Наша эпоха – это эпоха неопределенности, риска, индивидуальной и коллективной дезориентации», в ней широко представлены «противоречащие друг другу стремления» [13 с. 452].

Мультикультуральная идентичность формируется как с аутореферентных («таков я есть»), так и гетерореферентных («таковым я не являюсь») позиций. Появляющиеся в последнее время мно-

гомерные модели идентичности содержат параметры согласованности и гибкости последней. Большое внимание здесь уделяется индивидуальному стилю и разнообразию культуральных практик. Так, например, возможность гармонично вписаться в перемены, в социокультурную динамику текущих трансформаций опирается на разные психологические ресурсы в восточных и западных культурах. Преимуществом первых является их ситуативная гибкость и сензитивность к изменяющемуся контексту; в свою очередь, важным ресурсом западных культур является установочно-рациональная готовность к измерениям и относительная стабильность ядра идентичности (самокомпетенции). Наряду с этим в наши дни на передний план выходят феномены мультикультурной идентичности и *креолизации* как «процесса впитывания ценностей другой культуры» [13 с. 418]. В результате глобализации в качестве ведущего фактора современной культуры происходит активное смешивание различных культур, субкультур и этносов; наблюдаются экспансия английского языка в статусе планетарного, возникновение и функционирование глобальной сети обмена научными данными среди ученых, распространение музыки, кинопродукции, книг и т. п. «Джаз, танго, рэги, кантри, рэп, латиноамериканские ритмы и т. д. – все это глобальные формы музыки, которые путешествуют с континента на континент без какого-либо разделения или порядка» [13 с. 422]. В свою очередь, современные технологии коммуникации привели к стиранию пространственно-временных границ: сделалось возможно «в любой момент в режиме реального времени связаться с кем угодно из какой угодно точки земного шара» [13 с. 421]. При этом и глобальная, и локальные культуры содержат в себе полярные тренды: центристского единства и центробежного разнообразия; интеграции и дифференциации; гомогенизации и гетерогении; и т. п. Так, в контексте глобализации Л. Анолли прослеживает, каким образом глобальные культуральные изменения влияют на субъективность. Если в относительно недавнем прошлом культуральные влияния были обусловлены взаимодействием нескольких культур, одна из которых считалась доминирующей, то в наши дни сосуществует возникшее в разнообразии жизненных миров «множество культуральных форм», которые – произвольно или непроизвольно – пересекаются и смешиваются между собой. Такого рода микс является ежедневной социокультурной средой для развития как отдельного человека, так и человечества в целом. «Глобализация не имеет единого направления», она представляет собой «culture multiple» – взаимодействующую совокупность множества культур, «возникших под влиянием процесса глобализации на локальную реальность». В этой ситуации «осознание ограничен-

ности, множественности и изменяемости собственных знаний преобразует облик субъективного опыта», где вместо исторической фатальности места и времени рождения и представлений о роли судьбы появляется возможность выбора «с помощью действий, наделенных смыслом на субъективном уровне» [13 с. 422].

Результатом представленного на планетарном уровне культурного разнообразия становится позиция космополитизма. Космополит «занимает психологическую позицию ментальной и эстетической открытости перед чуждым ему культуральным опытом», что «подразумевает любопытство и умение ориентироваться в других культурах», а также способность сорадоваться достижениям (новизне и оригинальности) чужой культуры. «Осознавая собственную автономию, он умеет уловить и уважать различия между людьми» и относиться к этому с уважением [13 с. 423].

Следует отметить, что глобализация – противоречивый тренд, поскольку способствует как универсализации, так и возрастанию сложности культуры; с одной стороны, на передний план выходят транснациональные тенденции развития, а с другой – по данным Л. Анолли, наблюдается «современное этническое возрождение» [13 с. 418]. Взаимопреращение глобального и локального, национальные и транснациональные культуральные потоки, центробежные и центростремительные течения создают как новые различия, так и «непредсказуемые тенденции объединения» [13 с. 423]. Возникший неологизм «глокализация» отражает именно этот феномен – взаимодействие процессов глобализации и локализации в формировании территориальной и региональной идентичности.

В свою очередь, концептуализация культуральных пределов побуждает к определению культуры, ее воображаемых границ и отличий от других культур. Культуральные пределы «балансируют между защитой и нападением» [13 с. 425], они помогают либо не позволяют человеку присоединиться к убеждениям, ценностям и порядкам иной культуры. Это прежде всего внутренние пределы, опирающиеся на идентичность, рассматриваемую как принадлежность человека к тому или иному сообществу. При этом недоверие, подозрительность и аффективное предубеждение выступают предпосылками для ригидности этих пределов.

Заключение

Таким образом, современный человек является носителем разнообразия культуральных моделей, как имплицитных, так и эксплицитных, неосознанных и отрефлексированных, согласованных между собой и крайне амбивалентных, чаще всего эти модели проявляются контекстуально. В этом плане феномены локальной, лабильной и мультикультуральной идентичности являются вполне органичным ответом на вызовы разнообразия, сложности и транзитивности современного общества. При этом изучение феноменологии локальной и территориальной идентичностей способствует обнаружению разнонаправленных тенденций в социокультурной динамике современности. Поиск новых методологических средств анализа лежит в области смешанных и полипарадигмальных подходов, где идентичность в качестве трансдисциплинарного конструкта способствует наведению мостов между психологией и смежными областями социогуманитарного знания, являясь также обновленным понятием, интегрирующим и непосредственно психологические исследования.

Литература

---

1. *Борисова О.А.* Ускользающая идентичность или анализ категории «идентичность» в рамках структурно-конструктивистского подхода // Вестник Удмуртского университета. 2006. № 3. С. 141–146.
2. *Барнетт Р.* Осмысление университета // Образование в современной культуре. 2001. Альманах 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm> (дата обращения: 05.09.2017).
3. *Марцинковская Т.Д.* Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016. 271 с.
4. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
5. *Федотова Н.Н.* Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 52–62.
6. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Высшая школа экономики, 2012. 408 с.
7. *Вахитайн В.С.* Пять книг о посткритической социологии // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 275–281.
8. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
9. *Луман Н.* Общество общества. Ч. 3: Эволюция. М.: Логос, 2005.

10. *Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: Сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–364.
11. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Высшая школа экономики, 2012. 336 с.
12. *Гусельцева М.С.* Социальное пространство как основание для полипарадигмального синтеза // Психологические исследования. 2013. № 6 (30). С. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.03.2018).
13. *Анолли Л.* Психология культуры. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 480 с.
14. *Дондурей Д.Б.* Ночной и дневной народы. Язык табуирует жизнь // Искусство кино. 2012. № 4. С. 9–14.
15. *Гусельцева М.С.* Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007. 292 с.
16. *Гусельцева М.С.* Культурно-аналитический подход как интегративная методология изучения современного подростка // Проблема личности в контексте современной социальной ситуации развития детей, подростков и молодежи: Сб. материалов междунар. научно-практ. конф. X Левитовские чтения в МГОУ / Под ред. Е.М. Климовой. М.: МГОУ, 2016. С. 26–29.
17. *Дзякович Е.В.* Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: Автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011. 46 с.
18. *Юревич А.В.* Психология социальных явлений. М.: ИП РАН, 2014. 349 с.
19. *Прохорова И.Д.* Кто виноват и что делать? // Zima Magazine. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://zimamagazine.com/2016/02/irina-prohorova-kto-vinovat-i-chto-delat/> (дата обращения: 29.03.2018).
20. «История России конечна». Большое интервью с Борисом Акуниным // Настоящее время. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/29100422.html> (дата обращения: 29.03.2018).
21. *Dworkin R.* Taking rights seriously. Cambridge MA: Harvard University Press, 1978. 368 p.
22. *Pierson P.* Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // The American Political Science Review. 2000. V. 94. № 2. P. 251–267.

References

---

1. Borisova OA. An escaping identity or analysis of the category “identity” within the framework of the structural-constructivist approach. *Bulletin of the Udmurt University*. 2006;3:141-46. (In Russ.)
2. Barnett R. Comprehending the University. *Education in Contemporary Culture*. Almanac. 2001;1. [Internet]. (data obrashcheniya 5 sept. 2017). URL: <http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm> (In Russ.)
3. Martsinkovskaya TD. Culture and subculture in the space of the psychological chronotope. Moscow: Smysl Publ.; 2016. 271 p. (In Russ.)
4. Kharrison L., Khantington S. (eds.) Culture Matters. How Values Shape Human Progress. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ.; 2002. (In Russ.)

5. Fedotova NN. Concepts of identity in conditions of non-linear sociocultural dynamics. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2013;2:52-62. (In Russ.)
6. Brubeiker R. Ethnicity without groups. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ.; 2012. 408 p. (In Russ.)
7. Vakhshain VS. Five books on postcritical sociology. *Sociology of power*. 2012;6-7:275-81. (In Russ.)
8. Anderson B. Imagined Communities. Moscow, Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole Publ.; 2001. 288 p. (In Russ.)
9. Luman N. Obshchestvo obshchestva. Ch. III. Evolyutsiya. Moscow: Logos Publ.; 2005. (In Russ.)
10. Latur B. When things give a rebuff. The possible contribution of “research of science” into the social sciences. V: V. Vakhshain (ed.) *Sociology of things: A collection of articles*. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2006. P. 342-64. (In Russ.)
11. Urri G. Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ.; 2012. 336 p. (In Russ.)
12. Gusel'tseva MS. Social space as a basis for polyparadigmatic synthesis. [Internet]. *Psychological Studies*. 2013;6(30):1. (data obrashcheniya: 29 march 2018). URL: <http://psystudy.ru> (In Russ.)
13. Anolli L. Psychology of Culture. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr Publ.; 2016. 480 p. (In Russ.)
14. Dondurei DB. Night and day people. Language tabooing life (In Russ.) *Iskusstvo kino*. 2012;4:9-14. (In Russ.)
15. Gusel'tseva MS. Cultural psychology. Methodology, history, prospects. Moscow: Prometei Publ.; 2007. (In Russ.)
16. Gusel'tseva MS. Cultural-Analytical Approach as an Integrative Methodology for the Study of the Modern Adolescent. V: EM. Klimova (ed.). *The Problem of the Personality in the Context of the Modern Social Situation in the Development of Children, Adolescents and Youth: A Compendium of the International Scientific and Practical Conference. X Levitic Conference*. Moscow: MGOU Publ.; 2016. P. 26-29. (In Russ.)
17. Dzyakovich EV. Local identities in the context of socio-cultural dynamics of Russian regions. Avtoref. dis. ... doctora kul'turologii. Moscow; 2011. 46 p. (In Russ.)
18. Yurevich AV. Psychology of social phenomena. Moscow: IP RAN Publ.; 2014. 349 p. (In Russ.)
19. Prokhorova ID. Who is to blame and what to do? *Zima Magazine*. [Internet] (data obrashcheniya 29 march 2018). URL: <https://zimamagazine.com/2016/02/irina-prohorova-kto-vinovat-i-chto-delat/> (In Russ.)
20. “The history of Russia is finite”. A great interview with Boris Akunin. *Nastoyashchee vremya*. 2018. [Internet]. (data obrashcheniya 29 march, 2018). URL: <https://www.currenttime.tv/a/29100422.html> (In Russ.)
21. Dworkin R. Taking rights seriously. Cambridge MA: Harvard University Press; 1978. 368 p.
22. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *The American Political Science Review*. 2000;94(2):251-67.

Сведения об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; Московский государственный областной университет, Москва, Россия; Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А; Федеральный институт развития образования, Москва, Россия; 125319, Россия, Москва, ул. Черняховского, д. 9–1, mguseltseva@mail.ru

About the author

Marina S. Guseltseva, Doctor in Psychology, associate professor, Russian Academy of Education Psychological Institute, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 9, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russia; Moscow State Regional University, Moscow, Russia; bld. 10A, Radio str., Moscow, 105005, Russia; Federal Institute of Education Development, Moscow, Russia; bld. 9–1, Chernyakhovsky str., Moscow, Russia, 125319; mguseltseva@mail.ru

УДК 159.9:616

DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-28-44

Некомплаентное поведение родителей
в процессе лечения детей с жизнеугрожающими
(онкологическими / гематологическими /
иммунологическими) заболеваниями:
обзор исследований и подходов по профилактике

Наталья В. Клипина

*Национальный медицинский исследовательский центр детской
гематологии, онкологии и иммунологии имени Дмитрия Рогачева,
Москва, Россия, nklip@mail.ru*

Сергей Н. Ениколопов

*Научный центр психического здоровья
Российской академии медицинских наук,
Москва, Россия, enikolopov@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу и обобщению результатов исследований актуальной проблемы некомплаентного поведения родителей, сопровождающих детей в процессе лечения жизнеугрожающих (онкологических / гематологических / иммунологических) заболеваний. Некомплаентность родительского поведения является одной из причин снижения эффективности лечения и смертности детей с тяжелыми заболеваниями. В статье анализируются основные трудности исследования, используемые методы и подходы к изучению некомплаентного поведения родителей. Анализируются социальные, экономические, психологические факторы, ассоциированные с родительской некомплаентностью. Особое значение уделяется анализу связи некомплаентности с переживаемым родителями дистрессом и используемыми ими копинговыми стратегиями, а также с особенностями коммуникации и информирования родителей медицинским персоналом в процессе лечения детей. Приводится обзор существующих направлений и профилактических методов некомплаентного родительского поведения в клинике детской онкологии / гематоло-

гии / иммунологии. Рассмотрение некомплаентного поведения родителей как многофакторного феномена и разработка комплексного подхода к его оценке открывает новые возможности и пути для улучшения адаптации родителей к тяжелому заболеванию детей и длительному и непростому лечению.

Ключевые слова: некомплаентное поведение, родители, дети с онко / гематологическими болезнями, жизнеугрожающие заболевания

Для цитирования: Клипинина Н.В., Ениколопов С.Н. Некомплаентное поведение родителей в процессе лечения детей с жизнеугрожающими (онкологическими / гематологическими / иммунологическими) заболеваниями: обзор исследований и подходов по профилактике // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 28–44. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-28-44

Parental noncompliance during the treatment
of children with life-threatening diseases
(oncological / hemotological / immunological).
A review of researches and preventive approaches

Natal'ya V. Klipinina

*Dmitry Rogachev National Research Center
of Pediatric Hematology, Oncology and Immunology,
Moscow, Russia, nkclip@mail.ru*

Sergei N. Enikolopov

*Mental Health Research Center of Russian Academy
of Medical Sciences, Moscow, Russia, enikolopov@mail.ru*

Abstract. The article analyzes and summarizes results of studying a priority issue of parental noncompliance during the treatment of children with life-threatening diseases (oncological / hematological / immunological). Parental noncompliance is one of the most important factors influencing treatment efficiency and children's death rate. It describes the existing methods and approaches, and also major challenges in studying the issue. There is

an analysis of social, economic and psychological factors associated with parental noncompliance. The correlation between parental noncompliance, distress experienced by parents and coping strategies they use, as well as the peculiarities of communication and informing parents by medical personnel in the treatment of children are focus of special consideration of this article. The directions for prevention of parental noncompliance in children oncology / hematology / immunology clinic are discussed.. The consideration of parents 'incompetent behavior as a multifactorial phenomenon and the development of an integrated approach to its assessment lead to new opportunities and directions for improvement in parental adaptation to life-threatening children disorders and severe treatment.

Keywords: parental noncompliance, parents, children with onco/hematological illnesses, life-threatening diseases

For citation: Klipinina NV., Enikolopov SN. Parental noncompliance during the treatment of children with life-threatening diseases (oncological / hemotological / immunological). A review of researches and preventive approaches. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology, Pedagogics. Education" Series.* 2018;2(12):28-44. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-28-44

Введение

За последние 30 лет достижения современной медицины позволили значительно улучшить результаты лечения детей с такими жизнеугрожающими заболеваниями, как онкологические / гематологические / иммунологические. Так, у детей с острыми лимфобластными лейкозами (ОЛЛ) выживаемость составляет 70–80%, у детей с остеогенной саркомой (ОС) – 60–80 %, у детей с лимфомой Ходжкина (ЛХ) – более 90% [1].

Однако достижение положительного результата в лечении жизнеугрожающих заболеваний у детей требует тесного и непрерывного сотрудничества медицинского персонала и родителей, активного поведения родителя в отношении всего спектра медицинских назначений и рекомендаций на всех этапах лечения. Такое поведение родителей называется комплаентным (от англ. «compliance»). При лечении детей с онкологическими, гематологическими, иммунологическими заболеваниями комплаентность поведения со стороны сопровождающего его близкого (родителя / опекуна) предполагает контроль состояния ребенка, соблюдение точности выполнения лекарственных и нелекарственных назначений, соблюдение гигиены, следование диете и режиму лечения,

помощь в мотивации ребенка перед проведением процедур, регулярным посещением клиники, своевременными госпитализациями для проведения лечебных мероприятий, принятием жизненно важных решений в интересах ребенка и т. д. [2–5].

Однако случаи некомплаентного поведения (варьирующие от единичных уклонений от назначений до систематических несоблюдений рекомендаций и даже отказов от лечения) у родителей детей с онкологическими/гематологическими/иммунологическими заболеваниями не являются редкостью; по оценкам разных исследователей, их распространенность варьируется от 2 до 52% случаев [1, 3, 5].

Некомплаентность родителей представляет серьезную угрозу для лечения детей / подростков: не только снижает эффективность проводимой терапии, но и приводит к рецидивам заболевания и к гибели детей [1, 3, 6, 7]. Английские исследователи полагают, что как минимум 95% медицинских предписаний должны быть точно соблюдены, чтобы не ассоциировать возможные неудачи лечения с проблемами некомплаентности [5]. Наиболее критичным поведение родителей становится в момент, когда ремиссия в лечении ребенка еще не достигнута. Однако и на этапе амбулаторного лечения, когда родители сами контролируют состояние ребенка и выполнение медицинских назначений и предписаний, некомплаентное поведение родителей способно негативно повлиять на исход лечения [4, 5]. Международный комитет психосоциальных исследований в детской онкологии (SIOP) рассматривает проблему некомплаентности родителей как одну из основных причин предотвратимых смертей у детей/подростков с онкологическими заболеваниями [3].

Медицинскому персоналу поведение некомплаентных родителей кажется непонятным, абсурдным, нелепым. Исследования свидетельствуют, что врачи и медсестры готовы легче принять родительскую некомплаентность (даже отказы от лечения в случаях с плохим прогнозом лечения заболевания ребенка, особенно если ребенок подросткового возраста) и достаточно трудно принять и продолжить общение с семьями, отказавшимися от лечения детей в ситуациях с умеренным или хорошим уровнем вероятности эффективности лечения [6, 8]. В связи с подобным непониманием родительского поведения медицинский персонал, проводящий лечение детей с онкологическими / гематологическими / иммунологическими заболеваниями, часто переживает различные негативные эмоции, способствующие снижению уровня удовлетворенности профессиональной деятельностью и повышающие уровень профессионального дистресса помогающих специалистов [9].

Понимание поведения родителей, анализ факторов родительской некомплаентности представляется важным для профилактики проблемы профессионального выгорания медицинских специалистов, занимающихся лечением жизнеугрожающих заболеваний у детей / подростков.

Трудности и методы исследования некомплаентного поведения родителей

Несмотря на актуальность проблемы некомплаентного поведения родителей для клиники детской онкологии / гематологии / иммунологии, исследования, посвященные данной теме, немногочисленны. Это связано с рядом методологических трудностей, в том числе со спецификой определения самого термина «комплаентность» и выбором методов для его оценки. Анализ и обобщение результатов различных исследований часто затруднены ввиду различия используемых методологий и методов исследования [4, 5].

Крайние формы проявления некомплаентного поведения (завершенные отказы от лечения) возможно изучать лишь ретроспективно, используя опросы и интервью персонала, изучая записи и истории болезни. Отечественные исследования некомплаентного поведения родителей детей с жизнеугрожающими заболеваниями крайне малочисленны [1, 10–13].

Лекарственную комплаентность традиционно измеряют прямыми биологическими (изучением маркеров препаратов в крови, мочи и т. д.) и косвенными методами (оценкой/пересчетом принятых таблеток, в том числе с помощью специальных электронных приборов, сопоставлением предполагаемого и реального результатов лечения). С расширением понятия комплаентности и пониманием данного понятия как комплексного поведенческого феномена, а также благодаря распространению модели партнерского общения врач–родитель, методы исследования некомплаентного поведения родителей значительно расширились и дополнились. В настоящее время широко используются самоотчеты родителей (опросы, отчеты родителей о соблюдении предписаний), оценка качества сотрудничества родителей в процессе лечения и т. д. Ввиду легкости применения и экономической оправданности все активнее используются различного рода интервью с родителями, различные опросники, полуструктурированные формы интервью, формализованные беседы с родителями. Правда, по данным некоторых исследователей, опора лишь на данные самоотчетов родите-

лей может приводить к преувеличению реального процента случаев некомплаентного поведения родителей [2, 4, 5, 11, 12, 14].

Использование разных методов оценки некомплаентного поведения в одном и том же случае дают различные результаты. Так, в одном исследовании было показано, что из имеющихся 53,8% случаев (где имелись указания на некомплаентное поведение родителей) в 33% случаях это подтверждалось опросниковыми методами, в 30,7% были найдены очевидные указания на некомплаентное поведение родителей в медицинских историях и в 16,6% случаев нарушения комплаентности были зафиксированы на уровне изменений метаболизма (снижения необходимой концентрации принимаемого препарата в анализах детей/подростков). Из 39 принявших участие в опросе родителей в 21 случае нарушения комплаентности было выявлено хотя бы одним из этих методов, в 8 случаях они регистрировались как минимум двумя методами [4].

Кроме этого, существуют определенные трудности сопоставления комплаентности/некомплаентности поведения одного и другого родителя. Одни родители могут быть комплаентными в отношении одних рекомендаций и некомплаентными в отношении других, другие – наоборот. Многие из назначений и рекомендаций носят индивидуальный характер или являются достаточно гибкими и соответственно требуют гибкости используемых методов оценки комплаентности. Для нивелирования подобных трудностей в современных исследованиях рекомендуется использовать комплексную оценку комплаентности поведения родителей, учитывать оценку приверженности важным медицинским назначениям согласно лечебному протоколу. Мерой комплаентности/некомплаентности в таком случае становится число/процент нарушений важных медицинских предписаний протокола лечения того или иного заболевания [4, 5].

В нашем исследовании для оценки выраженности комплаентности / некомплаентности поведения родителей детей с различными жизнеугрожающими заболеваниями (онкологическими / гематологическими / иммунологическими) использовалась аналоговая шкала (от 0 до 5), сама же оценка осуществлялась лечащим врачом. Также использовалась специально разработанная анкета, заполняемая на основании интервью с медицинским персоналом, позволяющая зафиксировать и конкретизировать характерные особенности некомплаентного поведения родителей, сопровождающих детей на лечении [10–13].

Анализ факторов некомплаентного поведения родителей детей с жизнеугрожающими заболеваниями

Проведенный нами обзор имеющихся исследований и анализа собственного клинического опыта работы в клинике детской онкологии/ гематологии/ иммунологии позволяет говорить о некомплаентности родителей как о феномене, часто обуславливаемом одновременно разными факторами [1–3, 5–7, 10–13, 15]. Условно данные факторы можно сгруппировать в определенные группы. Некоторые из этих групп являются более очевидными или отличаются большей объективностью.

Например, к очевидным можно отнести группу *социально-экономических факторов*, по причине которых родители нередко вынуждены прекратить лечение детей/подростков. Это дефицит финансов и средств, испытываемых родителями для обеспечения лечения, потеря семьей поддержки и обилие социально-бытовых нужд у семьи в процессе лечения и т. д.

Также можно отметить *группу факторов, связанных с особенностями заболевания и лечения*. Среди особенностей болезни, часто ассоциированных с некомплаентным поведением родителей, отмечают: неочевидность симптомов серьезного заболевания или угрозы жизни ребенка, удовлетворительное состояние ребенка/подростка на момент предložения лечения, неясность диагноза и прогноза лечения, хроническое/длительное течение заболевания. Среди особенностей лечения выделяют: наличие прошлого негативного опыта, плохой прогноз лечения и отсутствие перспектив, тяжелые побочные действия лечения, агрессивное (например, связанное с необходимостью проведения трансплантации гемопоэтических стволовых клеток) или инвалидизирующее лечение (например, связанное с необходимостью выполнения ампутаций), усталость от лечения, неэффективность лечения [3, 7, 8]. На разных этапах лечения причины некомплаентного поведения родителя могут быть разными. Так, по данным некоторых авторов, отказы родителей от лечения детей чаще встречаются на начальном этапе лечения. В ситуации стабилизации состояния ребенка на комплаентность поведения родителей начинают оказывать влияние следующие факторы: переносимость терапии, доверие врачам, прислушивание родителей к советам со стороны окружающих, неочевидность тяжести заболевания ребенка и/или необходимости продолжения лечения. На этапе перевода на паллиативное лечение отказы родителей рассматриваются, скорее, как форма защиты в ситуации потери веры в успех лечения [1].

В отличие от группы социально-экономических факторов и группы факторов, связанных с особенностями заболевания и лечения, социально-психологические факторы некомплаентного родительского поведения оказываются гораздо менее очевидными, представляют внутреннюю, скрытую от внешнего наблюдателя реальность и являются гораздо менее изученными и систематизированными. Тем не менее можно говорить о возможном влиянии на комплаентность родителей как минимум нескольких групп социально-психологических факторов.

Группа социально-культурных факторов. Некомплаентное поведение родителей нередко оказывается связанным с различными социальными предрассудками, острацизмом, различными религиозными верованиями и учениями [3]. Дефицит естественно-научного способа мышления в обществе, потребительское и неуважительное отношение к медицине в российском обществе также способствуют некомплаентному поведению родителей.

Группа факторов, связанных с особенностями внутренней картины болезни и лечения. Наличие у родителей мифов о заболевании и лечении, стойких негативных установок по отношению к лечению может серьезно затруднять проводимое ребенку лечение [3, 7].

Группа факторов, связанных с социально-психологическими и личностными особенностями родителей: молодой возраст родителей, низкий уровень их образования, тяжелое эмоциональное состояние родителей [3, 6, 10–13, 16]. Некомплаентное поведение тесно связано с *переживаниями родителей*. Тяжелое заболевание ребенка и сложное лечение, бесспорно, являются для семей экстремальным стрессом, стрессом уровня катастрофы, влекущим видимую или «невидимую» угрозу жизни ребенка. Дефицит ресурсов его преодоления может стать причиной трудностей их адаптации к лечению. Проводимое нами исследование выявило связь некомплаентности поведения матерей детей, проходящих лечение от онкологических/гематологических/иммунологических заболеваний на этапе стационарного лечения с переживаемым ими дистрессом и особенностями используемых ими копинговых стратегий. Уровень некомплаентности поведения матерей положительно коррелировал с увеличением уровня, интенсивности и шириной их дистресса, высокими значениями по таким шкалам дистресса, как «депрессия», «обсессивно-компульсивные симптомы», «тревожность», «сензитивность», «фобия». Преимущественным использованием копинговых стратегий в группе матерей с выраженным некомплаентным поведением были: «использование успокоительных», «поведенческий уход от проблем», «отрицание», «использование инструментальной социальной поддержки», «обвинение других»,

«самообвинение», «катастрофизация». Одновременно некомплаентным родителям было несвойственно использование стратегий «юмор», «принятие», «планирование», «активное совладание», «позитивное переформулирование и личностный рост», «позитивная переоценка», «позитивная перефокусировка», «фокусирование на планировании». Данные проведенного исследования позволяют рассматривать выраженные обсессивно-компульсивные симптомы дистресса, стратегии копинга «использование успокоительных», «подавление конкурирующей деятельности», дефицит использования стратегий «активное совладание» и «юмор» – в качестве предикторов нарушений адаптации матерей, их выраженной некомплаентности в процессе лечения детей [10–13, 16].

Дистресс родителей мешает выполнять им свою родительскую роль. Чувство вины и беспомощности возникает в результате потери у родителя ощущения собственной способности защищать своего ребенка. В результате этого родители, боясь потерять любовь ребенка или расстроить его, могут отказываться от важных процедур. Родители детей с онкологическими заболеваниями в период от 1 месяца до 7 лет после постановки диагноза, по сравнению с родителями здоровых детей, в целом оказывались более непоследовательными, более гиперопекающими, менее эмоционально откликаемыми по отношению к нуждам и различным потребностям своих детей. У матерей с выраженным дистрессом матерей на протяжении нескольких месяцев наблюдается избегание всего того, что связано с болезнью и лечением ребенка – мыслей, чувств, напоминаний о необходимости соблюдения врачебных предписаний. Это может мешать процессу лечения, согласованности взаимодействия персонала и родителей. Эмоциональное состояние родителей, обусловленное стрессом, например, депрессивные симптомы у родителей, могут влиять на принятие решений по поводу здоровья детей, пунктуальность и точность выполнения рекомендаций, посещаемость врачей, на детско-родительские отношения и коммуникацию [11–13, 16].

Еще одной группой факторов, оказывающей сильное влияние на комплаентность родительского поведения в процессе лечения, оказывается *группа факторов, отражающих особенности взаимодействия родителя с ребенком*. Здесь стоит отметить тяжелое эмоциональное состояние ребенка, его подростковый возраст, неадекватное представление ребенка/подростка о своей болезни и лечении, непонимание ребенком/подростком необходимости лечения, высокий уровень оказываемого им сопротивления, конфликты родителя/семьи с ребенком и потеря в глазах ребенка/подростка родительского авторитета [1, 3, 6, 14].

Важной группой факторов, негативно влияющих на комплаентность родителей, оказывается *группа факторов, связанных с особенностями взаимодействия/коммуникации врач–родитель*: отсутствие качественного взаимодействия врач–родитель, патерналистский тип отношений, специфика информирования родителей со стороны медицинского персонала [3, 4, 14, 17, 18]. Некомплаентность родителей часто оказывается связанной с *особенностями их информирования или усваивания ими информации*. Выявлена корреляция точности понимания родителями медицинских предписаний от понимания/осознания факта серьезности заболевания ребенка. Если родитель понимает, что заболевание ребенка сопряжено с риском для его жизни, а также уверен, что врач корректен в назначенном лечении и в уменьшении риска осложнений/смерти за счет лечения в том, что лечение уменьшает этот риск осложнений (или смерти) и улучшает здоровье – уровень комплаентности в таких ситуациях в целом выше. Некомплаентное поведение родителей часто является ненамеренным и связанным с низкой мерой осознанности, легко корригируется при привлечении внимания родителей к тем или иным нарушениям предписанных назначений. В таком случае в данных самоотчетов и интервью с родителями, нарушающими лечебные предписания, родители обозначают мотивы своего некомплаентного поведения как забывчивость, отвлечение на домашние хлопоты, социальную и религиозную активность в момент необходимого приема препарата. Среди родителей детей с различными заболеваниями, родители детей с жизнеугрожающими заболеваниями имеют наибольшее число трудностей и проблем во взаимодействии с медицинским персоналом, возникающих во время лечения. Некомплаентное поведение родителей в свою очередь также влияет на отношения врач–родитель, ухудшая контакт. Родители, негативно настроенные по отношению к персоналу (например, обвиняющие докторов в неудачах), получают от медицинского персонала меньше поддержки [3, 4, 14].

Рекомендации по предотвращению некомплаентного поведения у родителей детей с жизнеугрожающими заболеваниями

Мультифакторная природа происхождения некомплаентного поведения родителей предполагает комплексный подход к ее решению [2–4, 6, 15].

Профилактика факторов некомплаентного родительского поведения. Исследователи отмечают низкую эффективность попыток

изменить что-то на этапах реализации родителями отказа от лечения ребенка, а также о важности и эффективности профилактических мероприятий некомплаентного поведения родителей [2, 3]. Речь идет о помощи в решении всех вопросов и проблем родителей/семьи (в том числе материальных и бытовых), которые могут стать препятствием для лечения ребенка, о необходимости привлечения внимания к религиозной и культурной традиции семьи. Мероприятия, способствующие уменьшению выраженности некомплаентного поведения родителей, можно классифицировать следующим образом.

1. *Организационные мероприятия.* Прежде всего, речь идет о повышении согласованности и слаженности работы мультидисциплинарной команды специалистов, участвующих в лечении ребенка и взаимодействующих с родителем, о наличии четких алгоритмов действия в случае обнаружения признаков некомплаентного поведения родителей. Это уменьшает уровень тревоги родителей в процессе лечения детей, повышает уровень их доверия к персоналу и медицинскому учреждению, где проходит лечение ребенок, и т. д.

2. *Улучшение качества взаимодействия и коммуникации врач–родитель.* Данные рекомендации, прежде всего, имеют следующую цель – повышение уровня доверия и качества информирования родителей. Медицинскому персоналу рекомендуется быть доступными для общения с родителями, быть честными и открытыми в общении с ними, с самого начала лечения ребенка вовлекать родителя в процесс обсуждения процесса лечения и принятия решений; регулярно формировать адекватные родительские представления о болезни и лечении ребенка, способствуя разоблачению имеющихся у родителей мифов, помогая поступлению качественной, своевременной, сбалансированной информации, а в определенных случаях – получению дополнительной информации (получению второго мнения, разбору и объяснению сложных и неоднозначных решений, принимаемых в процессе лечения). Особенно актуальны данные рекомендации в отношении тех семей, которые имеют сомнения по поводу целесообразности назначенной им терапии, необходимости проведения операций, а также для семей, склоняющихся к альтернативным или нетрадиционным видам лечения. Семьи часто меняют свое мнение в пользу доказательной медицины, если персонал уделяет достаточно времени аргументированному объяснению своей позиции и описанию последствий следования нетрадиционным методам лечения [3, 7, 15, 17–20].

3. *Организация психосоциальных интервенций для родителя/семьи.* Наиболее результативными для повышения уровня комп-

лаентности поведения родителей зарекомендовали себя следующие интервенции:

- *Психообразовательные мероприятия для родителей.* Занятия помогают сформировать родителю верные представления о состоянии ребенка и лечении, достигнуть согласованности целей родителей и персонала.
- *Когнитивно-бихевиоральная терапия родителей.* В данном случае терапия оказывается направленной на улучшение эмоционального состояния родителей, изменение их установок и негативных мыслей (за счет использования методов релаксации, отвлечения, управляемого воображения, десенсибилизации, получения обратной связи, мониторинга происходящей ситуации, заключения своеобразного контракта с родителем).
- *Тренинг развития навыков саморегуляции для родителей.* Тренинги для родителей с трудностями комплаентности могут быть направлены на улучшение родителями контроля приема лекарств, развитие у них навыков планирования и совладания с трудностями, а также решение проблем межличностной коммуникации [2, 3, 5, 15].

Положительно зарекомендовало себя проведение специализированного *мотивационного интервью для профилактики некомплаентности родителей.* Около 15% родителей по-разному воспринимают рекомендации специалистов, нуждаются в регулярной поддержке мотивации лечения. Стратегия проведения регулярных обсуждений, дискуссий с родителями с учетом их мнений, желаний, личных приоритетов и социальной ситуации семьи (в связи с которыми родители нарушают предписания лечения детей), вовлечение родителей в процесс ухода за детьми, процесс лечения и принятия решения – все это способствует улучшению комплаентности родителей и повышает их мотивацию лечения детей. Мотивационное интервью относится к формату пациент-центрированного коммуникативного подхода, направленного на построение партнерских отношений врач–родитель, благодаря использованию медицинским персоналом (преимущественно врачами) приемов эмпатического слушания, развитию межличностной сензитивности, регулярному информированию родителей, проработке сопротивления родителя, пониманию противоречивых отношений родителя по поводу лечения, поддержанию чувства самоэффективности / успешности родителя [5, 14, 15].

4. *Юридические интервенции.* Специалисты рекомендуют проявлять заботу о ребенке до самого окончания лечения. В случаях, если ничто из данных методов увеличения комплаентности родителей не принесло удачи, рекомендуется прибегать к юридическим интервенциям исходя из интересов ребенка [1, 3].

Заключение

Перспективами исследования проблемы некомплаентного поведения в настоящее время являются разработка методологии исследования и специализированного инструментария, позволяющего выполнить комплексную и специфическую оценку родительского поведения.

Изучение детализированных внутренних факторов, влияющих на некомплаентность, позволит разработать более детализированные рекомендации по профилактике некомплаентности родителей в процессе лечения, открывает возможности предиктивной диагностики некомплаентного поведения родителей, а также новые пути коррекции нарушения адаптации матерей к лечению детей с жизнеугрожающими заболеваниями [10–13].

Литература

---

1. Варфоломеева С.Р., Добреньков К.В., Качанов Д.Ю., Инюшкина Е.В., Шаманская Т.В., Цейтлин Г.Я. Анализ причин отказов от лечения в детской онкологии // Педиатрия. 2008. Т. 87. № 2. С. 127–130.
2. Fielding D., Duff A. Compliance with treatment protocols: interventions for children with chronic illness // Archives of Disease in Childhood. 1999. V. 80. P. 196–200.
3. Spinetta J.J., Maserà G., Eden T., Oppenheim D., Martins A.G., Dongen-Melman J., Sieger M., Eiser Ch., Arush M.W.B., Vasiliatou H. Refusal, non-compliance, and abandonment of treatment in children and adolescent with cancer. A Report of the SIOP Working Committee on Psychosocial Issues in Pediatric Oncology // Medical and Pediatric Oncology. 2002. V. 38. № 2. P. 114–117.
4. Landier W. Adherence to Oral Chemotherapy in Childhood Acute Lymphoblastic Leukemia: An Evolutionary Concept Analysis // Oncology Nursing Forum. 2011. V. 38. № 3. P. 343–352.
5. Buck M.L. Medication Adherence in Children and Adolescents: A Review of the Recent Literature // Pediatric Pharmacotherapy. 2016. V. 22. № 7.
6. Nassin M.L., Mueller E.L., Ginder C., Kent P.M. Family Refusal of Chemotherapy for Pediatric Cancer Patients: A National Survey of Oncologists // Pediatric Hematology and Oncology. 2015. V. 37. № 5. P. 351–355.
7. Zuzak T.J., Kameda G., Schütze T., Kaatsch P., Seifert G., Bailey R., Längler A. Contributing factors and outcomes of treatment refusal in pediatric oncology in Germany // Pediatric blood and cancer. 2016. V. 63. № 10. P. 1800–1805.
8. Hord J.D., Rehman W., Hannon P., Anderson-Shaw L., Schmidt M.L. Do parents have right to refuse standard treatment for their child with favorable-prognosis cancer? Ethical and legal concerns // Journal of Clinical Oncology. 2006. V. 24. № 34. P. 5454–5456.

9. *Кудрявицкий А.Р., Клипнина Н.В.* Анализ психологической нагрузки детского онколога / гематолога / иммунолога через призму некоторых психоаналитических концепций // Перспективы детской гематологии-онкологии: мультидисциплинарный подход – 2018: IX Межрегиональное совещание НОДГО. Санкт-Петербург, 26–28 апреля 2018 г.: Сб. материалов. Российский журнал детской гематологии и онкологии. 2018. Спец. номер. С. 109.
10. *Клипнина Н.В., Ениколопов С.Н.* Особенности проявления симптомов дистресса у комплаентных и некомплаентных родителей детей, проходящих лечение от онкологических/гематологических и иммунологических заболеваний // Материалы V Межрегионального совещания НОДГО. Российский журнал детской гематологии и онкологии. 2014. № 2. С. 91.
11. *Клипнина Н.В., Ениколопов С.Н.* Исследование адаптации к проводимому лечению у матерей детей с жизнеугрожающими заболеваниями: роль дистресса и совладания // Диагностика в медицинской (клинической) психологии: традиции и перспективы (к 105-летию С.Я. Рубинштейн): Сб. материалов научно-практической конференции с междунар. участием. 29–30 ноября 2016 г. / Под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2016. С. 188–191.
12. *Клипнина Н.В., Ениколопов С.Н.* Изучение психологических факторов некомплаентного поведения родителей детей, проходящих лечение от жизнеугрожающих заболеваний: задачи клинического психолога // Поляковские чтения–2018 (К 90-летию Ю.Ф. Полякова): Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием. 15–16 марта 2018 г. / Под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рощиной, С.Н. Ениколопова. М.: Сам Полиграфист, 2018. С. 179–181.
13. *Клипнина Н.В.* Факторы некомплаентного поведения родителей детей, проходящих лечение от жизнеугрожающих заболеваний // Перспективы детской гематологии-онкологии: мультидисциплинарный подход – 2018: Материалы IX Межрегионального совещания НОДГО. Российский журнал детской гематологии и онкологии. 2018. Спец. выпуск. С. 108–109.
14. *Oliveira B.M. de, Viana M.B., Arruda L.M., Ybarra M.I., Romanha A.J.* Evaluation of compliance through specific interviews: a prospective study of 73 children with acute lymphoblastic leukemia // *Jornal de Pediatria*. 2005. V. 81. № 3. P. 245–250.
15. *Erickson S.J., Gerstle M., Feldstein S.W.* Brief Interventions and Motivational Interviewing with Children, Adolescents, and Their Parents in Pediatric Health Care Settings // *Archives of Pediatrics & Adot Medicine*. 2005. V. 159. P. 1173–80.
16. *Клипнина Н.В., Ениколопов С.Н.* Направления исследований дистресса родителей детей, проходящих лечение от жизнеугрожающих заболеваний // Журнал психиатрии и клинической психологии им. Бехтерева. 2016. № 1. С. 29–37.
17. *Никольская Н.С., Стефаненко Е.А., Хаин А.Е., Клипнина Н.В., Евдокимова М.А., Орлов А.Б., Смирнов А.Ю.* Особенности представлений об информировании о заболевании и лечении у врачей, родителей/опекунов в детской гематологии, онкологии и иммунологии // Российский журнал детской гематологии и онкологии. 2014. № 2. С. 91–92.
18. *Хаин А.Е., Никольская Н.С., Стефаненко Е.А., Клипнина Н.В.* Информационные потребности пациентов подросткового возраста и их родителей на

- стационарном этапе лечения в детской онкологии/гематологии // Российский журнал детской гематологии и онкологии. 2015. Т. 2. № 4. С. 58–64.
19. Стефаненко Е.А., Никольская Н.С., Хаин А.Е., Клипинина Н.В., Евдокимова М.А., Орлов А.Б., Оксимец А.А., Смирнов А.Ю. Особенности дистресса детей и ухаживающих взрослых во время лечения онкологических заболеваний // Перспективы детской гематологии-онкологии, мультидисциплинарный подход: Сб. материалов VI Межрегионального совещания НОДГО. 2015. С. 93.
  20. Клипинина Н.В., Хаин А.Е., Кудрявицкий А.Р. Проблема информирования о заболевании и лечении пациентов и их родителей/семей в детской онкологии/гематологии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 1. С. 127–155.

References

---

1. Varfolomeeva SR., Dobren'kov KV., Kachanov DYu., Inyushkina EV., Shamanskaya TV., Tseitlin GYa. Analysis of the Treatment Rejection Reasons in Pediatric Oncology. *Pediatrics*. 2008;87(2):127-30. (In Russ.)
2. Fielding D., Duff A. Compliance with treatment protocols: interventions for children with chronic illness. *Archives of Disease in Childhood*. 1999;80:196-200.
3. Spinetta JJ., Masera G., Eden T., Oppenheim D., Martins AG., Dongen-Melman J., Sieger M., Eiser Ch., Arush MWB., Vasiliatou H. Refusal, non-compliance, and abandonment of treatment in children and adolescent with cancer. A Report of the SIOP Working Committee on Psychosocial Issues in Pediatric Oncology. *Medical and Pediatric Oncology*. 2002;38(2):114-17.
4. Landier W. Adherence to oral chemotherapy in childhood acute lymphoblastic leukemia: An evolutionary concept analysis. *Oncology Nursing Forum*. 2011;38(3):343-52.
5. Buck ML. Medication adherence in children and adolescents: A review of the recent literature // *Pediatric Pharmacotherapy*. 2016; 22 (7).
6. Nassin ML., Mueller EL., Ginder C., Kent PM. Family refusal of chemotherapy for pediatric cancer patients: A national survey of oncologists. *Pediatric Hematology and Oncology*. 2015;37(5):351-55.
7. Zuzak TJ., Kameda G., Schütze T., Kaatsch P., Seifert G., Bailey R., Längler A. Contributing factors and outcomes of treatment refusal in pediatric oncology in Germany. *Pediatric blood and cancer*. 2016;63(10):1800-05.
8. Hord JD., Rehman W., Hannon P., Anderson-Shaw L., Schmidt ML. Do parents have right to refuse standard treatment for their child with favorable-prognosis cancer? Ethical and legal concerns. *Journal of Clinical Oncology*. 2006; 24(34):5454-56.
9. Kudryavitskii AR., Klipinina NV. Analysis of the psychological stress of the children's oncologist / gematologist / immunologist from the perspective of some psychological concepts. IX Interregional meeting of NODGO. St. Petersburg, April 26-28, 2018: Sat. materials. Russian Journal of Pediatric Hematology and Oncology. 2018. Spec. number.109 p. (In Russ.)

10. Klipinina NV., Enikolopov SN. Specific features of the distress' symptoms of the compliant and noncompliant parents of the children with oncology / hematology / immunology diseases. Proceedings of the 5th Interregional meeting of NODGO. Russian Journal of Pediatric Hematology and Oncology. 2014;2:91. (In Russ.)
11. Klipinina NV., Enikolopov SN. Analysis of the Adaptation to the Children's Treatment of Mothers of Children with Life-threatening Diseases: Impact of Distress and Coping. Diagnostics in medical (clinical) psychology: traditions and perspectives (towards the 105th anniversary of SYa. Rubinshtein): Sat. materials of the scientific-practical conference with the international participation November 29-30, 2016. Ed. NV. Zvereva, IF. Roshchina.: Moscow: Sam Poligrafist Publ.; 2016. P. 188-91. (In Russ.)
12. Klipinina NV., Enikolopov SN. Analysis of the Psychological Factors of the Non-compliant Behavior of the Parents of Children with Life-threatening Diseases. Clinical Psychologist's Challenges. Polyakov Scientific Conference 2018 (Towards the 90th anniversary of YuF. Polyakov): Collected proceedings of the scientific-practical conference with international participation. March 15-16, 2018 / Ed. NV. Zvereva, IF. Roshchina, SN. Enikolopov. Moscow: Sam Poligrafist Publ.; 2018. P. 179-81. (In Russ.)
13. Klipinina NV. Factors of the Noncompliant Behavior of the Parents of Children with Life-threatening Diseases. Prospectives for Pediatric Hematology / Oncology. Multy-disciplinary Approach Proceedings of the IX Transregional NODGO Meeting. Russian Journal of the Children's Oncology and Immunology. 2018. Spec. iss. P. 108-09. (In Russ.)
14. Oliveira BM., de, Viana MB., Arruda LM., Ybarra MI., Romanha AJ. Evaluation of compliance through specific interviews: a prospective study of 73 children with acute lymphoblastic leukemia // *Jornal de Pediatria*. 2005;81(3):245-50.
15. Erickson SJ., Gerstle M., Feldstein SW. Brief Interventions and Motivational Interviewing With Children, Adolescents, and Their Parents in Pediatric Health Care Settings. *Archives of Pediatrics & Adot Medicine*. 2005;159:1173-80.
16. Klipinina NV., Enikolopov SN. Research Directions of the Distress of the Parents of Children with Life-threatening Diseases. *Bekhterev Journal of Psychiatry and Clinical Psychology*. 2016;1:29-7. (In Russ.)
17. Nikol'skaya NS., Stefanenko EA., Khain AE., Klipinina NV., Evdokimova MA., Orlov AB., Smirnov AYu. Approaches to the Discussion of Diagnosis and Treatment in Children Oncology, Hematology and Immunology according to the Physicians and Parents / Foster-parents. Russian Journal of Pediatric Hematology and Oncology 2014;2:91-2. (In Russ.)
18. Khain AE., Nikol'skaja NS., Stefanenko EA., Klipinina NV. Informational Requirements of the Adolescent Patients and their Parents during the Hospital Treatment Stage in Children Oncology / Hematology. Russian Journal of Pediatric Hematology and Oncology 2015;2(4):58-4. (In Russ.)
19. Stefanenko EA., Nikol'skaya N., Khain AE., Klipinina NV., Evdokimova MA., Orlov AB., Oksimets AA., Smirnov AYu. Specifics of the Distress of Children and Parents During Oncological Disease Treatment. Prospects of pediatric hematology-oncology. Multidisciplinary approach. Proceedings of the IV Transregional NODGO Meeting. 2015 P. 93. (In Russ.)

20. Klipinina NV., Khain AE., Kudryavitskii AR. The Problem of Discussion Diagnosis and Treatment with Patients and their Parents in Children Oncology / Hematology. *Consultative psychology and psychotherapy*. 2014;1:127-55. (In Russ.)

Информация об авторах

Клипинина Наталья Валерьевна, Национальный медицинский исследовательский центр детской гематологии, онкологии и иммунологии имени Дмитрия Рогачева, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Саморы Машела, д. 1; nkclip@mail.ru

Ениколопов Сергей Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, Научный центр психического здоровья Российской академии медицинских наук, Москва, Россия; 115222, Россия, Москва, Каширское шоссе, д. 34; enikolopov@mail.ru

Information about the authors

Natalya V. Klipinina, Dmitry Rogachev National Research Center of Pediatric Hematology, Oncology and Immunology, Moscow, Russia; bld. 1, Samory Mashela str., Moscow, 117997, Russia; nkclip@mail.ru

Sergei N. Enikolopov, PhD in Psychology, associate professor, Mental Health Research Center of Russian Academy of Medical Sciences, Moscow, Russia; bld. 34, Kashirskoye shosse, Moscow, Russia, 115222; enikolopov@mail.ru

Эмпирические исследования

УДК 316.6

DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-45-59

Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве

Наталья А. Голубева

*Психологический институт Российской академии образования,
Москва, Россия, 9268881525n@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются новые тенденции процесса информационной социализации подростков, связанные с возрастающим влиянием информации как нового института социализации. Показывается, что специфика информационной социализации определяется как когнитивными особенностями подростков, так и эмоциональными составляющими поиска, переработки и передачи информации, а также новыми языковыми формами, которые появляются в Интернете и широко распространяются на другие информационные пространства и сферы общения. Представлены результаты исследования особенностей межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве ($N = 76$). Показано, что социальные сети являются одной из важнейших частей картины мира современных подростков. Социальные сети в настоящее время формируют индивидуальное, субъективное пространство современной молодежи, которое начинает доминировать в общей картине мира.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, социальные сети, виртуальное пространство, личное пространство, социальное пространство, современные подростки, современные технологии

Для цитирования: Голубева Н.А. Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 45–59. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-45-59

Phenomenology of interpersonal and intergroup communication of modern youth in real and virtual space

Natal'ya A. Golubeva

*Russian Academy of Sciences Psychological Institute,
Moscow, Russia, 9268881525n@gmail.com*

Abstract. The article considers new tendencies in teenager's information socialization that are connected with increasing influence of information as a new institution of the socialization. It shows that information socialization features are determined by teenager's cognitive characteristics, as well as emotional components of search, processing and transmission of information and by new language forms, which appear in the web and become widely spread among other information spaces and spheres of communication. The study results of interpersonal and intergroup communication of modern young generation in "real life" and in virtual space (N = 76) are presented. It is shown that social networks have become an important part of a contemporary teenager's life. Nowadays social networks form individual, subjective space of young people which begins to dominate an image of the world .

Keywords: virtual communication, social networks, virtual space, personal space, social space, modern teenagers, modern technologies

For citation: Golubeva NA. Phenomenology of interpersonal and intergroup communication of modern youth in real and virtual space. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;2(12):45-59. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-45-59

Введение

Описывая пространство социализации современного человека, можно смело констатировать, что оно расширилось и усложнилось. Данные трансформации тесно связаны с процессами глобализации, с изменчивостью современной культуры, ценностей, норм. Резкий скачок в развитии диджитал-технологий увеличил количество информационных потоков. Вместе с расширением информационного пространства изменился и процесс социализации. Сетевая виртуальная реальность плотно вошла в жизнь современного общества. Технологии развиваются и люди получают больше возможностей для своего развития. Социальные сети активно участвуют в построении социального образа мира, охватывая современную аудиторию и устраняя межличностные барьеры, открывая мир человеку, а человека миру [1]. Однако, как любой сложный процесс, социальные сети имеют свои плюсы и минусы.

Высокая плотность диджитал-потоков, окружающих современную молодежь, позволяет говорить об информационном стиле жизни мегаполисов [2, 3]. Изучение специфики информационной социализации позволяет выделить и описать общие закономерности процесса социализации, конкретизировать особенности в процессе восприятия и переработки информации, а также влияние на этот процесс индивидуально-личностных и социально-личностных характеристик современной молодежи. Особо интересным представляется изучение роли сетевого общения в процессе социализации современной молодежи. Направление и содержание информационной социализации можно определить на основании процесса самокатегоризации или групповой идентичности современного пользователя. А о приоритетах и интересах человека, о группе идентичности можно смело судить по выбору наиболее предпочитаемого и значимого источника информации [4].

Виртуальное пространство и диджитал-технологии вызывают особый интерес для исследования информационной социализации. Поставить «лайк», «запостить», сделать «репост», оставить комментарий, быть «онлайн» – сегодня это привычные способы коммуникации современной молодежи. Общение становится все более дистанционным. Посредством современных телекоммуникаций и гаджетов современный пользователь строит свое общение, появилась возможность мгновенно воспользоваться доступом в Интернет, возможность получать и делиться информацией. Виртуальное пространство открывает для пользователей безграничные возможности не только в получении информации, но и реализует потребности в получении нового опыта [5]. Кроме поисковых сервисов,

электронной почты добавился еще один ресурс – социальные сети, позволяющие выкладывать в сеть различные тексты и комментарии, публично делиться информацией и мнениями.

Диджитал-технологии интегрированы в процесс общения молодежи, появляются новые формы общения и поведения, формируется иная система ценностей. Трансформируется коммуникативный опыт (появляются новые формы и нормы общения), а вслед за этим увеличиваются возможности получения и переработки информации (разные способы презентации информации), появляются новые возможности самопрезентации (блоги, онлайн-дневники, социальные сети) и ранней профессионализации (интернет-сообщества по интересам) современных пользователей. Интернет как платформа заставил традиционные медиа пересмотреть свой подход к производству и подаче информации. Сегодня современные устройства позволяют человеку получать информацию в режиме своего времени. Речь о том, что теперь пользователь сам принимает решение, в какой момент ему удобно погрузиться в информационное пространство и получить желаемый контент. Кроме того, пользователь сам оказывается производителем контента. Каждый может стать журналистом, каждый может попробовать себя в роли некоего СМИ, некоего медиа. Пользователь получает основные эмоции, находясь в Интернете, где информация распространяется мгновенно, в курсе событий оказываются те, кто постоянно «онлайн». Общение только в формате переписки перестало удовлетворять запросы пользователей, и социальные сети предоставили возможность смотреть фото и видео, делиться ими, вступать в различные группы и сообщества, учиться и работать, совершать покупки и делать подарки. Социальные сети – ресурс, где не просто происходит link in между информацией (связи между элементами контента), а связи между людьми, которые взаимодействуют посредством этого контента. Знание о человеке становится важнее прямого контакта с этим человеком, неважно кто ты, важно какой у тебя профайл (можно редко видаться с человеком, но быть в курсе всех событий его жизни).

Общение – важный механизм социализации современного молодого поколения, однако в информационном пространстве оно трансформируется и приобретает свои специфические формы и нормы. Современный уровень развития диджитал-технологий, включая средства сетевого общения, позволяет расширить социальное взаимодействие и преодолеть разного рода блоки при получении информации, сокращая время на поиск необходимых данных. Среди множества преимуществ виртуальной коммуникации выделяют несколько наиболее значимых:

- 1) установление и поддержание контактов с людьми на больших расстояниях;
- 2) расширение круга знакомств (легко найти референтную группу);
- 3) возможность свободно выражать эмоции, переживания (анонимность);
- 4) возможность создать новую личность, существующую только в сети и отличающуюся от реальной;
- 5) апробация себя в разных ролях.

Использование диджитал-технологий открывает для пользователей бесконечные возможности для общения, самоутверждения и самореализации, для повышения самооценки. Информационная составляющая сетевого общения подменяется интерактивной. В моменте пользователь может находиться в трех-четырех закладках, постоянно переключается. С одной стороны, это позволяет развивать мультифункциональность, многозадачность (возможность решать несколько задач одновременно), с другой – это приводит к тому, что на одной задаче становится сложно сконцентрироваться.

Под виртуальным общением, как правило, понимают способ коммуникации в системе «человек–человек», при котором взаимодействие между людьми опосредовано диджитал-технологиями и телекоммуникационными системами. Вся коммуникация между людьми осуществляется в пространстве сетевой виртуальной реальности. В основе классификации форм виртуального общения А.Е. Жичкиной лежит степень интерактивности. Она выделяет следующие формы: телеконференция, чат, MUDs (ролевая игра), ICQ, e-mail, форум [6].

Внутри исследовательского научного сообщества выделяют ряд общих характеристик, присущих виртуальным формам общения: анонимность, невидимость и ощущение безопасности.

Попытка продемонстрировать себя в новой роли, возможность поэкспериментировать с презентацией себя, примерить на себя новый статус – все это стало возможным за счет создания нескольких аккаунтов на разных платформах.

В своих работах, посвященных исследованию виртуальной коммуникации, Е.П. Белинская подчеркивает, что виртуальное информационное пространство есть пространство вербальное, где на первый план выступают самоописания, самопрезентации. Интернет-коммуникация оказалась технологией постмодернизма [7]. Благодаря мультиплатформенности появляется возможность принадлежности к определенным социальным группам, сообществам. Соцсети, блоги провоцируют пользователей на внешнюю

публичную симпатию и активность, а система рекомендаций, на которой построена алгоритмическая система информационной среды, формирует сообщества с определенными принципами, нормами и ценностями.

В своих работах Е.П. Белинская указывает, что принадлежность к различным виртуальным сообществам или противопоставление себя этому сообществу вносит вклад в формирование определенного содержания социальной идентичности [8, 9]. Благодаря таким особенностям сетевой коммуникации, как анонимность, невидимость и безопасность, появляется возможность создавать сетевую идентичность полностью по своему выбору. В виртуальном пространстве пользователи могут создавать несколько аккаунтов, которые могут не пересекаться между собой. Появляется возможность изменить внешний облик, предоставить заведомо ложную, но желаемую информацию о себе, в результате чего появляется возможность управления впечатлением о себе [10]. Таким образом, виртуальная идентичность может служить выражением части своей личности, которую подавляет социум, или удовлетворять потребность в признании и силе [7].

Создание виртуальной идентичности, отличающейся от реальной, может объясняться тем, что люди в реальной коммуникации не могут выразить всю многогранность своего «Я». Некоторые исследователи считают, что множественность и изменчивость идентичности в интернет-пространстве отражает множественность идентичности в современном обществе в целом [11, 12, 9].

Современное информационное пространство, в рамках которого происходит развитие современного человека, создает все новые компоненты индустрии досуга и диджитал-средства получения и трансляции информации. Все это порождает благоприятные условия для социализации и развития человека, в частности обогащения словарного запаса, овладения широким кругом информации, развивает поисковую и ориентировочную деятельность. Пользователи сами сообщают о себе и своих предпочтениях массу информации. Люди становятся более открытыми, они вынуждены постоянно о себе что-то публиковать, чтобы наращивать репутацию, чтобы получить выгоду для себя. Пользователи стремятся быть постоянно информированными, активно сами публикуют на страницах социальных сетей информацию о своих предпочтениях, интересах, указывают свои профессиональные предпочтения, делятся уровнем владения тех или иных навыков. По совокупности данной информации можно изучать стиль идентичности пользователя. Социальная сеть – это новая парадигма существования в интернет-пространстве. Некая новая

параллельная реальность для человека, которая не заменяет, а дополняет существующую реальность.

Именно поэтому социальные сети стали популярным сервисом, открывающим пользователям бесконечные возможности. Для пользователей доступна презентация различных данных о себе не только в вербальном виде (статусы, анкеты, координаты, контакты), но и в визуальном и аудиовизуальном (фотографии, изображения, видеоклипы, аудиоклипы) формате. Таким образом, в социальных сетях пользователь может воссоздать свое виртуальное «я» и его окружение. Одна из особенностей соцсетей – искать людей по заданному параметру. Структура связи между людьми накладывает на группы людей определенные свойства. Именно связи между людьми позволяют целому стать больше суммы его частей. Поэтому не только персональные события оказывают на нас влияние, но и сложившаяся архитектура соцсвязи вокруг нас. Мирощущение человека зависит от сложившейся структуры социальных сетей, в которой он находится.

Кроме того, в последнее время социальные сети стали важным источником различной информации. Путем создания многочисленных групп и пабликов по интересам социальные сети предоставляют пользователю возможность быть в курсе всех значимых для него событий. Для современной аудитории стала доступна выборочность информации и возможность обсуждения и получения обратной связи в реальном времени. Пользователь сам для себя формирует информационный поток и принимает решение о том, какого рода информацию он хочет получить.

Анализ социальных сетей позволяет констатировать, что в ближайшем будущем, в связи с распространением и развитием высоких диджитал-технологий, социальные сети будут делать акцент именно на потоковом видео. Онлайн-трансляция открывает пользователю уникальную возможность почувствовать момент, стать участником событий, происходящих в данное время. На смену потоковому видео придут системы виртуальной и дополненной реальности. Подобные устройства уже существуют, например очки Google или OculusRift, но их высокая стоимость пока не позволяет данной технологии приобрести массовый характер.

Методы исследования

Для исследования популярности разных сетей в настоящее время нами был проведен экспресс-опрос среди современной молодежи [13]. Предложенный опросник включал в себя семь вопросов.

1. Пользуетесь ли Вы приложениями, позволяющими снимать/просматривать потоковое видео?
– да, почему
– нет, почему
2. Укажите, какие приложения данного формата Вы используете.
3. Какого формата видео/фото Вы предпочитаете снимать?
4. Какого формата видео/фото Вы предпочитаете просматривать?
5. Почему, на Ваш взгляд, данные приложения набирают популярность?
6. Какие источники Вы используете для получения разного рода информации?
7. Укажите количество приложений, установленных на Вашем смартфоне.

Выборка исследования

В опросе участвовали 76 респондентов, которых мы разделили на две группы по возрастному признаку:

46 респондентов – студенты 1-го курса (16–18 лет);

30 респондентов – возраст 28–37 лет.

Анализ и обсуждение результатов

Потоковое видео используют 86% опрошенных студентов из первой группы. Респонденты отмечают, что стараются ежедневно использовать данный формат в социальных сетях как в целях просмотра, так и для того, чтобы поделиться событием, произошедшим с ними. Только 33% респондентов второй группы указывают, что просматривают потоковое видео в своей повседневной жизни. 14% отмечают, что используют формат потокового видео в профессиональных целях (речь о прямом эфире в социальных сетях). Остальная выборка или не сталкивалась с данным форматом видео, либо указывает на отсутствие необходимости использовать данный формат в своей повседневной жизни [13].

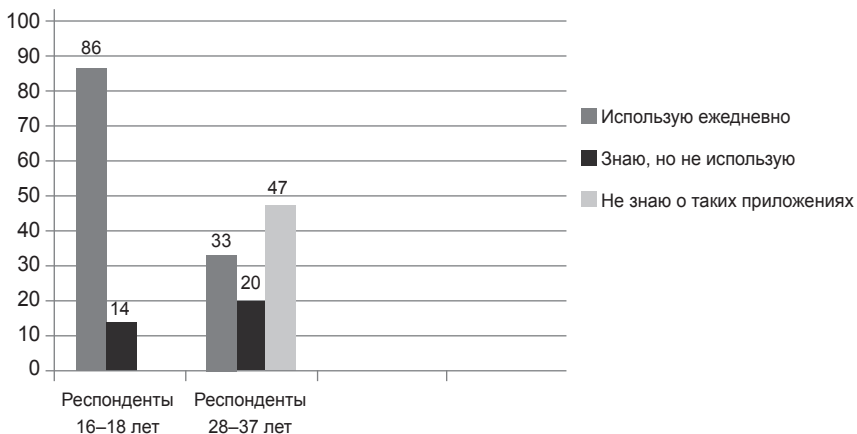

Рис. 1. Популярность и активность использования потокового видео, в %

Популярные приложения с использованием потокового видео: «Инстаграм», «Перископ» (функция «Прямой эфир») – 69% от общей выборки, «Снэпчат» – 54% от молодежной выборки, более старшее поколение данное приложение не используют.

Подводя итоги опроса, можно выделить основные тренды по использованию потокового видео в рамках современной социальной действительности. На данный момент можно сказать, что Приложение «Снэпчат» / «Прямой эфир» ориентировано на молодую аудиторию, которая активно пользуется гаджетами и предпочитает обмениваться не просто текстовыми сообщениями, но и смешными картинками, фотографиями, селфи и короткими видео. Более 60% пользователей предпочитают пользоваться «Снэпчатом» именно потому, что приложением не пользуются их родители.

Важным достоинством «Снэпчата» является возможность регулировать время существования информации. Обмениваясь фотографиями, сообщениями или видео с друзьями в «Снэпчате», можно не беспокоиться о том, что эта информация сохранится в телефоне, в аккаунте или где-то в сети. Программа разработана таким образом, что фотографию или видео получатель может просматривать не более 10 секунд, после чего они исчезнут. 45% пользователей из молодежной группы ценят именно эту особенность «Снэпчата» / «Прямого эфира» [14].

Из отдельных снэпов программа позволяет собрать свою снэп-историю, которую можно просматривать неограниченное коли-

чество раз, но только в течение суток, далее история самостоятельно удалится. Именно возможность транслировать в прямом эфире события собственной жизни привлекает внимание современной молодежной аудитории к социальной сети.

Любая социальная сеть воспринимается большинством российских пользователей как персональная страница с ее уникальным и бережно хранимым контентом: статусами, видео, фотографиями и текстами, которая является отражением картины мира современной молодежи. Поэтому социальная сеть, позволяющая стать участником «прямого эфира», дает возможность запечатлеть современный темп жизни, который характеризуется быстротечностью, а также создает иллюзию разных вариантов проживания жизни, через возможность «прожить множественность миров», побывать в разных местах глазами других.

Целевая аудитория потокового видео характеризуется высокой активностью в социальных сетях и желанием превратить свою ежедневную рутину в онлайн-шоу.

Именно скоротечность жизни контента в Snapchat / прямой эфир и привлекает пользователей.

Сегодня, преследуя разные цели, пользователи имеют аккаунты на нескольких социальных платформах, которые давно перестали быть только площадкой для общения. Миллиарды пользователей и сотни тысяч приложений делают социальные сети глобальным и открытым пространством с огромными возможностями для построения коммуникаций и получения необходимой информации. Данное разнообразие виртуальных возможностей напрямую отражается на информационной осведомленности пользователя.

Под уровнем информационной осведомленности мы понимаем, во-первых, количество источников информации, которыми подростки пользуются чаще всего, и степень их разнообразия (виды информации, наиболее интересующие подростков, в том числе интернет-ресурсы, используемые чаще всего) [14, 15].

Определение уровня информационной осведомленности проводилось на основании подсчета количества указанных источников получения информации, содержания информации, используемых интернет-ресурсов. Низкий уровень информационной осведомленности (1–15 используемых источников), средний уровень информационной осведомленности (16–22), высокий уровень информационной осведомленности (23 и более).

Высокий уровень информационной осведомленности свойственен для 100% респондентов первой группы (16–18 лет). Данные результаты мы связываем с особенностями профильного образования, наличием специальных курсов, следованием модным тенден-

циям виртуального пространства. Наряду с популярными источниками, на которые ссылались все участники опроса, студенты обязательно упоминали источники получения информации, вид информации, и интернет ресурсы, которые были напрямую связаны со сферой их профильного обучения. Среди них можно выделить: онлайн-курсы, программы для обучения, посещение выставок, концертов, экскурсий. Среди информации, которая больше всего интересует студентов: музыкальная (89%), познавательная (78%), культурная (67%) и мэйнстрим (65%).

У более возрастной группы наблюдается разброс в уровне информационной осведомленности. Высокий уровень осведомленности характерен для 50% выборки, средний уровень информационной осведомленности – 37% и 13% респондентов отличает низкий уровень информационной осведомленности. Как правило, респонденты второй группы выделяли не более 3-х источников информации, которыми они пользуются (интернет, телевидение, опыт друзей/коллег); интересными для этой категории респондентов были 3 вида информации: информация о политике, развлекательная информация, информация о кино и музыке. Количественное разнообразие наблюдалось лишь при выборе интернет-ресурсов.

Выводы

Полученные данные дают возможность сделать вывод о том, что в современных социальных сетях реализуется не только потребность молодежи в информации и контактах, но и в эмоциональном насыщении этой информацией и этих контактов.

Разнообразие информационного пространства открывает бесконечные возможности для пользователей и отражается на социально-когнитивных процессах, связанных с поиском и принадлежностью идентичности. В своем исследовании мы опирались на идею Берзонски, в основе которой лежит связь стиля идентичности со способами обработки информации. В рамках данного подхода мы смотрели связь потребности в познании, открытость опыту получения информации (использование различных видов социальных сетей) со стилем идентичности.

Для определения ведущего стиля идентичности мы использовали методику Берзонски, адаптированную Е.П. Белинской и И.Д. Брониным [16].

Полученные данные позволяют констатировать, что для первой группы респондентов (16–18 лет) свойственен информационный стиль идентичности – 86,9%. При данном стиле идентичности

студенты склонны получить максимум информации в случае ситуации выбора, новых обстоятельствах, прежде чем принимать решение о важности для себя любой цели, значимости той или иной позиции и ценности, того или иного направления своего развития.

Для второй группы респондентов (28–37 лет) информационный стиль идентичности характерен только для 43%. Ведущим стилем идентичности среди данной группы является нормативный стиль – 53%. Имея нормативный стиль идентичности, человек не склонен искать информацию сам, но предпочитает руководствоваться семейными традициями, социальными и/или групповыми нормами, т. е. следует уже готовым и социально желательным образцам и решениям. Возможно, именно нормативный стиль идентичности объясняет более скудный выбор социальных сетей, а также открытость новинкам виртуального пространства у старшей группы респондентов.

Подводя итоги второй части исследования, мы можем предположить, что существует прямая взаимосвязь стиля идентичности с особенностями восприятия и переработки информации. Полученные результаты свидетельствуют о статистически значимой взаимосвязи между информационным стилем идентичности и уровнем информационной осведомленности $r=0,532$; $p<0,001$.

Информационный стиль идентичности отражает отношение человека к информационному потоку, его умение и готовность ориентироваться во множестве информации, что в свою очередь выражается в высоком уровне информационной осведомленности. Именно это позволяет создавать многомерную модель воспринимаемого образа, выделяя в ней множество взаимосвязанных сторон [17].

Социальные сети – субъективное пространство в представлениях современной молодежи. Социальные сети важны, так как снимаются многие барьеры, в том числе и социальные.

В условиях транзитивности все больше места в картине мира играет диджитал-пространство, прежде всего социальные сети, блоги. Именно социальные сети играют одну из ведущих ролей в формировании картины мира, потому что расширяют картину мира и дают возможность соответствовать современному темпу жизни. Доказательством этого может служить наше последнее наблюдение-исследование, мы выделяем несколько важных моментов, определяющих это: уход от контроля, расширение кругозора / обмен информацией.

Прожить много разных жизней, как форма быстротечности жизни, когда я все не успеваю, я пробую посмотреть / попробовать глазами других. Я получаю возможность опыта, побыть на месте других, если я чувствую интерес, то тогда я попробую сама. Если не так интересно, то я просто посмотрю, как другие что и где делают. Иллюзия разных вариантов реальности.

Сейчас переизбыток информации, современный темп жизни дает установку на быстротечность бытия. Транзитивность меняет свою скорость. Множественность миров усваивается на бессознательном уровне, как много разных альтернативных миров. Это разные движущиеся картинки разного бытия.

- Социальные сети являются одной из важнейших частей картины мира современных подростков.
- Можно говорить о том, что именно социальные сети в настоящее время формируют индивидуальное, субъективное пространство современной молодежи, которое начинает доминировать в общей картине мира.
- Значение социальных сетей связано с несколькими факторами:
  - они помогают снять (или существенно уменьшить) коммуникационные барьеры (и личностные, и социальные);
  - расширяют картину мира, выстраивая разные представления о реальности;
  - помогают получить «виртуальный опыт» и принять решение, хочу ли я получить данный опыт в реальности;
  - дают возможность соответствовать современному темпу жизни;
  - позволяют «прожить» много разных жизней.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005. 288 с.
2. Марцинковская Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010. № 3. С. 90–102.
3. Прихожан А.М. Информационная безопасность и развитие информационной культуры личности // Мир психологии. 2010. № 3. С. 135–141.
4. Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Информационная социализация: психологический подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. № 6(20). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27 дек. 2011).
5. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 440 с.
6. Изотова Е.И. Инструменты эмоциональной насыщенности интернет-сообщения: эмоциональный интеллект и способы кодирования эмоций [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 37. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27 дек. 2011).
7. Белинская Е.П., Жичкина А.Е. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты // Образование и информационная культура. М.: Центр социологии образования, 2000. С. 395–431.
8. Suler J. Cyberspace as Dream World (Illusion and Reality at the “Palace”) [Электронный ресурс]. New York, 1996. URL: <http://www1.rider.edu/~suler/psy cyber/cybdream.html> (дата обращения: 14 января 2018).

9. *Turkle Sh.* Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs // *Culture of the Internet* / S. Kiesler, ed. Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Mahwah, NJ, 1997. P. 143–155.
10. *Reid E.M.* Cultural Formations in Text-Based Virtual Realities: A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Cultural Studies Program. Department of English. University of Melbourne. January 1994.
11. *Balsamo A.* Signal to noise: On the meaning of cyberpunk subculture // *Communication in the age of virtual reality*. LEA's communication series / F. Biocca, M.R. Levy (eds.) Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Hillsdale, NJ, 1995. P. 347–368.
12. *Simmirella M.* Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // *European Journal of Social Psychology* 1998. Vol. 28. № 2. P. 227–248.
13. *Марцинковская Т.Д., Голубева Н.А., Юрченко Н.И.* Картина мира, образ мира, представления о мире: константы и трансформации понятия и содержания // *Мир психологии*. 2017. № 2. С. 20–33.
14. *Голубева Н.А.* Эндогенные факторы информационных предпочтений современных подростков [Электронный ресурс] // *Психологические исследования*. 2012. № 1 (21). URL: <http://psystudy.ru.0421200116/0007> (дата обращения: 23 марта 2018).
15. *Голубева Н.А.* Особенности информационных предпочтений современных дошкольников // *Мир психологии*. 2015. № 1. С. 153–163.
16. *Белинская Е.П., Бронин И.Д.* Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М. Берзонски // *Психологические исследования*. 2014. № 7 (34). С. 12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/964-belinskaya34.html> (дата обращения: 23 марта 2018).
17. *Голубева Н.А.* Современные технологии общения подростков и молодежи в цифровом обществе // *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей* / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 106–109.

References

---

1. Andreeva GM. Psychology of social cognition. Moscow: Aspekt Press; 2005. (In Russ.)
2. Martsinkovskaya TD. Information space as a factor of socialization of modern adolescents. *Mir psikhologii*. 2010;3:90-102. (In Russ.)
3. Prikhozhan AM. Information security and the development of personal information culture. *Mir psikhologii*. 2010;3:135-41. (In Russ.)
4. Golubeva NA., Martsinkovskaya TD. Information socialization. A psychological approach [Internet]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2011;6(20). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 27 dec. 2011) (In Russ.)
5. Voiskunskii AE. Psychology and the Internet. Moscow: Akropol' Publ.; 2010.
6. Izotova EI. Tools for emotional saturation of Internet messages. Emotional intelligence and ways of emotions coding. [Internet]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2014;7(37):5. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 23 march 2018). (In Russ.)

7. Belinskaya EP., Zhichkina AE. Modern research of virtual communication. Issues, hypotheses, results. *Education and information culture*. Moscow: Tsentr sotsiologii obrazovaniya Publ.; 2000. p. 395-431. (In Russ.)
8. Suler J. Cyberspace as Dream World (Illusion and Reality at the "Palace"). [Internet] URL: <http://www-usr.rider.edu/~suler/psycyber/cybdream.html> (data obrashcheniya: 23 march 2018).
9. Turkle Sh. Constructions and reconstructions of self in virtual reality: Playing in the MUDs. Culture of the Internet. S. Kiesler (Ed.). Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Mahwah, NJ, US; 1997. p. 143-55.
10. Reid EM. Cultural Formations in Text-Based Virtual Realities. A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Cultural Studies Program. Department of English. University of Melbourne. January 1994.
11. Balsamo A. Signal to noise: On the meaning of cyberpunk subculture. F. Biocca, MR. Levy (Eds.). *Communication in the age of virtual reality. LEA's communication series*. Lawrence Erlbaum Associates, Inc, Hillsdale; 1995. p. 347-68.
12. Sinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities. *European Journal of Social Psychology*. 1998;28(2):227-48.
13. Martsinkovskaya TD., Golubeva NA., Yurchenko NI. World view, image of the world, world vision. Constants and transformations of the concept and content. *Mir psikhologii*. 2017;1:20-33. (In Russ.)
14. Golubeva NA. Endogenous factors of information preferences of modern teenagers. [Internet]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2012;1(21);7. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 23 march 2018). (In Russ.)
15. Golubeva NA. Features of information preferences of modern preschoolers. *Mir psikhologii*. 2015;1:153-63. (In Russ.)
16. Belinskaya EP., Bronin ID. Adaptation of the Russian version of the identity styles questionnaire by M. Berzonsky. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2014;7(34):12. [Internet]. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya 23 march 2018). (In Russ.)
17. Golubeva NA. Modern technologies of communication of adolescents and young people in the digital society. *Digital society as a cultural and historical context of human development*: Collection of scientific articles. RV. Ershova (ed.). Kolomna: State Social and Humanitarian University Publ.; 2018. p. 106-09. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья А. Голубева, кандидат психологических наук, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; 9268881525n@gmail.com

Information about the author

Natal'ya A. Golubeva, PhD in Psychology, Russian Academy of Sciences Psychological Institute, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 9, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009; 9268881525n@gmail.com

УДК 316.6

DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-60-80

Реализация жизненных стратегий бывшими участниками молодежных субкультур

Ирина В. Солодникова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, 14a20ivs@mail.ru*

Аннотация. Кратко рассмотрена история возникновения интереса психологов к развитию личности на разных этапах онтогенеза. Возникновение и развитие понятия жизненной стратегии личности. На основе проведенных полуструктурированных интервью предпринят анализ особенностей жизненных стратегий участников асоциальных молодежных субкультур, являвшихся их активными членами в СССР (до 1991 года, N=42) и в России (1991–2000 гг., N=25). Показано, что субкультуры (как советского, так и постсоветского периодов) становятся полем для формирования социального капитала своих членов. Выделен феномен изменения жизненной стратегии в связи с радикальными макросоциальными преобразованиями (распад СССР, перестройка...), состоящий в «переносе» и реализации субкультурных навыков в рамках профессиональной деятельности.

Ключевые слова: жизненная стратегия, молодежная субкультура, социальный капитал, субкультурные навыки

Для цитирования: Солодникова И.В. Реализация жизненных стратегий бывшими участниками молодежных субкультур // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 60–80. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-60-80

Life strategies implementation by ex-participants of youth subcultures

Irina V. Solodnikova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, 14a20ivs@mail.ru*

Abstract. The article briefly considers the emergence of psychologists' interest in personality development during different stages of life. It also considers the emergence and development of the personality life strategy concept. There is an analysis of distinctive features of life strategies used by participants of asocial youth subcultures. The research was based on semistructured interviews of youth culture participants who were active in the USSR (before 1991, N=42) and in Russia (1992–2000, N=25). It was shown that subcultures (in Soviet as well as post-Soviet) are ground for making social capital for their members. The phenomenon of changing life strategy due to radical macrosocial changes (USSR collapse, perestroika, etc.) is highlighted. The phenomenon consists of 'shifting' and applying subcultural skills in professional life.

Keywords: life strategy, youth subculture, social capital, subcultural skills

For citation: Solodnikova IV. Life strategies implementation by ex-participants of youth subcultures. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*. 2018;2(12):60-80. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-60-80

Введение

Известно, что в возрастной психологии наиболее изученным этапом онтогенеза является детство. Это обстоятельство во многом связано с формированием школы как массового института образования. Классические периодизации развития личности заканчивались либо пубертатом, либо окончанием школы (З. Фрейд, Ж. Пиаже, Д.Б. Эльконин).

Внимание психологов ко всему жизненному пути личности возникло относительно недавно. Первым интерес к жизни человека в целом проявил К. Юнг, который разделил онтогенез на четыре отрезка и выделил кризис середины жизни [1]. Наиболее влиятельным ученым в этой области знания считается Э. Эриксон,

который, в отличие от возрастных психологов, разработал периодизацию всего жизненного пути личности (а не только его ранних этапов). В 1950 г. он опубликовал свою работу «Childhood and Society», в которой представил эпигенетическую концепцию развития личности, полагая, что это развитие продолжается вплоть до самых поздних этапов жизни человека. Идеи Э. Эриксона направили интерес ученых к исследованию различных аспектов взрослости и старости.

Развитие личности в течение жизни

Со временем на Западе сформировалось новое направление в науке, названное life-span development (развитие на протяжении всей жизни). Видными его представителями являются П. Балтес, Л. Липпсети, Г. Риз [2], которые рассматривают весь жизненный путь человека.

Исходной точкой рассуждений П. Балтеса и его коллег является понимание ими развития как процесса, длящегося всю жизнь. По их мнению, «изменение поведения, рассматриваемое как развитие, можно наблюдать в любой точке жизненного цикла от рождения до смерти. Это положение противоречит традиционному биологическому пониманию развития как роста. С точки зрения биологически ориентированной психологии каждый организм (человек) в процессе роста и развития достигает определенной зрелости (которую представители данной научной ориентации относят к молодости), что и является конечной точкой развития. Последующие изменения видятся соответственно как снижение различных показателей и старение» [3 р. 66]. В рамках этого направления ведутся исследования психологических, социальных, культуральных и др. аспектов проживания человеком своего жизненного пути.

В нашей стране интерес к различным этапам онтогенеза личности возник во второй половине XX века. Так, Б.Г. Ананьев ввел понятие «индивидуального жизненного пути человека», определяя его как «историю формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи, и сверстника определенного поколения» [4 с. 67]. Ученый выделил социальный, исторический и поколенческий аспекты формирования жизненного пути человека. Исследование этих аспектов жизнедеятельности личности сегодня относится к разным наукам, поэтому ее изучение становится междисциплинарной проблемой.

Более того, ситуация осложняется еще и тем, что «...наступление взрослости человека как индивида (физическая зрелость),

личности (гражданская), субъекта познания (умственная зрелость) и труда (трудоспособность) во времени не совпадает» [4 с.71], процесс взросления является гетерохронным.

Б.Г. Ананьев построил периодизацию развития личности на протяжении ее жизненного пути, опираясь на исследование психофизиологических характеристик человека и выделил присущие каждому периоду социальные достижения личности (см. табл. 1).

Так, в период детства, куда входят младенчество, раннее детство и отрочество, достижениями личности являются воспитание, обучение и развитие. В юности и молодости – обучение, образование и общение. Социальным достижением зрелости (среднего возраста) выступают профессиональное и социальное самоопределение и осуществление общественно полезной деятельности, достижение «пика» профессиональной карьеры. И наконец, в старости, куда входят пожилой, старый и престарелый (дряхлость) возрасты, социальными достижениями личности являются уход из общественно полезной и профессиональной деятельности при сохранении активности в сфере семейных отношений.

Таблица 1

Периодизация развития личности по Б.Г. Ананьеву

Периоды	Социальные достижения личности
Детство (младенчество, раннее детство, отрочество)	Воспитание, обучение, развитие
Юность, молодость	Обучение, образование, общение
Зрелость (средний возраст)	Профессиональное и социальное самоопределение; общественно полезная деятельность – «пик» карьеры
Старость (пожилой, старый и престарелый (дряхлость) возраст)	Уход из общественно полезной и профессиональной деятельности при сохранении активности в сфере семьи

На (не)успешность прохождения через периоды развития влияет ряд важных «фоновых» характеристик, к которым следует отнести данные истории и этнографии, получаемые в результате сравнительного изучения социализации в разных обществах и культурах [5 с. 629].

Жизненные стратегии

Еще одним отечественным психологом, проявившим интерес ко всему жизненному пути личности, была К.А. Абульханова-Славская, которая ввела понятие жизненной стратегии. Она полагает, что каждый человек строит свою жизнь сам. Следовательно, стратегия жизни является индивидуальным достоянием каждого человека. Жизненная стратегия имеет три основных признака [6]:

- выбор основного для человека направления, способа жизни, определение главных ее целей, этапов их достижения;
- решение противоречий жизни, реализация своих жизненных планов и целей;
- творчество, созидание ценностей своей жизни, соединение потребностей с жизнью в виде ее особых ценностей.

На рубеже веков отечественными исследователями предпринимались попытки проанализировать целый ряд смежных понятий. Одна из таких попыток [7 с. 42] может быть представлена в табличной форме (см. табл. 2).

Таблица 2

Категоризация человеческой жизни

Способы организации человеческой жизни	Особенности формирования жизни	
	Типические аспекты организации жизненного пространства	Индивидуально-биографические аспекты организации жизни (жизненный путь)
Способы ведения жизни	<i>Жизненная форма</i> – способ организации совместной деятельности с целью удовлетворения естественных потребностей	<i>Уклад</i> – естественно установившийся порядок и стиль жизни – особый ее характер, выражающий ее уникальность и своеобразие
Способы пространственно-временного определения жизни	<i>Жизненная позиция</i> – способ самоопределения личности на основе ее ценностей	<i>Жизненная линия</i> – способ изменения жизни во времени или в конкретных обстоятельствах

Способы вербального (само-)описания жизни	<i>Жизненные истории</i> – способ получения социальной информации о содержании жизненного пути	<i>(Авто-)биография</i> – способы ретроспективного описания субъективного опыта личности
Способы сознательного преобразования жизни	<i>Жизненные планы</i> – способ обобщенного выражения будущего социального положения личности	<i>Жизненный сценарий</i> – способ структурирования субъектом времени своей жизни
	<i>Жизненные стратегии</i> – способ конструирования жизни в соответствии с установками и представлениями личности	

Еще одной новацией, возникшей при осмыслении развития личности на протяжении ее жизненного пути, явилось уточнение понятия «жизненная стратегия», понимаемая как «способность к самостоятельному построению своей жизни, к осмысленному ее регулированию в соответствии с кардинальным направлением жизнедеятельности... как способ разрешения противоречий между внешними и внутренними условиями реальной жизни» [8 с. 51–52]. Близко к этому понимание ее как «динамической системы перспективных ориентаций личности и возможностей их реализации в данном социокультурном контексте ее жизни» [7 с. 59]. Так или иначе, в данной дефиниции чрезвычайно высок «удельный вес» когнитивного, рассудочного компонента (сближающего это понятие с жизненным планом). Неслучайно авторы дальше говорят о «стратегическом плане жизни» [8], а Т.Е. Резник подчеркивает, что жизненная стратегия имеет «ярко выраженный сознательный характер» [7 с. 42]. Осознанность организации своей жизни свидетельствует о высоком уровне самосознания, который может быть достигнут во взрослости.

Исходя из сказанного, представляется адекватным при изучении жизненного пути личности и/или ее развития на протяжении всей жизни использовать понятие «жизненная стратегия», под которой мы будем понимать *способ конструирования жизни в соответствии с установками развивающейся личности и социальными возможностями их реализации.*

Таким образом, с одной стороны, идеи зарубежных ученых (К. Юнг, Э. Эриксон, П. Балтес и др.) и советских/российских иссле-

дователей (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, Т.Е. Резник, О.А. Хасбулатова и Л.С. Егорова и др.) отличает междисциплинарный характер интереса к развитию личности в течение всей жизни. Особенно важен при изучении взрослости макросоциальный (традиционно изучаемый социологией) контекст ее течения.

Жизненные стратегии и молодежные субкультуры

В этом смысле многообещающим объектом изучения жизненных стратегий личности может стать исследование бывших участников молодежных субкультур. По мнению Т.Д. Марцинковской, «можно говорить о том, что люди выбирают ту культуру, которая по определенным причинам им близка, а в том случае, если группа людей, которая является носителем данной культуры, придерживается отличающихся от общепринятых стандартов поведения и ценностей, говорят о ее принадлежности к субкультуре, а не к культурному мейнстриму» [9 с. 38]. Как отмечает исследователь, понятие мейнстрима в современном многополярном обществе неоднозначно. Но в советское время в нашей стране социальная ситуация была другой и мейнстримом была советская идеология, так или иначе присутствовавшая во всех официальных агентах социализации молодежи.

В социологической традиции изучения молодежи существует множество классификаций советских молодежных субкультур. Одна из возможных – выделение объединений просоциальной и антисоциальной направленности. Однако помимо них существовал конгломерат сообществ нейтрального характера (в терминологии социальной психологии – «асоциальные субкультуры»). Основным признаком последних было промежуточное положение между нормативным и отклоняющимся (девиантным) поведением молодежи. Определение основных признаков данных сообществ («пассивное» неприятие господствующих в доминирующей культуре ценностей, неполитизированность, эскапизм, ориентация на досуг, социализация через неодобряемые/неэффективные с точки зрения общества паттерны поведения) позволило отнести к советским асоциальным молодежным субкультурам следующие: рокеры, металлисты, панки, хиппи и байкеры. Выбор этих субкультур был обусловлен также тем, что они существуют и сегодня. В Интернете представлены сайты всех перечисленных субкультур.

Результаты исследования и обсуждение

Представители именно этих молодежных субкультур, возникших в советское время, выступили в качестве объекта исследования жизненных стратегий в исследовании А.Л. Лучинкиной [10], выполненном под руководством автора статьи. Одной из его задач было отслеживание изменений в реализации жизненных стратегий бывших членов молодежных субкультур в разных социальных контекстах. Методом полуструктурированного интервью собирались биографии бывших участников молодежных субкультур. Было проинтервьюировано 42 бывших участника молодежных субкультур советского периода (целевая нерепрезентативная выборка «советская»): средний возраст респондентов – 45 лет, из них 16 женщин. Опрашиваемые этой группы были членами молодежных субкультур до 1991 г. Кроме того, было опрошено 25 бывших участников этих же субкультур постсоветского периода (целевая нерепрезентативная выборка «постсоветская»): средний возраст респондентов – 30 лет, из них 11 женщин. Опрашиваемые были участниками субкультур в интервале от 1991 до 2000 г. Интервью проводились либо face-to-face, либо по Скайпу в 2010–2012 гг.

На основе анализа биографий бывших участников молодежных асоциальных молодежных субкультур были выделены особенности жизненных стратегий их участников, включавшихся в данные сообщества в поздний советский период (1980–1991 гг.) и в постсоветской России (1991–2000 гг.).

Первая особенность заключается в том, что они искали способ конструирования своей жизни в условиях неудовлетворенности формальными институтами социализации. Для наших респондентов советской выборки это, в первую очередь, были сложности во взаимоотношениях с родителями. В то время старшее поколение с опаской относилось к включению своих детей в субкультуры.

Родители были мной очень недовольны, особенно отец. Он считал меня непутевым и слегка больным на голову. Матушка очень переживала, что я пойду «не туда» и свяжусь не с той компанией. Я тогда очень сильно рассорился с родителями, помирился уже годы спустя (*респондент 18, мужчина, 39 лет, панк*).

С родителями было полное непонимание. От меня требовали отличнейшей успеваемости, и я, наверное, назло им стал «забывать» на учёбу. Мне стали неинтересны предметы, которые были в школе... школьная программа. Я читал и слушал то, что другие считали мерзостью. Я был не такой, как другие. Но понял это только тогда, когда познакомился с «металлом» (*респондент 13, мужчина, 42 года, металлист*).

Родители свято верили в светлое будущее, пока сами пахали изо дня в день, и мои представления о том, что жить надо здесь и сейчас не соответствовали. А я не понимал, почему кто-то может себе позволить всё, а другие должны жить в дерьме. Я не хотел строить коммунизм, не хотел работать на благо других, не видел смысла в том, что было главным для них (*респондент 20, мужчина, 41 год, панк*).

У респондентов постсоветской выборки также отмечены сложности во взаимоотношениях со стандартными агентами социализации до включения в субкультуру. Но при оценке взаимоотношений с родителями (положительные или неудовлетворительные) респонденты часто отмечали, что их родители сами предпочитали неформатную музыку, или были включены в одну из молодежных субкультур:

У меня мама была хиппи, и только поэтому в нашей семье не было конфликтов (*респондент 53, мужчина, 32 года, панк*).

Папа в юности сам с хаером ходил, битлов слушал, мама Наутилус любит, Пикник слушала (*респондент 43, женщина, 28 лет, рокер*).

Относились, в принципе, все нормально. Даже родители. Единственное, что им не очень нравилось, что я одета непонятно как, поэтому я переодевалась во дворе соседнего дома (*респондент 56, женщина, 35 лет, панк*).

Если в СССР в числе основной предпосылки включения в субкультуру, видимо, выступал конфликт поколений, то в постсоветской России основные проблемы у потенциальных участников субкультуры отмечались в сфере взаимоотношений с формальным коллективом:

...с коллективом полное непонимание, некоторые пытались и морду бить (*респондент 55, мужчина, 28 лет, панк*).

Таким образом, в постсоветской выборке смягчилось отношение родителей к членству их детей в субкультурных группах.

Вторая особенность жизненных стратегий бывших участников асоциальных молодежных субкультур заключается в том, что эти субкультуры являлись пространством для накопления социального капитала их участников.

По мнению А.Н. Татарко, социальный капитал – «это совокупность психологических отношений, способствующий повышению материального и психологического благополучия индивидов и групп, не нанося ущерба иным субъектам социальной системы»

[11 с. 36]. Он рассматривается автором на микро- (индивидуальном), мезо- (групповом) и макросоциальных уровнях. В данной работе социальный капитал качественно оценивается на первых двух уровнях с использованием показателей, предложенных П. Бурдые [12] и А.Н. Татарко [11].

Во-первых, индикатором накопления социального капитала на индивидуальном уровне было повышение социального статуса бывших участников асоциальных молодежных субкультур.

Согласно П. Бурдые [12], социальный капитал проявляется в положении человека в системе неравенства. Есть основания полагать, что поиск желаемого статуса, который индивид не мог получить в формальных группах, мог привести молодого человека в молодежную субкультуру. Респонденты советской выборки чаще всего отмечали, что повышение их социального статуса в субкультурном сообществе было связано с овладением ими специфическими знаниями и навыками. Широкий спектр последних мог включать в себя навыки ремонта мотоциклов; знания в области рок-, панк- и др. музыки; реализацию творческих способностей посредством участия в самостоятельном создании людьми музыкальных произведений (сочинение текстов, игра на музыкальных инструментах, вокал) и/или «ручного» изготовления субкультурной атрибутики.

Увидел ребят, одетых не так, как все. Слушали на магнитофоне другую музыку: громкую, агрессивную. Подошёл. Они были старше года на два-три. Но приняли нормально. Стал разбираться в музыке, иностранных группах, появился интерес к английскому, чтобы понимать тексты. Мечтал о гитаре, но родители наотрез отказались. Сказали, подтягивай математику, тогда посмотрим. Пробовал играть на инструментах у друзей, но как-то особо не получалось. Зато в биографиях групп я был эксперт. Кто в каком стиле, кто откуда взялся... Со мной всегда советовались, что нового послушать. Я общался в разных тусовках (*респондент 13, мужчина, 42 года, металлист*).

Во-вторых, на индивидуальном уровне социальный капитал рассматривается как увеличение количества социальных связей благодаря членству в субкультуре. Все респонденты как советской, так и постсоветской выборки отмечали, что приобрели много новых знакомств после включения в субкультуру. Основным местом для образования новых социальных связей, связанных с субкультурной принадлежностью, являлись места «тусовок» (различные субкультурные мероприятия – концерты, квартирники, случайно образовавшиеся места сбора, например, у кинотеатра,

магазина, памятника). Такой способ знакомств был характерен для обеих выборок.

Респонденты советской выборки отмечали, что легко устанавливались контакты на улице: «своих» узнавали по субкультурной атрибутике.

Мы были очень общительными, а знакомились... узнавали друг друга по опознавательным знакам: длинным волосам, бритым вискам, гребням, ирокезам, фенькам на шее, руках, ногах, хайратникам на голове, рок-майкам, драным потёртым джинсам, нашивкам и прочей рок-атрибутике (*респондент 19, мужчина, 43 года, панк*).

Представители постсоветской выборки также говорили об увеличении социальных связей благодаря членству в субкультуре:

Благодаря интересу к мототеме я приобрел по неисчислимому количеству друзей во многих городах России, однажды мототема резко изменила мою жизнь, а когда купил уже себе нормальный мотик, вступил в мотоклуб и у меня появились мото-братья (*респондент 64, мужчина, 24 года, байкер*).

Для меня в то время это стало основным условием для выбора друзей (*респондент 49, женщина, 25 лет, металлист*).

Традиция знакомства с другими неформалами на улице сохранилась и в постсоветской выборке:

Как все нормальные люди должны знакомиться – понравился человек, так подойди и поговори, а не как замкнутые уроды, живущие в большинстве (*респондент 55, мужчина, 28 лет, панк*).

Они сами в основном знакомились. Раньше с этим было проще. Люди носили футболки или нашивки только тех групп, которые слушали. На этой почве и завязывался типичный разговор. «Привет! Я смотрю, тебе нравится Helloween? Мне тоже. А какой альбом любимый? А парень есть?» И понеслось... (*респондент 51, женщина, 33 года, металлист*).

Иногда просто на улице знакомились: видишь, волосатый идет, подходишь, здороваешься – и сразу разговор завязывается. Либо подходил к компании людей, играющих на гитаре, или к нашей компании кто-то подходил (*респондент 45, мужчина, 28 лет, рокер*).

В-третьих, мы полагаем, что продолжительное сохранение отношений между бывшими членами асоциальных молодежных субкультур респондентов обеих выборок также является индикато-

ром социального капитала на индивидуальном уровне. Отношения сохраняются благодаря тому, что субкультурные интересы не теряют актуальности долгие годы. По мнению респондента советской выборки:

Со многими друзьями из неформальной тусовки общаюсь до сих пор. На концерты ходим иногда, но чаще просто на даче собираемся. Поём под гитару любимые песни. Друзей много. В том числе и после «неформальства» появились, и нормально все общаются. Больше всего доволен тем, что у меня такие друзья, и мы до сих пор поддерживаем друг друга, и собираемся вместе (*респондент 13, мужчина, 42 года, металлист*).

Об этом же говорили представители постсоветской выборки:

...отношения отличные даже на расстоянии в 7000 км. Скоро как три года я переехала из Читы в Питер, но продолжаю со всеми общаться как будто и нет этих 7000 км. Поняла, что отношения с неформалами духовные в отличие от отношений с обывателями, даже если это подруги детства (*респондент 47, женщина, 32 года, рокер*).

Мы встречаемся на концертах, в рок-клубах. С некоторыми общаюсь в социальных сетях, так как живём в разных городах (*респондент 66, женщина, 35 лет, металлист*).

Субкультурные интересы посредством посещения концертов предпочитаемых музыкальных групп, участия в фестивалях и/или путешествий на мотоциклах продолжают реализовываться и после выхода из конкретной субкультуры с друзьями, приобретенными в период членства.

В-четвертых, в СССР на основе субкультурных интересов формировались специфические неформальные социальные сети [11], что является индикатором накопления социального капитала на групповом уровне. В советское время они использовались для приобретения субкультурных артефактов. В СССР проблематично было достать не только специфическую («хипповую», рокерскую и т. п.) одежду, но и сами музыкальные записи. Субкультурная социальная сеть решала подобные проблемы:

Узнавал я о группах в основном среди друзей-меломанов. До 89 года я не знал лично ни одного человека, который бы называл себя панком, но многие знакомые меломаны помогали мне «доставать» записи панковских групп. Потом я «вышел» на музыкальную тусовку, среди членов которой были и панки, а в городе появилась сту-

дия звукозаписи «Автограф», в которой была любая музыка на любой вкус (*респондент 21, мужчина, 39 лет, панк*).

В основном, конечно, переписывалось у друзей или на студиях грамзаписи (жутко дорого по тем временам). Кассета стоила 9 рублей и столько же ее записать (*респондент 11, мужчина, 41 год, металлист*).

Изменения содержания субкультурных социальных сетей с появлением компьютеров отметил респондент из постсоветской выборки:

Моя коллекция CD в настоящий момент насчитывает около 500 альбомов. Занимает она целую стену. Еще целая полка журналов и книг о тяжелой музыке. А что современная молодежь? Нажал мышкой «скачать» и «вау!» – альбом у тебя в компьютере. Никакого ажиотажа, вообще никаких эмоций. Прослушал, стер с жесткого диска и забыл. Ларса Ульриха на них нет! От этой вседозволенности и вседоступности и идет умирание неформальной среды. Не за что бороться стало! Все в наличии! Не надо прилагать никаких усилий! Или мне приходилось переписывать понравившийся альбом на аудиокассету (кто из молодежи помнит, что это такое?), или месяцами ждать, когда тетя из Иркутска привезет журналы «Painkiller». Нет общей тайны, нет таинства какого-то, от обладания тем, чего нет у остальных. Даже на гитаре молодежь перестала во дворах играть. Конечно, лучше в компьютерную игру поиграть или в социальной сети посидеть (*респондент 48, мужчина, 32 года, металлист*).

Таким образом, с развитием компьютерных технологий изменяются задачи субкультурных социальных сетей.

В-пятых, индикатором накопления социального капитала на групповом уровне являлось оказание помощи со стороны субкультурной группы своим адептам, что, по мнению П. Бурдьё [12], предоставляет возможность его конвертирования в другие ресурсы.

Чаще всего (около половины респондентов) бывшие участники советских субкультур отмечали, что получали со стороны группы помощь, связанную с субкультурными интересами.

Одна моя знакомая, купив билет на концерт Ozzy Osbourne (обожаемого музыканта), заболела в день концерта. Позвонила мне и предложила пойти на концерт, взяв ее билет, абсолютно бесплатно. Деньги отказалась взять наотрез! И сказала буквально следующее: «Наслаждайся великим Оззи, а мне передашь свои эмоции! Порадуйся, а я порадуюсь за тебя!» (*респондент 16, женщина, 45 лет, металлист*);

Мотоциклист никогда не проедет мимо мотоциклиста, просящего помощи на дороге (в противном случае это не мотоциклист, а так)... Мне помогали... помогал и я много раз – чаще это поломки в пути, проколы... реже ДТП. Бывало, не подрассчитает человек с бензином... бывает просто мобилка разрядилась... случаев много, всего и не вспомнить так сразу (*респондент 37, мужчина, 51 год, байкер*).

Достаточно часто приходилось «прикуривать» у других, т. к. у Ижа аккумулятор часто «садился», в случае необходимости и я таскал, и меня таскали на буксире (*респондент 39, мужчина, 52 года, байкер*).

Менялись музыкой, на ночёвку можно было остаться, если с родителями совсем туго, выпивкой угощали... много всего (*респондент 13, мужчина, 42 года, металлист*).

Действительно, неформалы – люди гораздо проще, поделятся последним, что у них есть. Как правило, доходы у них более скромные, чем у всех остальных. При этом они тратят последнее на концерты, диски, стилизованную одежду (кожаные куртки, брюки, футболки, с изображением любимых групп, браслеты, кольца и т. д.). И такие люди всегда придут на помощь, поделятся, поддержат морально и материально (*респондент 16, женщина, 45 лет, металлист*).

Помощь у респондентов постсоветской выборки больше всего распространена в субкультуре байкеров:

Едем с другом на «мотиках»... <...> ...машина при развороте не пропустила мот, парень молодой – тока сел на мот. Второй день катается, упал и положил мот – помогли, проконсультировали, собрали толпу и не уезжали, пока не решится вопрос. Парня видели все первый раз, он был в шоке. Его подрезал ярый представитель – молодой мажорик-хачик, естественно, этих его соплеменников понабежало, вот тока когда подъехало мотиков эдак 30–40, они уже даже и не думали давить на паренька... И лишили прав неудачника-разворотчика, ибо две сплошные нельзя пересекать... (*респондент 63, мужчина, 26 лет, байкер*).

Респонденты постсоветской выборки часто отмечали, что получали от группы разнообразную помощь (о данной форме помощи также упоминали и опрошенные из советской выборки): деньги взаимны, помощь продуктами питания, алкоголем и оказание моральной поддержки.

В-шестых, индикатором накопления социального капитала на групповом уровне, по мнению А.Н. Татарко, является высокая степень доверия в группе. Большинство респондентов советской

выборки отметили, что доверять неформалам им было проще, чем обычным людям. Опрошенные считали, что у неформалов другие ценности, они меньше «зациклены» на материальных интересах:

У нас был свод негласных правил. Металлист металлисту брат. Никогда не сталкивался с вероломством в наших тусовках. Всегда готовы помочь, никогда никто не обманывал (*респондент 13, мужчина, 42 года, металлист*).

«Вписки» (предоставление «крыши над головой») являются уникальным показателем доверия в субкультурной среде, которые практиковались представителями постсоветской выборки. Молодые люди могли «вписать» малознакомого неформала из другого города и рассчитывали, что такие действия не приведут к неприятным последствиям (такие ожидания, по словам респондентов, обычно оправдывались):

...до оформления в общежитии мне негде было жить. И моя подруга предложила пожить у её знакомого, который из хиппи. Он меня никогда до этого не видел, но согласился без вопросов. И оказалось, что у него в квартире часто могли оставаться люди, которых он даже лично не знал. Его самого могло не бывать дома по несколько дней. Это вопрос доверия. Друзья друзей могли переночевать там, или остаться на пару дней. В большинстве это были неформалы, причем разных направлений. Приходишь, а там всегда новые люди. Всегда доброжелательная атмосфера (*респондент 44, женщина, 27 лет, рокер*).

У металлистов есть чувство долга. Если ты сделал что-то хорошее мне, я обязательно тебе отплачу тем же (*респондент 51, женщина, 33 года, металлист*).

Таким образом, накопление социального капитала является наиболее распространенной особенностью жизненных стратегий среди респондентов как советской, так и постсоветской выборок.

Третья особенность – модификация жизненных стратегий в изменившихся макросоциальных условиях. Среди респондентов советской выборки подавляющее большинство отметило, что навыки, полученные в период членства в субкультуре и проявлявшиеся в досуговых практиках (сочинение художественных, публицистических или стихотворных текстов, игра на музыкальных инструментах, рисование, тюнинг мотоциклов), оказались не востребованными и не были реализованы в профессиональной деятельности.

Респонденты советской выборки говорили о желании профессионально заниматься музыкальным творчеством (рокеры, металлисты, панки) или путешествиями (хиппи и байкеры), но эти жизненные планы остались нереализованными:

То, чем я занимаюсь сейчас, мне практически неинтересно. Но мне надо кормить семью, и я вынужден работать. Совмещать то, что нравится с тем, что приносит деньги, не получается. Вот в этом я всегда завидовал музыкантам. Частично возмещаю это досугом и хобби (*респондент 13, мужчина, 42 года, металлист*).

Единичный пример успешного построения профессиональной карьеры на основе сформированных в субкультуре навыков в советской выборке можно проиллюстрировать фрагментом из интервью:

В культуре хиппи меня привлекло миролюбие, открытость новым впечатлениям, свобода для творчества. Я очень люблю природу, и наша страна... которая тогда была гораздо шире... прекрасна и разнообразна в этом смысле. Возможность путешествовать, общаться с новыми людьми – для хиппи это всё образ жизни, неотъемлемая часть.

... Да, как раз тогда родители отдали мне в полное пользование папин «Зенит-ТТЛ», и я возил его с собой всюду, куда ездил. Мне нравилось фотографировать своих друзей в разных природных условиях, их лица под впечатлением от высоты гор, или чистоты озера. Это помогало и при общении с новыми людьми – я будто сразу, через объектив, преодолевал кратковременность знакомства, и мы становились добрыми старыми друзьями.

...меня очень поддерживали друзья, они все как один утверждали, что я умею ловить момент, помогали проявлять плёнку, искать интересные места и фактуры для съёмки. То есть они вселили в меня надежду, или даже скорее уверенность, что это дело может не только приносить удовольствие мне, но и пользу, радость другим. И тогда я бросил радиотехнический техникум, и несколько раз пытался поступить в кинематографический. И мне удалось.

...Я очень счастлив. Это, что называется, моё призвание. Это даёт мне хлеб с маслом, и я никогда не жаловался на то, что ненавижу свою работу – мне кажется, даже когда были очень большие трудности в материальном плане, я ни на секунду не сомневался, что сделал правильный выбор. Сейчас я не просто занимаюсь делом своей жизни, которое позволяет мне прокормить себя и семью, помогать уже очень стареньким родителям... я вижу, что мне есть, куда ещё двигаться вперёд. Что можно развиваться практически бесконечно, главное не потерять желание (*респондент 28, мужчина, 47 лет, хиппи*).

Представители асоциальных молодежных субкультур постсоветского периода чаще реализуют субкультурные интересы в профессиональной сфере. Например:

Через пару лет я впервые съездила на легендарную Горбушку, которая тогда была по выходным в парке у метро Багратионовская. Меня настолько эта поездка впечатлила, что я решила, во что бы это ни стало, работать здесь. Спустя несколько лет моя мечта осуществилась, и вот я работаю в торговле в музыкальной сфере (*респондент 51, женщина, 33 года, металлист*).

В соответствии с полученными данными более пятой части респондентов постсоветской выборки удалось осуществить профессиональный выбор на базе сформированных субкультурных навыков: занятость в специализированных магазинах, возможность продюсирования («раскрутки») музыкальных групп через Интернет, работа фотографом, дизайнером, организация экскурсий на мотоциклах. Это стало возможным в связи с появлением новых видов профессиональной занятости.

Выводы

Подводя итоги предпринятого анализа, можно отметить, что во второй половине XX века формируется интерес ученых различной дисциплинарной принадлежности ко всему жизненному пути личности. За рубежом он складывается в понятийную рамку *life-span development*, в советской/российской традиции доминирующими становятся психологические подходы к данному явлению. Вводятся понятия индивидуального жизненного пути личности (Б.Г. Ананьев), жизненного плана (Т.Е. Резник), стратегии жизни (К.А. Абульханова-Славская, Т.Е. Резник, О.А. Хасбулатова и Л.С. Егорова).

Изучение жизненных стратегий личности – сложная исследовательская задача, попытки решения которой остаются немногочисленными. Поэтому в данном случае представляется оправданным использование качественных методов исследования. Предпринятый анализ жизненных стратегий оказался обогащен за счет сравнения результатов полуструктурированных биографических интервью бывших участников молодежных субкультур асоциального характера, являвшихся их членами в советских и постсоветских социальных условиях (см. табл. 3).

К членству в таких субкультурах приводили «сбои» в процессе социализации личности с участием формальных групп членства и родителей молодых людей. Интересно, что в советской выборке к членству в субкультуре чаще приводили неудовлетворительные отношения с родителями, а в изменившихся макросоциальных условиях (постсоветская выборка) респонденты чаще говорили о неудовлетворительных отношениях с формальной группой, в то время как у части из них родители сами принадлежали ранее к молодежным субкультурам.

Таблица 3

Особенности жизненной стратегии
бывших участников (пост) советских субкультур

№	Особенность жизненной стратегии	Молодежная асоциальная субкультура	
		советского периода	постсоветского периода
1	Неудовлетворенность формальными институтами социализации	Конфликт с родителями	Конфликт с (учебной, производственной) группой
2	Накопление социального капитала в субкультуре	Его индикаторы: 2.1. Повышение социального статуса 2.2. Увеличение количества социальных связей 2.3. Продолжительное сохранение отношений после выхода из субкультуры 2.4. Формирование неформальной социальной сети 2.5. Оказание помощи субкультурной группой 2.6. Уровень доверия в группе	
3	Конвертирование субкультурных навыков в профессиональную деятельность	нет	есть

Была выделена общая ключевая особенность жизненных стратегий для обеих выборок: накопление социального капитала в асоциальных молодежных субкультурах. Его индикаторами являлись:

- (на микро-(индивидуальном) уровне, по А.Н. Татарко): повышение социального статуса в субкультурной группе, увеличение количества социальных связей, продолжительное сохранение отношений после выхода из субкультуры;
- на мезо-(групповом) уровне: формирование неформальной социальной сети на базе субкультуры, оказание помощи субкультурной группой своим членам и высокий уровень доверия в ней.

Примечательно, что многие бывшие участники субкультур (как в советской, так и в постсоветской выборке) спустя многие годы поддерживают дружеские отношения, сформировавшиеся во время членства в субкультуре.

В то же время была выделена изменчивость в жизненных стратегиях в двух выборках, связанная с «конвертированием» в профессиональную деятельность навыков, приобретенных в результате принадлежности к молодежной асоциальной субкультуре. При этом в «советской» выборке только один участник исследования смог применить субкультурные навыки в профессиональной сфере, а в «постсоветской» – более пятой части опрошенных. Изменения, произошедшие на рынке труда в нашей стране, позволили большему числу респондентов зарабатывать используя навыки, приобретенные в период членства в субкультуре. Таким образом, можно наблюдать изменения особенностей жизненных стратегий бывших участников субкультур в зависимости от социального контекста.

В заключение хотелось бы отметить пилотажный характер проведенного исследования и необходимость дальнейшего изучения жизненных стратегий личности.

Литература

---

1. Юнг К. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1994. 336 с.
2. Балтес П.Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследование динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // Психологический журнал. Т. 15. № 1. 1994. С. 60–80.
3. Baltes P.B., Reese H.W., Lipsitt L.P. Life-span developmental psychology // M.R. Rosenzweig, L.W. Porter (Eds.) Annual review of psychology. PaloAlto, CA: Annuals reviews, 1980.
4. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2 т. / Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1980. Т. 1. 230 с.; Т. 2. 287 с.

5. Философский энциклопедический словарь / Сост.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
6. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
7. *Резник Т.Е.* Человек и его судьба // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Вып. 2 (3). С. 40–59.
8. *Хасбулатова О.А., Егорова Л.С.* Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 48–55.
9. *Марцинковская Т.Д.* Психология субкультуры // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 4 (13). С. 37–49.
10. *Солодникова И.В., Лучинкина А.Л.* Изменение жизненных траекторий бывших участников асоциальных молодежных субкультур в советском и постсоветском обществе // Обучение и развитие: современная теория и практика: Материалы XVI Междунар. чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 16–20 ноября 2015 г. / Под ред. В.Т. Кудрявцева: В 2 ч. Ч. 2. М.: Левь, 2015. С. 52–56.
11. *Татарко А.Н.* Социальный капитал как объект психологического исследования. М.: МАКС Пресс, 2011. 173 с.
12. *Бурдые П.* Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. 680 с.

References

---

1. Yung K. Problems of the Soul in the Modern Times. Moscow: Progress Publ.; 1994. 336 p. (in Russ.)
2. Baltes PB. All-age Approach to Developmental Psychology. A Research of Ups and Downs Dynamics throughout the Lifetime. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1994;15(1):60-80. (In Russ.)
3. Baltes PB., Reese HW., Lipsitt LP. Life-span Developmental Psychology. MR. Rosenzweig, LW. Porter (Eds.). *Annual review of psychology*. Palo Alto, CA: Annuals reviews, 1980.
4. Anan'ev BG. Selected Works on Psychology: In 2 vol. Moscow: Pedagogika Publ.; 1980. Vol. I – 230 p.; Vol. II – 287 p. (in Russ.)
5. Encyclopedia on Philosophy. Compiled by LF. Ilichev, PN. Fedoseev, SM. Kovalev, VG. Panov. Moscow: Sov. Entsiklopediya Publ.; 1983. 840 p. (In Russ.)
6. Abulhanova-Slavskaya KA. Life Strategy. Moscow: Misl' Publ.; 1991. 299 p. (In Russ.)
7. Reznik T.E. Man and His Destiny. *Lichnost. Kultura. Obschestvo*. 2000;2(3):40-59. (In Russ.)
8. Hasbulatova OA., Egorova LS. Social Well-being of Men and Women in Medium-sized Town in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2002;11:48-55. (In Russ.)
9. Martsinkovskaya TD. Psychology of Subculture. *Sovremennaya social'naya psihologiya: teoreticheskie podhodi i prikladnye issledovaniya*. 2011;4(13):37-49. (In Russ.)

10. Solodnikova IV., Luchinkina AL. Retargeting Life Trajectories of Ex-Participants of Asocial Youth Subcultures in Soviet and Post-Soviet Society. *Training and development: current theory and practice*. Proceedings of the VI Intern. readings in memory of L.S. Vygotsky. VT. Kudryavtsev (ed.). In 2 parts. Part 2. Moscow: Lev' Publ.; 2015. P. 52-6. (In Russ.)
11. Tatarko AN. Social Capital as the Psychological Research Target. Moscow: MAKS Press; 2011. 173 p. (In Russ.)
12. Bourdieu P. Forms of Capital. *Western economic sociology*. A reader of modern classics. M.: ROSSPEN Publ.; 2004. 680 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Солодникова Ирина В., доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; 14a20ivs@mail.ru

Information about the author

Irina V. Solodnikova, Dr. in Sociology, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; 14a20ivs@mail.ru

Работы молодых ученых

УДК 159.925

DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-81-95

Полипарадигмальное исследование чувства юмора как комплексной личностной характеристики

Сергей Ю. Жаркой

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, szharkoj@yandex.ru*

Аннотация. Проведенное исследование направлено на изучение факторов, влияющих на развитие чувства юмора, прежде всего роли личностных характеристик и способности к переносу контекста. Теоретическая значимость данной работы состоит в развитии современных научных представлений о том, что скрывает чувство юмора и какие личностные особенности стоят за этим явлением. Научная новизна данного исследования заключается в применении одного из первых авторских методов оценки чувства юмора с точки зрения измерения предпочтительных контекстуальных мотивов шуток. В этом исследовании затрагивается тема основных механизмов формулирования шутки через оценку построения бисоциаций и зависимости юмора от личностных особенностей. Таким образом, в работе объединяются наиболее разработанные подходы к проблематике юмора (психоаналитический, когнитивный, психолингвистический), а также дается обобщенный ответ на вопросы возникновения и формирования данного психического явления.

Ключевые слова: юмор, чувство юмора, когнитивизм, личностные особенности, мотив остроумия, перенос контекста, бисоциация

Для цитирования: Жаркой С.Ю. Полипарадигмальное исследование чувства юмора как комплексной личностной характеристики // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 81–95. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-81-95

Poliparadigm research of a humor sense as a complex personal characteristic

Sergei U. Zharkoi

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, szharkoj@yandex.ru*

Abstract. The research is aimed at studying the factors that influence the humor sense development, primarily, the study of the personal characteristics role and ability to transfer the context. The theoretical significance of this work is in development of modern scientific ideas about what the humor sense of an individual hides and what personal characteristics are behind that phenomenon. The scientific novelty of the study lies in the use of one of the first author's methods of assessing the sense of humor in terms of measuring the preferred contextual motifs of jokes. This work concerns discussion of the main joke's formulating mechanisms through an assessment of the construction of bisociations and the dependence of humor on the personality characteristics. Thus, the work combines the most developed approaches to the problematics of humor (psychoanalytic, cognitive, psycholinguistic), it also gives a generalized answer to the questions of the emergence and formation of this mental phenomenon.

Keywords: humor, sense of humor, cognitive science, personality traits, the motive of wit, the transfer of context, bisociation

For citation: Zharkoi SU. Poliparadigm research of a humor sense as a complex personal characteristic. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;2(12):81-95. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-81-95

Введение

Возрастающий интерес к когнитивным наукам все чаще отражается в экспериментальных исследованиях особенностей познавательной деятельности человека в различных междисциплинарных сферах. Одной из наиболее интересных областей является изучение психических процессов и явлений, которые до XX в. чаще всего выносились за рамки процессов познания, хотя и являются

интересными психологическими феноменами. Одним из таких явлений, а скорее когнитивных особенностей человека, является чувство юмора. За последние десятилетия изучение юмора в науке обычно сводилось к исследованию шуток и анекдотов внутри филологии, лингвистики, социологии и изредка когнитивной науки. При этом стоит отметить, что юмор отмечался как важная психологическая составляющая еще в классическом психоанализе и в истоках эволюционной психологии, что указывает нам на фундаментальную важность данного психологического явления. З. Фрейд [1] ввел понятие «мотива остроумия» в качестве одного из проявлений бессознательных побуждений человека, тем самым впервые определив место юмористических процессов в сфере психического.

В данной работе мы попытались связать самые ранние представления о юморе в психологии с тем лингвистическим и когнитивным опытом, которым обладает современная наука сейчас, через применение новой экспериментальной методики изучения особенностей чувства юмора. Все это необходимо для определения истинной природы юмора и его взаимосвязи с личностными и когнитивными особенностями.

Описание чувства юмора сводится к двум различным пластам знаний: к знаниям о структуре личности и к знаниям о мыслительных процессах. Первые берут свое начало еще с работ Фрейда о бессознательных мотивах проявления юмора, вторые же касаются исключительно процессов образования так называемого комического эффекта и развиваются в когнитивном подходе со второй половины XX в., они опираются на опыт лингвистов и когнитивных психологов и рассматривают юмор в качестве мыслительной операции преобразования контекстов.

Проведенная работа направлена на выявление основных закономерностей функционирования «чувства юмора» на основе определенных личностных характеристик и способностей к переносу контекста с опорой на опыт когнитивного подхода, который, к слову, не исключает многие аспекты классических психоаналитических воззрений на процессы, связанные с юмором. Проведенное исследование пытается дать ответ на вопрос о структурных особенностях чувства юмора и об основных механизмах его функционирования в основном через оценку связей личностных особенностей и предпочитаемых мотивов юмора (современной аналогии мотивов остроумия Фрейда). Перед непосредственным обращением к поставленному вопросу стоит отметить основные теоретические положения различных подходов, на которых базируется проведенное исследование.

Бисоциация как основа шутки

В первую очередь стоит обратиться к структурной особенности шутки и того мыслительного процесса, который отвечает за ее «расшифровку» — процесса переноса контекста. Данный феномен в своем привычном названии редко рассматривается в психологии, хотя его аспекты можно проследить практически во всех генетических теориях и теориях развития индивидуальной психики. У Пиаже [2] окончательное формирование способности к переносу контекста связано со стадией освоения формальных операций. У Выготского [3], к примеру, первое появление манипуляций с контекстом связано с моментом создания первой мнимой ситуации внутри игры, при этом дальнейшее развитие данной способности описывается с точки зрения построения третичных связей в подростковом возрасте. Так как у разных авторов периоды генезиса описанной мыслительной операции крайне размыты и разнятся друг с другом, проследить возрастную норму формирования способности к переносу контекста невозможно. Обобщая данные различных авторов, можно утверждать, что в возрасте 12–13 лет у ребенка в норме мыслительная операция перенесения контекста на новое основание уже активно функционирует. Не исключено, что данная способность может возникать гораздо раньше, тем не менее для данного исследования это важно только с точки зрения формирования выборки.

Возвращаясь к проблематике данного исследования, стоит отметить, что в наиболее современных лингвистических и когнитивных работах перенос контекста носит название процесса «построения бисоциации», что означает сопоставление двух и более контекстов и образование нового.

Для понимания механизма образования комического через столкновение контекстов и образование бисоциаций был сформулирован фреймовый подход. С помощью данного подхода можно определить, какие когнитивные средства трансформируют серьезное в смешное. Многие исследователи при выделении когнитивных механизмов достижения комического эффекта оперируют понятиями «стереотипная ситуация» и «игра», которые создают базовые противоречия и выступают как условие реализации комического противоречия [4].

Оценивая шутку через рассмотрение бисоциаций, образованных фреймами, можно заметить, что комичность является не просто результатом несовпадения двух контекстов, а сложным продуктом когнитивной работы человека. Комизм является не просто скрытым смыслом, который закреплен внутри некой лингвистической

конструкции – это результат сложного мыслительного процесса – как со стороны того, кто продуцирует шутку, так и со стороны того, кто эту шутку воспринимает. При этом, разумеется, ощущение комизма может быть достигнуто и продуцированием шутки для самого себя, однако сам эффект будет достигнут только при окончательном формулировании лингвистической конструкции.

Процесс столкновения двух фреймов и образования бисоциации в сознании человека является базисом образования любой шутки. На основании этого можно предполагать различие между двумя фундаментально различными типами юмора – юмора истинного и юмора пошлого. Истинные шутки – это *лингвистические конструкции, которые содержат в себе различные контексты, при пересечении которых в сознании адресата шутки возникает бисоциация. Возникновение бисоциации в сознании обеспечивает комический эффект.* В то время как пошлые шутки – это конструкции, содержащие в себе только один контекст. Возникновение комического эффекта данными шутками достигается через использование табуированных тем, маркированных слов, наиболее острых для адресата контекстов и т. д.

Личность и чувство юмора

Как отмечалось выше, З. Фрейд был первым, кто поставил вопрос о свойствах остроумия и функциональном значении чувства юмора. Согласно автору, остроумие человека основывается на процессах психологической защиты и позволяет ему преодолевать конфликтные ситуации с действительностью. Другими словами, чувство юмора всецело зависело от структурных особенностей личности (преимущественно работы Ид и сверх-Эго). Дальнейшие работы, описывающие чувство юмора в структуре личности, так или иначе ссылались на работы Фрейда и всегда указывали на детерминирующую силу личностных особенностей над процессами, связанными с юмором. К примеру, в работах Зив [5] детерминация чувства юмора связана с работой преимущественно агрессивных и сексуальных мотивов личности, которые закладываются на уровне дошкольного воспитания в семье. Аналогичный подход можно наблюдать также в работах Клайна [6]. Теоретическая основа данных исследований в целом состояла из постфрейдистских представлений о юморе в качестве проявления подавленных бессознательных влечений.

Ряд других работ, посвященных исследованию юмора в XX в., не имел в своей основе какой-либо теоретической базы. Эти

работы были основаны на выработанных эмпирическим путем моделях и не объясняли функциональную значимость юмора как такового. Примером такого рода работы является трехфакторная модель юмора Руха 3 WD Humor test [7]. Данная модель включает в себя оригинальную категоризацию юмора, но избегает выбора наиболее важных личностных параметров, отвечающих за восприятие юмора, и по сути ничем не отличается от примитивной психометрии. Переходя рубеж 2000-х годов, ситуация в науке, строго говоря, не изменилась. Личностные подходы к изучению чувства юмора как самостоятельные практически исчезли. В большинстве исследований вопрос о взаимосвязи личностных особенностей и особенностей чувства юмора был заменен на более фундаментальный – почему юмор настолько приятен? Наиболее разработанной в данном ключе является теория М. Аптера [8]. Согласно Аптеру, юмор есть разновидность игры – это особая психическая установка по отношению к миру и действиям в нем. Чтобы пережить юмор, мы должны находиться в этом игривом (или, вернее, игровом) настроении. Он предположил, что игра характеризуется «защитными рамками», которые необходимы для ограждения себя от серьезных забот реального мира. Аптер назвал это игривое настроение парателическим состоянием, чтобы отличить его от телического (направленного на цель) состояния, которое лежит в основе более серьезных действий. Он полагал, что мы в разное время переключаемся то в одно состояние, то в другое.

Теория переключения рассматривает юмор как форму межличностной коммуникации с точки зрения социальной психологии. Также теория переключения позволяет оценить роль юмора в совладании с фрустрацией. Способность юмористической синергии вызвать катарсическое состояние дает возможность преодолевать фрустрирующие ситуации в игровой форме, а не воспринимать их как серьезную угрозу. При этом отношение человека к фрустрирующим ситуациям всегда будет отражаться в его личностных особенностях. Тем самым данный подход обобщает когнитивные представления о чувстве юмора как о мыслительной деятельности, при этом не исключает из дискурса классические представления о личностных детерминантах чувства юмора с точки зрения взаимодействия с окружающей действительностью. Принимая во внимание данное обобщение, проведенная работа направлена на анализ связей между личностными особенностями и спецификой чувства юмора, а также на изучение юмора с точки зрения синергий – мыслительных процессов взаимодействия с контекстами.

*Исследование взаимосвязей
предпочтительных мотивов юмора,
личностных особенностей и процессов
переноса контекста*

Выборка

В исследовании приняли участие 76 респондентов в возрасте от 17 до 37 лет: 38 мужчин и 38 женщин. Участники исследования в электронном формате заполняли методику, время на заполнение не ограничивалось.

Методики

В проведенном исследовании использовались как стандартизованные методики, так и авторские, составленные специально для данной работы:

- Для изучения личностных особенностей респондентов был выбран Фрайбургский опросник (FPI).
- Для изучения способностей к переносу контекста была использована методика Зейгарник на соотношение пословиц, метафор и фраз (1934 г.). Данная методика использовалась для получения коэффициента контекстуальных несоответствий, который выражается количеством ошибок, допущенных при ее выполнении. Этот коэффициент (от 0 до 16) показывает, насколько респондент продуктивно переходит от одного контекста к другому, умеет оперировать «скрытым» и переносным смыслом. Чем выше данный показатель, тем хуже респондент взаимодействует с контекстными переходами.
- Для оценки предпочтений в юмористических высказываниях была составлена специальная методика. На первом этапе были отобраны 70 различных кратких юмористических высказываний, которые отличаются по своей тематике (сексуальной, расистской, нейтральной, политической и т. д.) и по своей структуре (шутки-диалоги, новостные сводки, риторические вопросы, анекдотические высказывания и т. д.). На втором этапе полученный список шуток прошел экспертную проверку. Список предъявлялся восьми экспертам, которыми выступили случайные люди в возрасте от 18 до 39 лет. Экспертам предлагалось не оценивая то, насколько шутка смешная, определить основной мотив шутки – ее «подтекст». Ориентировочно экспертам предлагались основные мотивы для выбора: агрессивный, абсурдный, сексуальный, черный, нейтральный и пошлый. В результате чего были отобраны 42 шутки, каждая из которых принадлежала к одной из шести категорий – по семь

- шуток к каждой категории. Составление итоговой методики происходило следующим образом: были составлены 7 блоков по 6 шуток в каждом. В каждом блоке было по одной шутке определенного мотива. Испытуемым предлагалось оценить каждую шутку по 6-балльной шкале, при этом каждую оценку можно использовать лишь единожды в каждом блоке. Нули, обозначающие, что респондент не понял шутки или не нашел в ней ничего смешного, разрешалось ставить неограниченное число раз. Таким образом, респонденты демонстрировали предпочитаемые мотивы юмористических высказываний через прямую оценку. Каждый мотив юмора в итоге оценивался по среднему показателю всех семи блоков (от 0 до 6).
- Для оценки способности к образованию комичных ситуаций через построение бисоциаций была использована еще одна специально составленная методика. Методика состоит из 10 незаконченных предложений, каждому испытуемому предлагается остроумно закончить фразу. В данной методике оценивалось наличие бисоциаций в каждом законченном предложении по трем критериям. Эти критерии распространяются на две части предложения – предъявляемую и заканчивающую, только при удовлетворении всех приведенных критериев законченное предложение считается бисоциативным (и начисляется 1 балл за правильно составленную бисоциацию, всего от 0 до 10 баллов):
    - 1) вторая часть предложения содержит в себе новую информацию;
    - 2) информация из двух частей предложения составляет общий контекст;
    - 3) общий контекст несет в себе новую информацию, которой не было в отдельных частях предложения.

Анализ результатов

Выполнение испытуемыми методики оценки юмористических высказываний в среднем по выборке дало следующие результаты (рис. 1):

Наиболее высокие оценки получили «нейтральные» шутки, необремененные никаким подтекстом, что в первую очередь свидетельствует о том, что подобранные шутки в данных блоках действительно не соотносятся ни с одним конкретным мотивом и удовлетворяют чувство юмора в целом. Наименьшие оценки получили шутки с сексуальными мотивами и шутки с отсутствием бисоциации. «Сексуальные» шутки, скорее всего, оцениваются ниже других, так как затрагивают наиболее интимные и «неприемлемые»

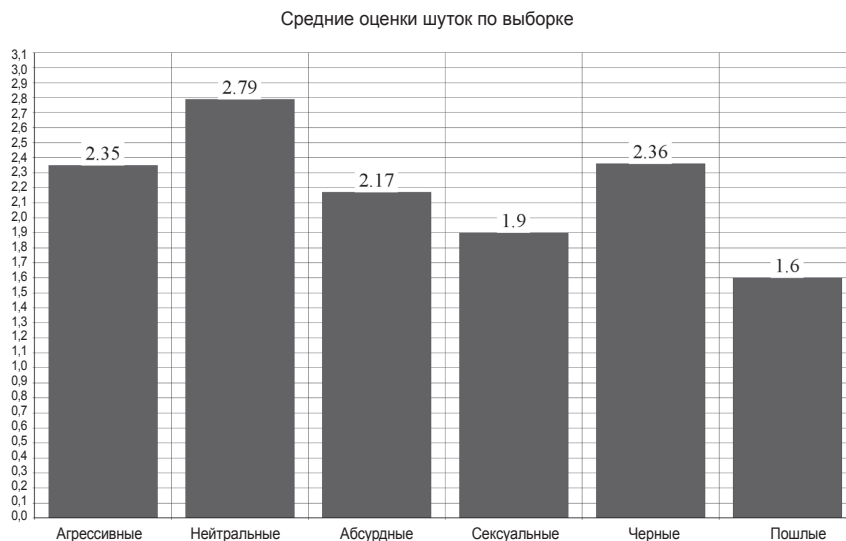

Рис. 1. Средние оценки юмористических высказываний

для обсуждения темы, что сдерживает респондентов в положительной оценке подобного юмора. Шутки пошлые, в свою очередь, оцениваются еще ниже, так как являются крайне специфичным типом юмора, распространенным в интернете и на юмористических телепередачах с довольно своеобразной аудиторией. Следовательно, относительно всей выборки можно наблюдать отличительные особенности в оценке «нейтрального» юмора в большей степени, а «сексуального» и «пошлого» юмора в меньшей.

Статистическая обработка методом ранговой корреляции Спирмена показала достаточно много достоверных связей между показателями личностных особенностей и предпочтительных мотивов юмора, тем не менее все корреляции показывали слабую связь, что может быть объяснено первым использованием русскоязычной методики на поиск предпочтительных типов юмора.

При проведении корреляционного анализа между оценкой юмористических высказываний и личностными особенностями в первую очередь предполагалось обнаружение связей, которые классически выделялись в исследованиях личностных детерминант чувства юмора, разработанных в контексте фрейдистских представлений. К примеру, связи между раздражительностью (эмоциональной неустойчивостью) и положительными оценками агрессивного и черного юмора, высокой оценкой шуток с сексуаль-

ным подтекстом и низкой маскулинностью у мужчин и т. д. Тем не менее, проведенный анализ показал некоторые нетривиальные достоверные связи, которые находят довольно интересное объяснение. Показатели наличия достоверных связей изображены в таблице 1 (прямая связь отмечена светлым цветом, обратная – темным).

Таблица 1

Связи между предпочтительными типами юмора
и личностными особенностями

	Агрессивные	Нейтральные	Абсурдные	Сексуальные	Черные	Пошлые	Средние оценки
Спонтанная агрессивность	0,26	0,33	0,29	0,35		0,22	0,31
Депрессивность		0,31					
Раздражительность		0,26			0,25		
Общительность		-0,23			-0,29		-0,29
Уравновешенность		-0,27					
Открытость					-0,29		-0,26
Маскулинность				0,23			

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что существует прямая положительная связь спонтанной агрессивности с большинством мотивов юмора, в особенности с нейтральным и сексуальным, а также связь спонтанной агрессивности с общим высоким уровнем оценок бисоциативного юмора. Таким образом, можно судить о том, что люди с повышенной субъективной агрессивностью в целом сензитивны к юмору и обладают «хорошим» чувством юмора.

Была обнаружена обратная связь общительности и средних оценок юмористических высказываний ($R = -0,29$; $p \leq 0,05$), прямая связь спонтанной агрессивности и оценок нейтральных юмористических высказываний ($R = 0,33$; $p \leq 0,01$); обратная связь открытости и средних оценок юмористических высказываний в общем ($R = -0,26$; $p \leq 0,05$); прямая связь депрессивности и оценок нейтральных юмористических высказываний ($R = 0,31$; $p \leq 0,01$). Таким образом, установлено, что общий «отрицательный личностный фон», выражающийся в депрессивности, раздражительности, необщительности и закрытости характеризуется высокой оценкой нейтральных шуток. Пониженная «открытость» и низкая общительность характерны для людей, которые в среднем высоко оценивают шутки различных мотивов. Эти данные указывают на то, что юмор вопреки расхожим суждениям больше характерен для людей «закрытых» от окружения, нежели для людей общительных и открытых внешним контактам. Эти данные могут являться подтверждением вышеупомянутых представлений о том, что юмор зачастую используется для преодоления фрустрирующих ситуаций действительности. Стоит отметить, что это вовсе не означает, что «хорошее» чувство юмора присуще только людям, которые находятся в конфликте с окружением. Речь здесь идет о функциональной стороне чувства юмора, которое может выступать неким «окном в действительность» – способом взаимодействия и переосмысления самого себя и реальности.

Как и предполагалось на основе классических исследований юмора, высокая оценка «черного» юмора характерна для людей раздражительных и необщительных, что свидетельствует о том, что «черный» юмор по своему личностному отражению схож с юмором нейтральным. Это в свою очередь может указывать на единую «природу возникновения» двух типов юмора, которая основывается на поиске путей взаимодействия с окружающим миром и преодоления в нем фрустрирующих ситуаций. Вероятно, «черный» юмор функционально выступает как посредник при взаимодействии с наиболее травмирующими явлениями действительности, в основном с темами смерти и потери, в то время как нейтральное чувство юмора позволяет человеку обыгрывать повседневные несоответствия в желаемом и действительном.

Интересные данные были получены при анализе гендерных различий в оценке юмористических высказываний и их связи с личностными особенностями. Мужчины оказались в среднем более сензитивны к юмористическим высказываниям, чем женщины, при этом наибольшее различие обнаружено в оценке сексуального, черного и агрессивного юмора. Полученные данные связаны с оценкой

юмора с сексуальным подтекстом. Высокая маскулинность характерна для людей, которые высоко оценивают сексуальные шутки. При этом следует подчеркнуть, что данное явление наблюдается как у мужчин, так и у женщин. В группе мужчин была выявлена слабая положительная взаимосвязь ($R = 0,27$, $p \leq 0,05$). При изучении тех же взаимосвязей на группе женщин была выявлена более сильная прямая взаимосвязь ($R = 0,35$, $p \leq 0,05$). Другими словами, протекающая по мужскому типу психическая деятельность связывается с положительной оценкой шуток, в которых так или иначе затрагивается тема сексуальности, половых связей и интимной сферы.

При оценке связей способности к переносу контекста и понимания переносного смысла метафор и фраз со способностями к построению бисоциаций были получены достоверные данные, свидетельствующие о наличии прямой, слабой по силе связи ($R = 0,32$; $p \leq 0,01$). Респонденты, допустившие большее количество ошибок при выполнении методики Зейгарник, также сумели построить меньшее количество верных бисоциаций, нежели респонденты, которые лучше справились с заданием на понимание переносного смысла метафор и фраз. Как и предполагалось на основе представлений когнитивных психологов и психолингвистов, мыслительные процессы переноса контекста и способность человека продуцировать бисоциации, а следовательно, и шутки, связаны между собой. Кроме того, эти данные свидетельствуют о том, что разработанная Зейгарник патопсихологическая методика может быть использована на здоровой выборке для изучения особенностей мыслительных процессов.

Последний раздел данного исследования был направлен на изучение отмеченного в начале различия между двумя диаметрально противоположными по структуре типами юмористических высказываний пошлых и бисоциативных. В ходе оценки связи между средними оценками шуток с бисоциацией и шуток пошлых был получен следующий результат – чем выше человек в среднем оценивает шутки с бисоциациями, тем выше оценки пошлых юмористических высказываний ($R = 0,58$; $p \leq 0,001$). График рассеяния корреляции показан на рис. 2.

Полученный результат является свидетельством наличия значительной положительной связи между оценками бисоциативных и пошлых шуток, что указывает на то, что люди, склонные к высокой оценке юмористических высказываний, таким же образом высоко оценивают и «неюмористические» пошлые высказывания, построенные без бисоциаций. Следовательно, люди, которые высоко оценивают юмор, не дифференцируют его на «истинный»

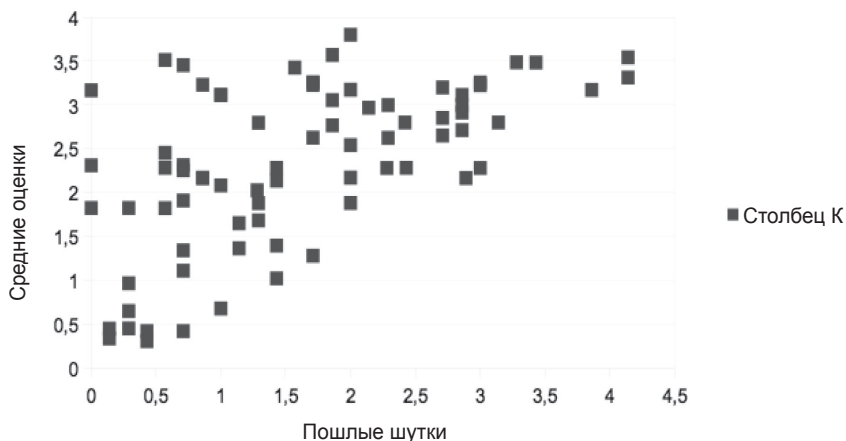

Рис. 2. График рассеяния корреляции оценок пошлых шуток и средних показателей оценок бисоциативных шуток

и «ложный» (на юмор с бисоциацией и без нее). Возможно, полученный результат свидетельствует об особенностях аудитории, положительно оценивающей пошлый юмор. Как видно по сопоставлению средних показателей, оценки юмористических высказываний с различными мотивами, шутки без бисоциаций были положительно оценены наименьшей частью выборки. Этот факт может служить подтверждением специфики аудитории данного типа юмора. Тем не менее особенности мыслительных операций по переносу контекста этой части выборки остаются неизвестными, т. к. достоверных связей между оценкой пошлых высказываний и способностями к пониманию переносного смысла выражений обнаружено не было.

Выводы

Проведенное исследование было направлено на изучение чувства юмора и его связи с личностными особенностями и способностями к переносу контекста. Данная работа решала проблему неполноты знаний о чувстве юмора как о психологической категории через обобщение когнитивных, психоаналитических и психолингвистических знаний и построение эмпирического исследования по определению взаимосвязей личностных и когнитивных особенностей.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что юмор в действительности может выступать в качестве способа преодоления фрустрирующей ситуации через преуменьшение ее значения в комичной ситуации. Таким образом, чувство юмора и позитивное восприятие шуток сильнее развито у людей с «закрытым» типом взаимодействия с окружением.

Положительная оценка определенных мотивов юмора в действительности связана с личностными особенностями, полом, и это характерно для шуток с сексуальным, агрессивным и «черным» подтекстом.

Также было показано, что наиболее схожими по своему функциональному значению являются, на первый взгляд, противоположные по своим мотивам шутки — нейтральные и «черные». Этот факт указывает на то, что все виды юмора, независимо от их мотива, являются результатом работы одинаковых психологических механизмов, которые предположительно связаны с процессами взаимодействия с окружением и оценкой ситуации.

В проведенном исследовании обнаружена связь между способностью человека к построению комичных ситуаций (способностью шутить) и способностью к переносу контекста (пониманию переносного смысла).

При изучении пошлого и «истинного» юмора не было выявлено дифференцирующих различий. Напротив, было установлено, что положительное восприятие человеком юмора выражается как в оценке «истинного юмора», так и в оценке пошлого. Поэтому само по себе противопоставление данных типов юмора можно считать бесосновательным.

Дальнейшие исследования в данной области могут касаться углубления в когнитивную составляющую процессов, связанных с юмором. К примеру, с изучением процессов продуктивного мышления и различных компонентов интеллекта, таких как общая осведомленность, абстрактное и вербальное рассуждение и т. д. Кроме этого, вызывает интерес и составление специальной методики для оценки семантической составляющей законченных испытуемыми юмористических высказываний, которые дополняют результаты успешности построения бисоциаций в данных заданиях. Эти показатели могут быть использованы для более глубокого анализа мотивов юмора.

Литература

---

1. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // Фрейд З. Художник и фантазирование: сборник работ. М.: Республика, 1995. С. 20–128.

2. *Пиаже Ж., Иньельдер Б.* Генезис элементарных логических структур. Классификации и сериации. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.
3. *Выготский Л.С.* Педология подростка // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. 433 с.
4. *Панина О.В.* Комическое и языковые средства его выражения: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
5. *Ziv A.* Personality and sense of humor. Springer Publ. Co., 1984.
6. *Kline P.* Fact and Fantasy in Freudian Theory. 2nd Edition. London: Methuen, 1981.
7. *Ruch W.* A temperament approach to humor. In W. Ruch (Ed.) *The sense of humor: Explorations of a personality characteristic.* Berlin, Germany: Walter de Gruyter, 1998. P. 203–228.
8. *Apter M.J.* Motivational styles in everyday life: A guide to reversal theory. Washington: American Psychological Association, 2001.

References

---

1. Freud Z. Wit and its Relation to the Unconscious. V: Freud Z. *An Artist and Artists Fantasizing. Works Collection.* Moscow.: Respublika Publ.; 1995. P. 20-128. (In Russ.)
2. Piaget Zh., Inhelder B. The Genesis of simple mental structures. Classifications and seriations. Moscow: Eksmo-Press; 2002. P. 155-78. (In Russ.)
3. Vygotskii LS. Pedology of a teenager. V: Vygotsky LS. Coll. works. In 6 vol. Vol. 4. Moscow: Pedagogika Publ.; 1984. 433 p. (In Russ.)
4. Panina OV. The Comic and Language Tools of its Expression: Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow; 1996. (In Russ.)
5. Ziv A. Personality and sense of humor. Springer Publ. Co., 1984.
6. Kline P. Fact and Fantasy in Freudian Theory. 2nd Edition. London: Methuen, 1981.
7. Ruch W. A temperament approach to humor. W. Ruch (Ed.) *The sense of humor: Explorations of a personality characteristic.* Berlin, Germany: Walter de Gruyter, 1998. P. 203-28.
8. *Apter M.J.* Motivational styles in everyday life: A guide to reversal theory. Washington: American Psychological Association, 2001.

Информация об авторе

Сергей Ю. Жаркой, бакалавр психологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; szharkoj@yandex.ru

Information about the author

Sergei U. Zharkoi, bachelor in psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Misskaya sq., Moscow, Russia, 125993; szharkoj@yandex.ru

УДК 316.72

DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-96-105

Изучение особенностей образа Я у представителей субкультур ролевиков и косплееров

Владимир А. Карпук

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, karpuik_va@mail.ru*

Аннотация. Данное исследование направлено на изучение идентичности у представителей субкультур косплееров и ролевиков, выявление их образа Я, а также изучение взаимосвязи создания и ношения образов/ костюмов на самооценку, временную перспективу в зависимости от принадлежности к вышеназванным субкультурам.

Ключевые слова: образ Я, ролевики, косплееры, субкультура, идентичность

Для цитирования: Карпук В.А. Изучение особенностей образа Я у представителей субкультур ролевиков и косплееров // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 96–105. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-96-105

Studying the features of the image of self in representatives of the subcultures of the role-players and cosplayers

Vladimir A. Karpuk

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, karpuk_va@mail.ru*

Abstract. This research is aimed at studying the identity in representatives of the cosplayers and role-players subcultures, revealing their image of self, as well as studying the relationship between the creation and wearing of images / costumes for self-esteem, a temporary perspective, depending on the belonging to the above subcultures

Keywords: self-image, role-players, cosplayers, subculture, identity

For citation: Karpuk VA. Studying the features of the image of self in representatives of the subcultures of the role-players and cosplayers. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;2(12):96-105. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-96-105

Введение

У современного человека мы наблюдаем обострившуюся проблему поиска идентичности. Глобализация, постоянное расширение информационного пространства, пересечение культур, открытые границы – все эти феномены нашего века усложняют задачу поиска и отождествления себя. На фоне этого наблюдается повышение разнообразия сообществ и субкультур [1]. В нашем пилотном исследовании мы обратили внимание на те субкультуры, которые, по нашему мнению, наиболее четко манифестируют проблему поиска идентичности и связаны непосредственно с созданием и ношением костюмов и примеркой на себя новых образов. Такими субкультурами можно назвать сообщества косплееров и ролевиков.

Косплей – субкультура, связанная с изготовлением реалистичных костюмов для дальнейшего воплощения в образ различных книжных, кинематографических, игровых персонажей, а также исторических деятелей или представителей тех или иных социальных классов.

Традиционно принято считать, что косплей (от англ. *costume play* – «костюмированная игра») зародился в Японии и основывается на культуре «аниме», а в 70-х годах движение переключалось в США, где сразу же снискало большую популярность [2]. Согласно мнению других отечественных исследователей [3], косплей представляет собой интернациональное явление, а культура и обычаи переодеваться в костюмы на праздники есть у многих народов. Однако в зарубежных источниках, по данным историков В. Ashcraft и L. Plunkett, [4 с. 6–11] история косплея начинается с 1908 г., когда впервые в США был воссоздан персонаж не из художественной классики, а из популярной научной фантастики. В 1939 г. прошла первая конвенция научной фантастики, на которой появились первые посетители, переодевшие в костюмы фантастических героев. Данная идея быстро приобрела популярность и превратилась в традицию [5].

В Россию движение пришло в 90-х годах и с тех пор увеличивается с каждым годом, проникая и укрепляясь в медиапространстве так же бурно, как и во всем мире. О развитии движения в России говорит как количественное увеличение косплееров, так и увеличение спроса на косплей как в целях рекламы, так и как на обязательный атрибут на презентациях, премьерных, ярмарках и фестивалях, а также на основании увеличения фанатов косплея и косплееров. Так, обязательным атрибутом крупнейшей отечественной выставки, посвященной поп-культуре, Comic-ConRussia, является участие профессиональных косплееров и косплееров-любителей. Данная площадка каждый год устанавливает для себя все новые рекорды посещения, собрав в 2017 г. 160 тысяч посетителей [6]. И с каждым годом число подобных площадок растет по всей России.

Ролевики – субкультура людей, которые играют в ролевые игры. По данным исследований М.А. Славко [7], хотя ролевая игра имеет много определений, отличающихся по сфере их применения, сами ролевики дают такое определение: «Ролевая игра – это вид драматического действия, участники которого действуют в рамках выбранных ими ролей, руководствуясь характером своей роли и внутренней логикой среды действия, а не внешним сценарием поведения» [8].

Движение ролевики появилось в 70-х годах благодаря настольным играм вроде «Dungeons and Dragons», в которых было принято переодеваться в костюмы своих персонажей. В России движение появилось в 80-х годах, благодаря поклонникам творчества Толкиена, желающих разыграть любимые сцены, и уже в 90-х движение ролевики укрепилось благодаря простому времени перестройки.

Однако несмотря на широкое распространение этих субкультур, привлекающих к себе все большее число людей, психологических исследований специфики субкультур косплееров и ролевиков до сих пор не проводилось. Недостаточная разработанность данной проблематики обуславливает актуальность данного пилотного исследования.

Выборка

В исследовании принял участие 41 респондент: 56,1% женщин и 43,9% мужчин в возрасте от 16 до 40 лет. Выборка набиралась из тематического закрытого сообщества социальной сети «ВКонтакте». Все респонденты – активные участники своей субкультуры, регулярно участвующие в тематических мероприятиях.

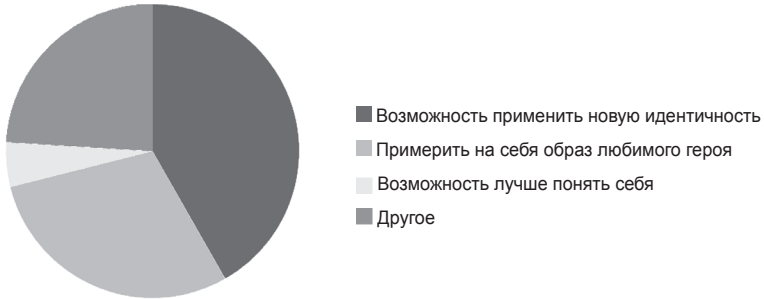
Методики

1. Для выявления особенностей самоидентификации респондентов, а также для определения собственного отношения респондентов к своему увлечению, использовалась специально разработанная анкета.
2. Для определения актуального уровня самооценки и оценки своей деятельности, связанной с созданием и ношением костюмов, использовалась методика Дембо-Рубинштейн с модифицированными шкалами.
3. Для определения особенностей временной перспективы и для выявления структуры и содержания идентичности использовалась методика «Я был. Я есть. Я буду» в модификации Т.Д. Марцинковской [9].

Результаты и обсуждение

Косплеер	Ролевик	Косплеер и ролевик	Реконструктор	Другое
20	13	3	3	2

Из числа всех респондентов 20 человек (48,8%) определили себя как «косплеер», 13 (31,7%) как «ролевик», а также 3 человека (7,2%) отнесли себя к неучтенной в рамках данного исследования категории – «реконструктор». Этот вид субкультуры также

Диаграмма 1. Что вас привлекает в вашем увлечении больше всего?

связан с созданием костюма, его ношением и отыгрыванием роли, и в дальнейшем этот вид субкультуры потребует уточнений и исследований. Остальные предложенные участниками категории встречались в единичных случаях и не могут быть определены как субкультура («костюмер», «творческая личность»). Еще 7,2% респондентов не смогли отнести себя к какому-то одному предложенному варианту и указали свою принадлежность как к косплеерам, так и к ролевикам. При этом 87,8% опрошенных знают, чем отличаются предложенные виды субкультур.

В ходе исследования также удалось получить интересные данные – лишь 7,3% опрошенных делали для себя только один костюм, а основная масса респондентов – 60,1% делало 10 и более костюмов. Более того, 90,2% участников исследования не собираются останавливаться на достигнутом числе образов и собираются делать еще костюмы других персонажей, а 14,6% собираются делать еще костюмы, но одного, любимшегося персонажа. В рамках данного исследования не оценивались психологические особенности воссоздаваемых персонажей, однако это является интересным предметом для последующих исследований, поскольку выбираемые образы и персонажи, вероятнее всего, являются референтными для испытуемых. Тенденция к увеличению числа костюмов и увеличению количества отыгрываемых ролей в свою очередь является своеобразным проявлением способа социализации, наблюдающегося в современном мире, а именно игры идентичностей [10].

Важно также упомянуть, что большинство респондентов (68%) отметили в анкете, что их увлечение помогает им социализироваться.

41,5% респондентов самой привлекательной чертой своего увлечения считают возможность примерить новую роль, а еще

29,3% выделили возможность примерить на себя роль любимого персонажа, что по своей сути является различными вариациями игры с идентичностью, описанной выше. Помимо прочих факторов, которые встречались в единичных случаях, вроде «поучаствовать в сюжете», «реализовать свои способности», «оторваться от повседневной жизни» и т. д., были выделены, хоть и небольшим числом опрошенных (4,9%), «возможность лучше понять себя», и это то, что потребует дальнейшего изучения – насколько данное увлечение помогает респондентам лучше понять себя.

По результатам методики «Я был, я есть, я буду» была обнаружена позитивная динамика во временной перспективе содержания идентичности по общей выборке респондентов. Также благодаря этой методике можно посчитать степень дифференцированности образа Я для данных групп [8].

Таблица 1

Среднее количество ответов респондентов
по двум группам

Косплееры	Ролевики	Косплеер и ролевик
7	4,9	10,3

У группы косплееров в среднем хороший уровень дифференцированности образа собственного Я, в то время как у ролевиков этот уровень недостаточен. Предположительно причина подобных результатов кроется в особенностях данных субкультур. В частности, ролевикам не обязательно для игры создавать новый костюм и образ, они могут использовать существующий, если он подходит к сценарию новой игры, в то время как у косплееров есть тенденция делать новые костюмы. Примечательно, что самый высокий уровень дифференцированности образа Я принадлежит респондентам, относящим себя к обоим субкультурам.

Кроме того, было подсчитано количество субъективных и объективных самоописаний, свидетельствующих о развернутости личностной или социокультурной идентичности соответственно.

Для определения актуального уровня самооценки и оценки своей деятельности, связанной с созданием и ношением костюмов, использовалась методика Дембо-Рубинштейн с модернизированными шкалами.

Для определения значимости различий между ответами косплееров и ролевиков использовался U-критерий Манна-Уитни.

Таблица 2

Различия по критерию Манна-Уитни

	Различия в оценке респондентами своей способности перевоплощаться в разные образы
Статистика U Манна-Уитни	66,500
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,017*

По результатам статистического анализа были выявлены значимые различия в оценке своих способностей преобразоваться в разные образы. Предположительно, это может быть связано с тем, что ролевики часто самостоятельно прорабатывают своего персонажа, перенося на него свои качества и характеристики, в то время как косплееры стремятся максимально точно скопировать существующего персонажа, изображая его привычки и личностные качества, т. е. косплееры действительно часто погружаются в разные образы, в случаях, если выбирают для косплея разных героев, а для ролевиков этот навык менее важен.

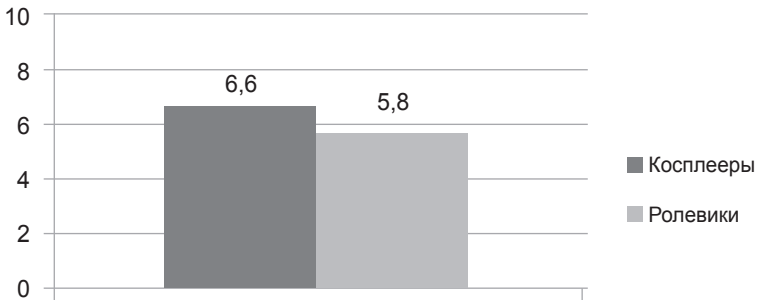

Рис. 2. Оцените свою способность преобразоваться в разные образы

Выводы

1. Большинство косплееров и ролевиков (87,8% опрошенных) знают отличия своих субкультур друг от друга и очень небольшой процент (7,2%) приписывают себя к обеим субкультурам, при этом понимая их различия. Это говорит о важности дифференциации представленных субкультур для самих участников, несмотря на внешнее сходство данных субкультур.

2. Также различия в психологическом содержании у косплееров и ролевиков можно заметить в степени дифференцированности образа Я – у косплееров образ Я более дифференцирован. Это крайне интересные данные, которые потребуют дальнейшего изучения. Можно предположить, что причины кроются в частом погружении ролевиков в новую идентичность, в то время как косплееры ограничиваются простым непродолжительным во времени ношением костюма и могут даже не отыгрывать персонажа.
3. Общей для обеих групп является положительная временная перспектива, которая выстраивается на основании хороших результатах по шкале «умение многое делать своими руками» (6,55 и 6,61), «уверенность в себе» (6,15 и 5,38) и «авторитет у сверстников» (6,15 и 6,23). Также на вопрос «облегчает ли ваш образ взаимодействие с другими людьми?» в 68% случаев был дан положительный ответ, а на вопросы о привлекательности увлечения многие указали именно на возможность примерить новую роль (41,5%) и возможность примерить на себя роль любимого персонажа (29,3%), что по определению является возможностью играть со своей идентичностью, и которая также по определению положительно влияет на социализацию в современном мире.
4. Были выявлены значимые отличия в оценке своей способности преобразаться в разные образы. Способность преобразаться связана со степенью уверенностью в себе, что оценивается у ролевиков также хуже (5,38), чем у косплееров, а также связано с гибкостью, адекватностью, уровень которых не замерялся в рамках данного исследования.

Заключение

Результаты нашего пилотного исследования дают почву для дальнейшего изучения данной проблематики с использованием контрольных групп. Введение контрольной группы может, в частности, дать ответ на вопрос, повышает ли игра с костюмом и своим образом уверенность в себе и самооценку, а также, как это влияет на образ будущего у всех выделенных творческих субкультур?

Однако поиск такой группы и сбор данных о ней несколько затруднителен, поскольку противоположной выборкой должна быть выборка людей, не только не увлекающихся созданием и ношением костюмов, но и при этом не играющих со своей идентичностью и не примеряющих на себя разные роли, что в современном мире найти сложно. Но уже сейчас можно констатировать,

что четко положительная временная перспектива и образ положительного будущего характерны для всех вышеуказанных групп. Это связано с тем, что главным фактором, который был выделен самими респондентами, была возможность примерить на себя новые идентичности и образы любимых героев, что по сути является игрой идентичностей, которая, в свою очередь, является механизмом социализации в современном мире и ведет к вышеуказанным явлениям.

Кроме этого, наше предположение, что данные субкультуры не различаются по своим существенным психологическим характеристикам, подтверждается лишь частично, так как удалось найти небольшие, но значимые отличия в оценке своей способности преобразаться в разные образы и чуть более важные различия в дифференцированности образа Я. Однако следует учитывать, что фактор, привлекающий людей в рассматриваемые субкультуры – стремление поиграть со своей идентичностью, примерить другие идентичности – является общим для обеих групп.

Тем не менее, поскольку полученные результаты исследования поставили новые исследовательские задачи и поскольку изучение субкультур в целом и субкультур косплееров, ролеви́ков, реконструкторов, в частности, имеют высокую актуальность в современном мире, исследование вышеуказанных субкультур будет продолжаться.

Литература

---

1. *Изотова Е.И., Полева Н.С.* Роль культуры и искусства в формировании картины мира современных подростков // Мир психологии. 2017. Т. 1. № 2. С. 158–166.
2. *Савицкий О., Иванов Б.* Косплей в России и за рубежом. [Электронный ресурс] URL: <http://anime.dvdspecial.ru /Articles/cosplay.shtml> (дата обращения 28 марта 2014).
3. «Есть ли у косплея смысл» // Русский репортер. 2014. No. 33(361). [Электронный ресурс] URL: http://expert.ru/russian_reporter/2014/33/est-li-u-kospleya-smysl/ (дата обращения: 29 мая 2018).
4. *Ashcraft B., Plunkett L.* Cosplay world. Prestel Publishing, 2014. P. 6–11.
5. *Culp J.* “Meet the Woman Who Invented Cosplay”. (9 May 2016). Racked. Retrieved 11 May 2016.
6. Приглашаем к участию в Comic Con Russia // Comic Con Russia [Электронный ресурс] URL: <http://comicconrussia.ru/> (дата обращения 29 мая 2018).
7. *Славко М.А.* Ролевое движение в России в 1990–2006 годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissercat.com/content/rolevoe-dvizhenie-v-rossii-v-1990-2006-gody#ixzz5H3Yq272I> (дата обращения: 29 мая 2018).

8. *Воронина Е.Ю., Белоконь О.А.* Ролевые игры – что это такое. М., 1997.
9. Идентичность и социализация в современном мире. Сборник методик / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: МПГУ, 2015. 215 с.
10. *Марцинковская Т.Д., Голубева Н.А., Юрченко Н.И.* Картина мира, образ мира, представление о мире: константы и трансформация понятия и содержания // Мир психологии. 2017. Т. 1. № 2. С. 20–33.

References

---

1. Izotova EL, Poleva NS. Role of culture and art in formation of the world picture of modern teenagers. *Mir psikhologii*. 2017;1(2):158-66. (In Russ.)
2. Savitskii O., Ivanov B. Cosplay in Russia and abroad. [Internet] URL: <http://anime.dvdspecial.ru/Articles/cosplay.shtml> (data obrashcheniya 28 match 2014). (In Russ.)
3. Is there any sense in the cosplay. *Russkii reporter*. 2014;33(361) [Internet] URL: http://expert.ru/russian_reporter/2014/33/est-li-u-kospleya-smyisl/ (data obrashcheniya 29 may 2018). (In Russ.)
4. Ashcraft B., Plunkett L. Cosplay world. Prestel Publishing, 2014. p. 6–11.
5. Culp J. “Meet the Woman Who Invented Cosplay”. (9 May 2016). Racked. Retrieved 11 May 2016.
6. We invite you to participate in Comic Con Russia. *Comic Con Russia* [Internet]. URL: <http://comicconrussia.ru> (data obrashcheniya 29 may 2018). (In Russ.)
7. Slavko MA. The role movement in Russia in 1990–2006: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. [Internet] Cheboksary; 2007. URL: <http://www.dissercat.com/content/rolevoe-dvizhenie-v-rossii-v-1990-2006-gody#ixzz5H3Yq272I> (data obrashcheniya 29 may 2018). (In Russ.)
8. Voronina MA., Belokon OA. RPG (Role Playing Games) – what is it. М., 1997. (In Russ.)
9. Identity and socialization in the modern world. Collection of techniques. Ed. by TD. Martsinkovskaya. Moscow: MPGU Publ.; 2015. 215 p. (In Russ.)
10. Martsinkovskaya TD., Golubeva NA., Yurchenko NI. World picture, image of the world, idea of the world. Constants and transformation of a concept and contents. *Mir psikhologii*. 2017;1(2):20-33. (In Russ.)

Информация об авторах

Владимир А. Карпук, студент 1-го курса магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; karpuk_va@mail.ru

Information about the author

Vladimir A. Karpuk, 1st year master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; karpuk_va@mail.ru

УДК 159.9:618

DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-106-121

Особенности переживания беременности при норме и патологии вынашивания

Светлана В. Преображенская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, s.v.preobr@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного исследования особенностей переживания беременности условно здоровых женщин и женщин, имеющих медицинские проблемы в период вынашивания. Рассмотрена взаимосвязь между различными типами психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД) у женщин с нормой и патологией вынашивания беременности. Представлен анализ доминирующего стиля переживания беременности в обеих исследуемых группах и выделены предпосылки его формирования. Основой формирования адекватного отношения к беременности и материнству являются гармоничные отношения будущей матери со своей матерью в детстве, формирующие надежный тип привязанности. Неблагоприятный собственный детский опыт будущей матери, как показали наши данные, отражается в несформированных должным образом выделенных в теории эпигенетического развития Э. Эриксона новообразованиях кризисных этапов развития (автономия, инициатива, базовое доверие, эго-идентичность). Сложности и проблемы психического развития в детстве являются основой для формирования неадекватного стиля переживания беременности.

Ключевые слова: перинатальная психология, стиль переживания беременности, материнство, привязанность, семья

Для цитирования: Преображенская С.В. Особенности переживания беременности при норме и патологии вынашивания // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 106–121. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-106-121

Peculiarities of experiencing pregnancy with normal and abnormal pathology gestation

Svetlana V. Preobrazhenskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, s.v.preobr@yandex.ru*

Abstract. The article presents results of a comparison study of characteristics of the experience of pregnancy in conditionally healthy women and women who have medical problems during the period of gestation. A relationship between different types of psychological component of the gestational dominant (PKHD) in women with the norm and pathology of pregnancy is considered. An analysis of the dominant style of experiencing pregnancy in both groups is presented and the prerequisites for its formation are outlined. The harmonious relationship of the future mother with her own mother in childhood, that forms a persistent type of attachment, is a basis for the formation of an adequate attitude to the pregnancy and motherhood. An unfavorable child's own experience of the future mother, as our materials showed, is reflected in sub-matured new formations of the development crisis stages, which were allocated by E. Erikson in his epigenetic developmental theory (autonomy, initiative, basic trust, ego-identity). The difficulties and problems of mental development in the childhood provide a basis for the formation of an inadequate style of experiencing pregnancy.

Keywords: perinatal psychology, the style of experiencing pregnancy, motherhood, attachment, family

For citation: Preobrazhenskaya SV. Peculiarities of experiencing pregnancy with normal and abnormal pathology gestation. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;2 (12):106-21. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-106-121

Введение

Масштабные социальные изменения в современном обществе, трансформация его социальной и возрастной структуры, особая острота демографических проблем обуславливают интерес к феномену материнства и к исследованию его проблем со стороны целого ряда наук, как гуманитарных, так и естественных.

Содержание материнской сферы в течение беременности претерпевает существенное изменение, которое отражается в переживании женщиной симптоматики беременности, в ее внешней активности и психическом состоянии. Все эти факторы определяют индивидуальный стиль переживания беременности.

Исследование психологических факторов, влияющих на формирование стиля переживания беременности, является актуальным в связи с большим распространением неадекватных стилей переживания беременности, ведущих к девиантному материнству.

Выявление групп риска среди беременных женщин и оказание им психологической помощи является важным психопрофилактическим мероприятием. Эффективным способом выявления этих женщин является определение типа ПКГД, который позволяет увидеть, как складываются отношения в семье в связи с беременностью [1]. По показателю ПКГД условно можно разделить беременных женщин на три группы.

- *Практически здоровые*. Беременные находятся в состоянии психологического комфорта и имеют оптимальный тип ПКГД.
- *«Группа риска»*. У женщин этой группы отмечается повышенная вероятность развития нервно-психических нарушений, соматических заболеваний или обострения хронических расстройств [2]. Сюда относятся женщины с эйфорическим, гипогестогнозическим и тревожным типом ПКГД.
- *Требующие лечения*. Клинические проявления у этой группы женщин значительно больше выражены по сравнению с женщинами из «группы риска», нередко беременные этой группы обнаруживают нервно-психические расстройства различной степени тяжести и нуждаются в индивидуальном наблюдении и лечении у психотерапевта [2]. Сюда относятся женщины с депрессивным типом ПКГД и очень высокими показателями по гипогестогнозическому и тревожному типам ПКГД.

И.В. Добряков [2] выделяет пять типов психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД):

- *оптимальный* тип характеризуется адекватным отношением беременной женщины к происходящим изменениям и высокой степенью ответственности;
- *гипогестогнозический* тип характеризуется недооцениванием женщиной важности происходящих изменений;
- *эйфорический* тип характеризуется повышенным фоном настроения, уверенностью в своих силах и непониманием своей роли, безопасностью;

- *тревожный* тип характеризуется наличием высокой степени тревоги, которая определяет все поведение женщины и негативно влияет на плод;
- *депрессивный* тип характеризуется максимально выраженной тревогой, невротическими состояниями.

В исследовании приняли участие 40 беременных женщин (в конце второго, на третьем триместрах беременности) в возрасте от 22 до 37 лет (средний возраст – 29 лет), состоящих в браке. 20 женщин выборки переживают беременность без патологии. 20 женщин с патологией вынашивания, к которой относятся:

- неудовлетворительный гормональный статус;
- инсулинозависимый сахарный диабет;
- вынашивание плода с аномалиями в развитии/расположения плаценты и плацентарного кровотока;
- «замерзшая» беременность;
- угроза прерывания беременности с госпитализацией или постельным режимом;
- маловодие/многоводие;
- тазовое и поперечное предлежание в родах.

Женщины исследуемой группы имели патологию вынашивания беременности, под которой мы понимали медицинское подтверждение хотя бы одного из описанных выше состояний во время беременности. Контрольную группу составляли женщины с нормой вынашивания беременности.

В исследуемую группу вошли 20 женщин (50%), средний возраст которых – 30 лет. В контрольную группу вошли 20 женщин (50%), средний возраст которых – 28 лет. Таким образом, по возрасту и количеству респондентов группы были примерно уравнены.

Методики исследования

Для проведения исследования использовался комплекс авторских методик, в который входили анкеты-опросники: опросник «Тип отношений беременной» И.В. Добрякова; опросник «Образ собственного тела (ООСТ)» О.А. Скугаревского; опросник по привязанности («The Experiences in Close Relationships-Revised (ECR-R) – Questionnaire», Fraley, Waller, Brennan (перевод на русский язык и модификация Н.В. Матушевской, Г.Г. Филипповой); опросник «Раненое дитя» Д. Брэдшоу; опросник социодемографических данных и течения беременности и родов. В дополнение к анкетным методикам применялась проективная рисуночная методика «Я и мой ребенок» Г.Г. Филипповой.

Результаты

На первом этапе исследования нами были получены следующие данные типов отношений беременных женщин (табл. 1): в группе нормы вынашивания беременности отмечается преобладание оптимального типа отношений; в группе патологии вынашивания беременности – преобладание смешанного эйфорического типа отношений. По отдельным блокам типов отношений в группе патологии вынашивания беременности также можно констатировать увеличение тревожных типов почти в 4 раза от показателей группы нормы вынашивания, и в два раза – увеличение гипогестогнозических типов. Появление тревожности во время беременности абсолютно нормально, так как одновременно с чувством радости появляется борьба двух тенденций – инфантильности и взросления. В результате женщины, как правило, становятся более ответственными. Если беременная быстро справляется с негативными эмоциями, тревога может способствовать лучшей адаптации к состоянию, и ее ребенок будет эмоционально устойчив и сможет хорошо контролировать себя. Дальнейшее повышение уровня тревоги приводит к негативным последствиям: нарушается сон, аппетит, нарастает неуверенность в себе, происходят личностные изменения. Тревога перестает играть адаптивную роль, приводит к ухудшению течения беременности и может быть причиной осложнений в родах [3].

Все ответы «депрессивного» характера отмечаются в сегменте отношения к грудному вскармливанию. Эти данные можно объяснить наличием в группе патологии медицинских показаний к ограничению или невозможности грудного вскармливания впоследствии. Тем не менее, по теории Ф. Дольто, женщина должна адекватно оценивать свои физиологические ограничения к грудному вскармливанию и транслировать свое принятие и отношение этого факта своему ребенку. Отсутствие грудного вскармливания по объективным причинам само по себе не может служить причиной дисгармоничного стиля воспитания [4]. Женщины с реакциями депрессивного типа отношений беременной относятся к группе риска формирования девиантного материнства и должны получать психологическую помощь с целью профилактики этих состояний.

Таблица 1

Показатели ПКГД при норме и патологии вынашивания,
в процентах от общего количества выборки по группам

Типы ПКГД		Показатели ПКГД	
		Норма вынашивания	Патология вынашивания
Отношение женщины к себе беременной	Оптимальный	75	65
	Гипогестогнозический	3	3
	Эйфорический	15	18
	Тревожный	3	13
	Депрессивный	0	0
Отношение женщины к формирующейся системе «мать–дитя»	Оптимальный	70	57
	Гипогестогнозический	0	0
	Эйфорический	18	27
	Тревожный	2	10
	Депрессивный	2	5
Отношение беременной к отношению окружающих	Оптимальный	62	48
	Гипогестогнозический	7	20
	Эйфорический	28	27
	Тревожный	2	5
	Депрессивный	0	0

Следующим шагом исследования стал анализ типа отношения к ребенку в проективном рисуночном тесте «Я и мой ребенок». Результаты этого теста позволяют делать выводы об общем стиле переживания беременности. Благоприятная ситуация материнства, относящаяся к адекватному стилю переживания беременности, свойственна для женщин обеих групп, но чаще встречается в группе нормы вынашивания (25% и 15% соответственно) (рис. 2, 3). Второй тип отношения к ребенку (незначительные симптомы неуверенности, тревоги), характерный для склонности к тревожному и амбивалентному стилю переживания беременности, встречается также в обеих группах, но в подавляющем большинстве свойственен для нормы вынашивания (25% и 5% соответственно).

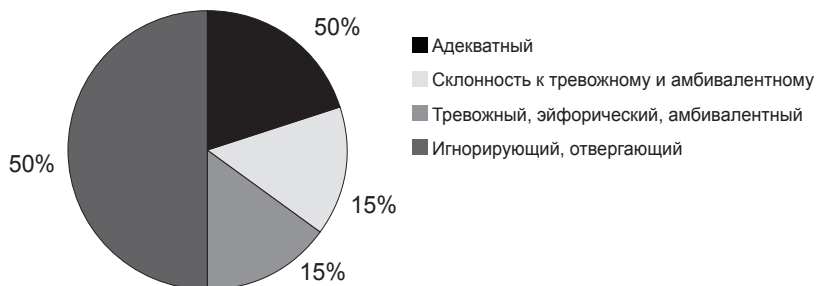

Рис. 1. Стиль переживания беременности по всей выборке испытуемых

С третьим типом отношения к ребенку, характерным для тревожного, амбивалентного и эйфорического стилей переживания беременности, ситуация обстоит ровно наоборот – 5% в группе нормы и 25% в группе патологии вынашивания (рис. 2, 3).

В целом по результатам методики нужно отметить, что в группе нормы вынашивания адекватный стиль и небольшое отклонение от него встречается в 50% случаев и в 50% случаев встречаются непродуктивные стили переживания беременности. В группе патологии вынашивания адекватный стиль и небольшие отклонения от него встречаются только в 20% случаев, а остальные 80% распределены между непродуктивными стилями переживания беременности (тревожный, эйфорический, амбивалентный, отвергающий, игнорирующий).

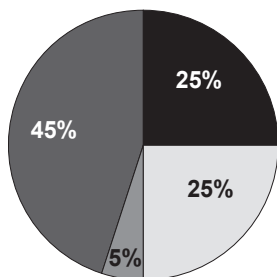

Рис. 2. Стили переживания беременности при норме вынашивания

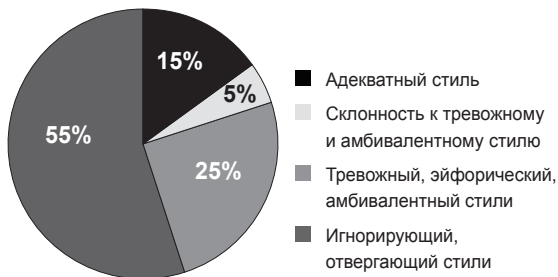

Рис. 3. Стили переживания беременности при патологии вынашивания

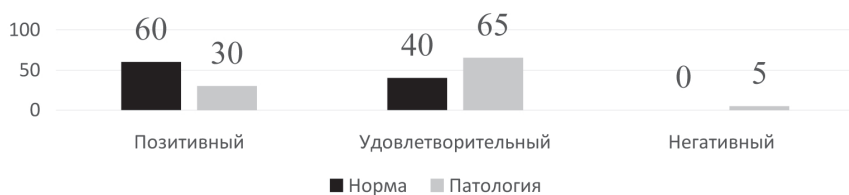

Рис. 4. Тип удовлетворенности своим телом у женщин с нормой и патологией вынашивания

Подавляющий объем выборки по обеим группам испытуемых показывает преобладание игнорирующего, отвергающего стиля переживания беременности. Такой стиль приводит к эмоциональному отвержению плода, неразвитости родительских чувств у женщины, к последующему воспитанию по типу гиперпротекции.

При анализе результатов по тесту ООСТ (рис. 4), показывающему тип отношения женщины к своему телу, предыдущие выводы подтверждаются. В целом позитивное отношение к собственному телу больше свойственно женщинам с нормой вынашивания беременности. Удовлетворительное отношение к собственному телу больше свойственно женщинам с патологией вынашивания беременности. Негативное отношение к собственному телу встречается единожды у женщины с патологией вынашивания и может быть связано с ее личностными особенностями, не относящимися к ситуации беременности, но, безусловно, влияющими на течение беременности в этом конкретном случае. Таким образом, мы не можем утверждать о наличии негативного отношения к собственному телу только в группе патологии вынашивания. Несмотря на это, общая тенденция различия между группами нормы и патологии остается.

Анализ типов привязанности к собственной матери у беременной женщины показал отсутствие различий между группами нормы и патологии вынашивания (рис. 5). Интересно, что надежным типом привязанности к собственной матери не обладает ни одна из опрошенных женщин из обеих групп. По обеим группам доминирующим является дистанцированный тип привязанности, который может приводить к формированию ненадежной привязанности к своему ребенку.

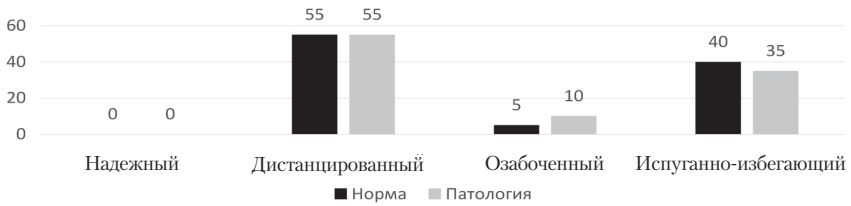

Рис. 5. Типы привязанности в группах нормы и патологии вынашивания

На следующем этапе нами был проведен анализ результатов (рис. 6) теста «Раненое дитя» Д. Брэдшоу. Процент женщин, успешно прошедших возрастные кризисы, значительно выше в группе нормы вынашивания. Параметры по остальным шкалам примерно одинаковы и отмечаются крайне низкой встречаемостью. Исходя из этих данных можно говорить, что отягчающим фактором является само наличие несформированных личностных новообразований, а не возраст, в котором оно должно формироваться. Другими словами, неважно, какое новообразование не сформировано в структуре личности женщины, а важна его степень (или тяжесть) несформированности. В группе патологии вынашивания женщины с наличием большого количества и/или тяжести несформированности новообразований личности встречаются значительно чаще, чем в группе нормы вынашивания.

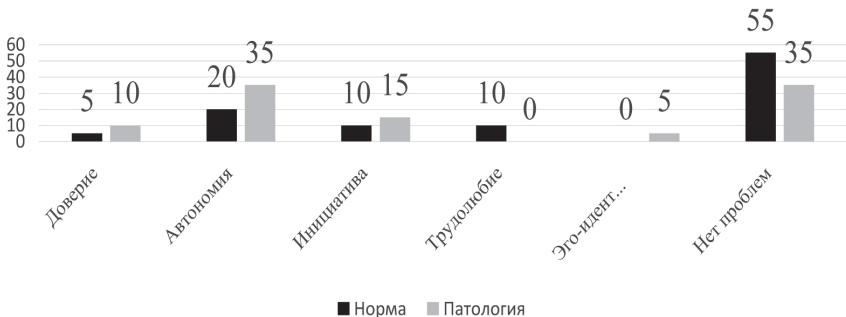

Рис. 6. Новообразования личности при норме и патологии вынашивания

Таким образом, в результате качественного анализа особенностей переживания беременности в группах нормы и патологии вынашивания, можно говорить о том, что в обеих группах встречаются только дезадаптивные типы привязанности к собственной матери. Для женщин с нормальным течением беременности более характерны такие особенности переживания беременности, как:

- преобладание оптимального типа ПКГД, соответствующего адекватному стилю переживания беременности;
- наличие благоприятной ситуации отношения к ребенку, соответствующей адекватному стилю переживания беременности;
- преобладание позитивного отношения к собственному телу;
- отсутствие нерешенных задач в кризисные периоды взросления.

Для женщин с патологией беременности более характерны такие особенности переживания беременности, как:

- преобладание смешанных типов ПКГД, большое количество эйфорических типов отношений, соответствующих неадекватным стилям переживания беременности;
- наличие большого количества непродуктивной тревоги, конфликтная ситуация отношения к ребенку, соответствующие неадекватным стилям переживания беременности;
- преобладание удовлетворительного отношения к собственному телу;
- наличие нерешенных задач в кризисные периоды взросления.

Следует отметить, что такие факторы, как поддержка мужа и близких во время беременности, уважительное отношение со стороны посторонних выступают факторами уменьшения тревожности в группе женщин с патологией вынашивания; и, наоборот, отсутствие таковых – увеличивает тревожность.

Отсюда мы делаем вывод, что для женщин с нормой вынашивания беременности характерна благоприятная ситуация материнства, женщины с патологией вынашивания беременности чаще оказываются в ситуации конфликта с материнством.

Во второй части исследования мы сопоставили полученные результаты по разным методикам и получили следующие результаты в группах нормы и патологии вынашивания беременности.

Оптимальный тип ПКГД, подразумевающий по своим составляющим наличие адекватного стиля переживания беременности, зависит от понимания женщиной своего нового состояния и правильной организации своего образа жизни, который корректируется исходя из потребностей данного периода, и адекватного отношения к родам. В свою очередь, способность оптимально организовать свой образ жизни во время беременности зависит от гармоничных отношений с мужем, формирования положительного образа

будущего ребенка, здорового отношения к грудному вскармливанию и к предстоящим родам. Отношение к родам складывается из вышеперечисленных компонентов и предусматривает благоприятную ситуацию отношения к ребенку во время беременности. Чем более проблемное отношение к предстоящим родам, тем выше показатели тревоги и неуверенности, вплоть до конфликта с ситуацией материнства. Формирование образа будущего ребенка во время беременности как оптимальное напрямую влияет на разумную корректировку образа жизни беременной согласно новым потребностям и формирует адекватное отношение к родам. Здоровое отношение к грудному вскармливанию формирует выбор оптимального образа жизни в период беременности, адекватное отношение к родам и способствует позитивному восприятию себя как матери. Депрессивное и эйфорическое отношение к грудному вскармливанию приводит к конфликту с материнской сферой. Адекватное отношение к себе как к матери положительно влияет на образ жизни во время беременности, отношение к родам и грудному вскармливанию; формирует благоприятную ситуацию отношения к ребенку во время беременности и хорошие отношения с родными. Неадекватный образ себя как матери отражается в увеличении тревоги и неуверенности в себе, которая приводит к формированию тревожного, амбивалентного или эйфорического стиля переживания беременности. Гармоничные отношения с мужем способствуют организации правильного образа жизни при беременности, в то время как сложные отношения с супругом дают высокие баллы по шкале избегания, являющиеся показателем ненадежной привязанности у беременной женщины. Гармоничные отношения с близкими предполагают благоприятную ситуацию отношения к ребенку, отношения к себе как к матери, адекватное восприятие других людей. Проблемы в отношениях с близкими людьми приводят к формированию ненадежного типа привязанности, завышенной тревоге и конфликту в материнской сфере.

Положительное восприятие собственного тела беременной женщиной связано с благополучным протеканием периода собственного детства, главным образом в возрастных периодах до 9 месяцев и с 18 месяцев до 3 лет. Отклонения в восприятии собственного тела связаны с наличием нерешенных задач кризисных возрастов в период от рождения до 26 лет.

Ненадежный тип привязанности формируется на базе повышенного уровня тревоги и наличия проблем в отношениях с близкими людьми, в круг которых входит и мать беременной, от отношений с которой и формируется тип базовой привязанности. Ненадежный тип привязанности этой категории – озабоченный.

Дистанцированный тип привязанности формируется при наличии высоких баллов по шкале избегания, наличии нерешенных возрастных задач периода от 13 до 26 лет и приводит к осложнениям в отношениях с мужем.

Ненадежный тип привязанности отрицательно связан с отношением к мужу. Другими словами, при наличии ненадежного типа привязанности отношения с мужем формируются по типу зависимых, характеризуются «цеплянием» за партнера, манипулированием, конфликтностью и невключенностью женщины в отношения.

Благоприятная ситуация отношения к ребенку и адекватный стиль переживания беременности находится в отрицательной связи с уровнем тревожности, т. е. чем более благоприятная ситуация, тем ниже уровень тревожности.

Благоприятная ситуация отношения к ребенку и адекватный стиль переживания беременности отрицательно связан с наличием нерешенных задач возраста до 9 месяцев. Чем более благоприятен собственный опыт в возрасте от рождения до 9 месяцев, тем более благоприятная ситуация материнства складывается у женщины.

Таким образом, взаимоотношения беременной матери с собственной матерью в детстве, формирующие базовый тип привязанности, напрямую влияют на особенности переживания беременности. Ненадежный тип привязанности влияет на наличие высокой тревоги в период беременности; приводит к сложностям в отношениях с мужем и близкими людьми, которые вызывают образование дополнительных тревог в период беременности и создают ситуацию риска развития неоптимального типа отношения к беременности, к образу ребенка, влекущие за собой развитие девиантного материнства. Благоприятная ситуация развития беременной женщины в период собственного детства и взросления напрямую связана с особенностями переживания беременности у женщин в период вынашивания. Наличие высокой тревожности и/или избегания формируются в период детства и зависят от отношений с собственной матерью, в сочетании с общим неблагоприятным фоном в семье формируют базовый ненадежный тип привязанности. Сформированный тип привязанности, закрепленный неблагоприятными отношениями с мужем, впоследствии приводит к неадекватным стилям переживания беременности.

Связь особенностей переживания беременности у женщин в период вынашивания с принятием собственного тела подтверждена в ходе исследования не нашла. Принятие собственного тела связано с наличием благоприятной ситуации детства женщины, но само не влияет на способы переживания беременности.

Тип базовой привязанности к собственной матери у женщин влияет на особенности переживания беременности. У всех женщин выборки тип привязанности относится к категории ненадежного и, возможно, влияет на формирование дефицитарности материнской сферы. Конфликт с материнской сферой констатирован у большинства опрошенных женщин, но не у всех. Это позволяет сделать вывод о том, что при наличии благоприятной жизненной ситуации определенная корректировка ненадежного базового типа привязанности возможна.

Благоприятная ситуация развития в период собственного детства способствует развитию оптимального типа отношений беременной и формированию адекватного стиля переживания беременности.

Дополнительно в нашем исследовании были выявлены факторы, влияющие на уменьшение тревожности в группе женщин с патологией вынашивания, а именно: поддержка мужа и близких во время беременности, уважительное отношение со стороны окружающих.

Заключение

На сегодняшний день перинатальная психология является развивающейся научной областью, в рамках которой изучают период беременности и ранний онтогенез развития человека. Теоретическая база перинатальной психологии рассматривается в четырех подходах [2]:

- *эkleктически-дилетантском*, в рамках которого рассматривается дородовая подготовка с целью снижения тревоги и повышению чувства радости. Занимаются ею непрофессионалы, наличие специальных знаний у которых ограничено или вовсе отсутствует. Часто приводит к формированию эйфорического типа отношений и осложнениям перинатального периода;
- *медико-редукционистском*, в рамках которого происходит медицинское сопровождение беременности. Представлена врачами-акушерами, уделяющими большее внимание медицинским аспектам вынашивания. Может приводить к игнорированию психологической составляющей перинатального периода, что зависит от мировоззрения врача;
- *психолого-редукционистском*, в рамках которого беременность и роды рассматриваются как естественный процесс. Представлен психологами, отрицающими медицинскую составляющую перинатального периода. Опасен развитием осложнений, свое-

временным неоказанием медицинской помощи, развитием мистического мышления;

- *интегративном биопсихосоциальном*, в рамках которого разрабатываются единые теоретические модели, основанные на соединении биологических, психологических, социальных теорий. Представлен перинатальными психологами. Требуется тщательной разработки, основанной на результатах исследований.

В рамках биопсихосоциального подхода на данный момент разработаны несколько классификаций переживания беременности. Г.Г. Филиппова в своей модели выделяет стили переживания беременности, акцентом которых является отношение к шевелению плода [1]. И.В. Добряков определил психологические компоненты гестационной доминанты (ПКГД) и их влияние на типы семейного воспитания [2]. Изучением особенностей, влияющих на переживание беременности, сейчас занимаются исследователи – перинатальные психологи. Большое количество исследований направлено на изучение эмоциональной сферы беременной женщины, а также Я-функций женщины и их влияние на беременность [5].

Проведенное эмпирическое исследование позволило нам сделать следующие выводы. Оптимальный тип отношений беременной характерен для большинства беременных женщин и не зависит от медицинской характеристики течения беременности.

Конфликт с ситуацией материнства демонстрируют подавляющее большинство женщин выборки. Свой вклад в формирование подобной ситуации вносят такие факторы, как наличие ненадежного базового типа привязанности; напряженные отношения с супругом и близкими.

Отношение к собственному телу формируется в детстве и корректируется в подростковом возрасте. Однако неблагоприятные факторы, влияющие на становление образа тела в период детства, предполагают более негативное отношение к нему впоследствии.

Все женщины выборки обладают ненадежными типами базовой привязанности к собственной матери. С одной стороны, при сопоставлении с результатами всех методик напрашивается вывод, что базовая привязанность не является решающей и, при наличии благоприятных условий, позволяет построить доверительные отношения с супругом и влияет на формирование адекватного стиля переживания беременности. С другой стороны, такие данные могут быть обусловлены рядом причин: в методике определения типа привязанности женщины отвечают на вопросы о характере взаимодействия с собственной матерью будучи взрослыми и, главное, в момент, когда формируется

их материнская сфера и они готовятся стать мамами. Следовательно, нельзя исключать возможность искажения данных как под влиянием прошедшего времени, так и с точки зрения субъективной оценки женщиной правильного поведения «идеальной матери».

Детство женщины имеет огромное значение для формирования ее материнской сферы и закладывает базовые установки, которые влияют на базовый тип переживания беременности.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что на основе полученных данных показана проблема распространенности дефицитарности материнской сферы женщин, готовящихся стать матерями, и обозначена проблема неадекватных типов воспитания в таких семьях в дальнейшем. Исходя из полученных результатов возможно создание коррекционных и реабилитационных программ психологической помощи женщинам в период подготовки к зачатию и в течении беременности, ориентированных на формирование готовности к материнству (в частности, отношений со своей матерью в контексте собственного материнства и принятия себя и своего тела).

Литература

---

1. *Филиппова Г.Г.* Психология материнства: Учебное пособие. М.: Издательство Института психотерапии, 2002. С. 173.
2. *Добряков И.В.* Перинатальная психология. СПб.: Питер, 2010. 150 с.
3. *Сидоров П.И., Чумакова Г.Н., Щукина Е.Г.* Перинатальная психология. СПб.: СпецЛит, 2015. 143 с.
4. *Барановская Ю.В.* Длительность грудного вскармливания: обзор теорий раннего развития // Перинатальная психология и психология репродуктивной сферы. 2011. № 3. С. 3–5.
5. *Денисова В.А.* Влияние личностных особенностей женщин на стиль переживания беременности // Молодой ученый. 2011. № 12. Т. 2. С. 54–58.

References

---

1. *Filippova GG.* Psychology of the motherhood. Uchebnoye posobiye. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Psikhoterapii Publ.; 2002. 173 p. (In Russ.)
2. *Dobryakov IV.* Perinatal Psychology. Saint Petersburg: Piter Publ.; 2010. 150 p. (In Russ.)
3. *Sidorov PI., Chumakova GN., Shchukina EG.* Perinatal Psychology. Saint Petersburg: SpetsLit Publ.; 2015. 143 p. (In Russ.)

4. Baranovskaya YuV. Duration of breastfeeding. A review of theories of early childhood development. *Perinataĭnaya psikhologiya i psikhologiya reproduktivnoy sfery*. 2011;3:3-5. (In Russ.)
5. Denisova VA. The influence of women personal characteristics upon the style of experiencing pregnancy // *Molodoy uchoniĭ*. 2011;12(2):54-58. (In Russ.)

Информация об авторе

Светлана В. Преображенская, выпускница, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; s.v.preobr@yandex.ru

Information about the author

Svetlana V. Preobrazhenskaya, graduate, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; s.v.preobr@yandex.ru

УДК 159.922.8

DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-122-136

Взаимосвязь компонентов структуры этнической идентичности подростков

Гюльтакин М. Мурсалыева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, hazar97@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования структуры этнической идентичности подростков, сделан обзор научно-психологической литературы. Основные выводы, сделанные по результатам эмпирического исследования: общий уровень этнического уровня исмаиллинских подростков выше, чем у московских сверстников; уровень когнитивного и аффективного компонента у исмаиллинских подростков также преобладает над уровнем московских подростков; аффективный компонент этнической идентичности у московских и исмаиллинских подростков выше, чем когнитивный компонент.

Ключевые слова: этническая идентичность, аффективный компонент, когнитивный компонент, подросток, окружающая среда

Для цитирования: Мурсалыева Г.М. Взаимосвязь компонентов структуры этнической идентичности подростков // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 122–136. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-122-136

The relationship of the components in the structure of ethnic identity among adolescents

Gul'takin M. Mursalyeva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, xazar97@mail.ru*

Abstract. Results of an empirical research on structure of ethnic identity among teenagers are presented in the article, a review of scientific psychological literature is made. By results of the research following conclusions are drawn: the structure of ethnic identity includes the general level, a cognitive and affective component of ethnic identity; the general level of ethnic level of Ismaylli teenagers is higher, than that of the Moscow peers; level of a cognitive and affective component at Ismaylli teenagers also prevails over the Moscow youngsters; the affective component of ethnic identity at the Moscow and Ismaylli teenagers is higher, than a cognitive component.

Keywords: ethnic identity, affective component, cognitive component, teenager, environment

For citation: Mursaliyeva GM. The relationship of the components in the structure of ethnic identity among adolescents. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;2(12):122-36. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-122-136

Введение

Актуальность нашего исследования продиктована основной характеристикой современного общества, которая выражается в его транзитивности. Транзитивное общество, в котором доминирует межкультурное общение среди всех возрастных групп населения, диктует свои правила социализации [1]. Население мегаполисов постоянно находится в потоке движения миграционных пластов, меняется этнический состав, внешний облик крупных городов. Процесс вторичной социализации, которую проходят все мигранты в новых условиях, происходит в нескольких параллелях одновременно: мигранты ищут свое место в новом обществе, идентифицируют общечеловеческие признаки и одновременно

дифференцируют свою культуру, свой менталитет от существующего, традиционно сложившегося в новой среде обитания. Этот период также отягощен поиском стабильности, необходимой для психического выживания во время масштабных изменений. Таким феноменом, олицетворяющим стабильность, является этническая принадлежность. Этническая принадлежность индивида не зависит от его социального и материального статуса, общеизвестным фактом является то, что человека без его воли невозможно исключить из этноса, этот факт является одним из самых притягательных для индивида, пережившего эмиграцию и в связи с этим потерявшего прежние ценностные ориентиры. Таким образом, мы видим, что этническая идентичность является одним из значимых составляющих компонентов социальной идентичности. Е.П. Белинская принимает этническую идентичность как составляющую часть социальной идентичности, без которой образ «Я» каждого индивида остался бы незавершенным [2]. Формирование этнической идентичности происходит без отрыва от среды, на роль ближайшего окружения в формировании и социализации указывал Л.С. Выготский [3]. Ученый выделял личность как социальное понятие, в котором представлено историческое в человеке. Согласно мнению автора, человек как личность не рожден, а сформирован под воздействием социальных факторов. Мы опирались на взгляды Л.С. Выготского при изучении этнической идентичности подростков в межкультурной среде, во время исследования выделяли общие и различные закономерности в процессе этнической идентичности, анализировали структуру этнической идентичности современных подростков в зависимости от окружающего их социума.

На сегодняшний день, несмотря на большой запас исследований, сохраняется дефицит знаний о различиях и общих тенденциях в процессе формирования этнической идентичности подростков из разных культурных сред. Фундаментальные исследования, проведенные в научных кругах нашими предшественниками, были направлены на изучение этнической идентичности подростков в мегаполисах, принадлежавших к разным этническим группам, адаптацию в условиях мегаполиса, в зависимости от этнического происхождения исследовалось влияние типов семейного воспитания на формирование этнической идентичности. Новизна нашего исследования заключается в межкультурном изучении подростков из разных сред, в сравнении уровня этнической идентичности респондентов и в сравнении уровня составляющих компонентов этнической идентичности.

Цель исследования – изучить структуру этнической идентичности подростков в современном межкультурном пространстве.

Объект исследования – этническая идентичность подростков. Предмет исследования – структура этнической идентичности подростков в современном межкультурном пространстве.

Задача исследования – разработка программы формирования у подростков этнически толерантных убеждений в процессе их воспитания с целью конструктивного межкультурного диалога подростков из разных этнических культур.

Теоретической базой нашего исследования этнической идентичности стала теория социальной идентичности, которая выделяет личностную (самокатегоризация, интеллект, нравственность, физические возможности) и групповую (этнический, социальный и профессиональный состав) идентичности. В процессе формирования этнической идентичности вначале индивид переживает социальную категоризацию, затем осознанно идентифицирует себя с группой [4].

Анализ научно-психологической литературы дает нам основание для выделения возрастных классификаций этнической идентичности. Относительно возрастной периодизации существует несколько классификаций. Возрастная классификация, выдвинутая Ж. Пиаже, разделял процесс этнической идентичности на следующие этапы:

- 1) поверхностные знания о своей этнической принадлежности (6–7 лет);
- 2) осознанная идентификация себя со своим этносом, знание этнической принадлежности своих родителей, выделение этнодифференцирующих признаков: язык, Родина (8–9 лет);
- 3) этничность как сформированное знание об особенностях своей культуры и владение сведениями об историческом процессе формирования собственного этноса (10–11 лет) [5].

Взгляды Ж. Пиаже на окончательное формирование этнической идентичности в 10–11 лет в дальнейшем были отвергнуты рядом ученых. С. Холл, Дж. Финни в своих исследованиях опровергли процесс завершенности этнической идентичности. Ученые доказали гипотезу непрерывности процесса этнической идентичности в течение всей жизни [6].

Структура модели этнической идентичности Дж. Финни имеет общие признаки с процессом развития личностной идентичности, так как происходит под влиянием знаний, сложившихся в процессе изучения реальности. Автор выделяет в этнической идентичности этническое осознание, этническую самоидентификацию, этнические установки, этническое поведение. В то же время Дж. Финни впервые отметила, что из всех возрастов именно подростковый период является менее всего изученным,

ею была предложена модель стадийного формирования этнической идентичности:

- 1) первая стадия названа *непроверенной идентичностью*, которой свойственно безразличие к изучению собственной идентичности. К этой стадии ученый относит младших подростков. Первая стадия в свою очередь делится на два подвида:
  - а) диффузная (этническая принадлежность неинтересна априори);
  - б) предварительная (индивид из опыта родителей или же других референтных взрослых принял и освоил позитивные этнические аттитуды собственного народа, для него в этом случае этническая идентичность титульного народа непривлекательна);
- 2) вторая стадия – *мораторий* – характеризуется поиском значения этничности в собственной жизни. Свой уникальный жизненный опыт, индивидуальный нарратив стимулирует этническое сознание. Согласно исследованиям Дж. Финни, для подростков стимуляцией этнического самосознания были акты дискриминации по этническому признаку. Ряд авторов подтверждают, что этническое самосознание в период этнических конфликтов приобретает доминирующий характер. Во время второй стадии происходит усиленный процесс освоения истоков культуры своего народа, этому способствуют изучение фольклора, посещение музеев, исторических памятников, изучение биографии значимых лиц в истории своего этноса. Рост этнического самосознания связан в основном с дискриминацией на межэтнической почве;
- 3) третья стадия – *реализованная этническая идентичность*, которой присуще четкое представление собственного этноса, общих и дифференцированных этнических маркеров, осознание константности этнической принадлежности.

Дж. Финни в своих исследованиях подчеркивает динамичность процесса этнической идентичности и считает, что после подросткового периода этническая идентичность подвергается изменениям, продолжается в других формах, обогащая жизнь индивида, находится в зависимости от собственного опыта жизни [6].

В исследованиях отечественного психолога И.А. Снежковой возрастные границы раздвинуты и в отличие от принятого Пиаже. Ученый считает, что возраст 10–11 лет не является окончательным в процессе формирования этнической идентичности. Согласно периодизации И.А. Снежковой 10–11 лет – начальный период формирования этнической идентичности. 11–15 лет – это возраст, когда подросток уже обладает обширными знаниями о своем

этническом происхождении. Подросток осознает культурные отличия ближайших соседей, и в силу сформировавшихся знаний сам в состоянии определить место, которое занимает в собственном этносе, и в соответствии с этим может сам выстроить отношения с представителями другого этноса. Этот период выделяют как основной в становлении этнической идентичности [7].

Структура этнической идентичности также является одной из главных характеристик в процессе всестороннего изучения данного феномена. Структура этнической идентичности включает в себя определенные компоненты. Г.У. Солдатова подчеркивает наличие сознательного и бессознательного уровней в структуре исследуемого феномена, М. Баррет, Т.Г. Стефаненко отмечают когнитивный и аффективный компонент [8, 9, 10]. Л.М. Дробижева выделяет в основе этнической идентичности такие компоненты, как осознание принадлежности к своему народу, приоритетность интереса собственного этноса, знание о культуре, языке, территории [11]. Мы, вслед за Т.Г. Стефаненко, включаем два компонента: когнитивный и аффективный. Аффективный компонент представляет собой эмоциональное отношение личности к своему этническому происхождению. Это субъективная оценка, данная каждой личностью своему народу [10].

Когнитивный компонент включает в себя знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя как ее члена на основе определенных характеристик. В составе когнитивного компонента выделяют этническую ориентацию, групповую концепцию, этническую осведомленность, этническое самосознание [10]. Когнитивный компонент этнической идентичности помогает подростку собрать воедино и структурировать всю добытую информацию, в том числе и об этнодифференцирующих признаках [8, 10].

Выборка

Исследования формирования этнической идентичности мы проводили среди подростков в возрасте 12–15 лет в московской (Россия) и исмаиллинской (Азербайджан) средней школе. Учащиеся в московских школах с раннего детства имеют навыки общения с детьми, принадлежащими к разным этническим группам. Окружающая среда учащихся из исмаиллинских школ этнически более однородна. Подростка из г. Исмаиллы с раннего детства окружают люди одной национальности и ментальности, чаще всего связанные родственными узами.

Для исследования мы выбрали 251 респондента (учащиеся 7–8 классов): 127 подростков из московской городской школы № 170 имени А. П. Чехова (Россия) и 124 подростка из исмаиллинской средней общеобразовательной школы № 1 имени И.А. Гасанова (Азербайджан). Мы сравнили общую идентичность и показатели ее структурных компонентов (когнитивного и аффективного).

Гипотеза

Анализ теоретических концепций этнической идентичности позволил нам сформулировать гипотезу исследования: аффективный компонент этнической идентичности является доминирующим вне зависимости от культурной среды, так как в процессе воспитания личности социум формирует положительную эмоциональную оценку этносу, в котором развивается личность.

Методы исследования

Для подтверждения гипотезы исследования и определения уровня общего показателя выраженности этнической идентичности, а также анализа соотношения между аффективным и когнитивным компонентами у подростков из разных культурных сред мы применили методику «Этническая идентичность» Дж. Финни, которая предназначена для диагностики выраженности этнической идентичности. Опросник состоит из 12 вопросов и включает в себя две субшкалы: выраженности когнитивного компонента этнической идентичности и выраженности аффективного компонента этнической идентичности.

Результаты

Эмпирическое исследование этнической идентичности подростков из разных культурных сред показало, что существуют различия и тождества в формировании общего уровня этнической идентичности и ее структурных компонентов.

Таблица 1

Результаты анализа общего уровня
этнической идентичности

Культурная среда	Общий уровень этнической идентичности	
	Размер	Среднее значение
Московская	(n=127)	1,8628
Исмаиллинская	(n=124)	2,1206

Статистические данные, представленные в результате эмпирического анализа общего уровня этнической идентичности, показали, что общий показатель уровня сформированности этнической идентичности у подростков из московской культурной среды (Россия) ($n = 127$) ниже, чем общий уровень этнической идентичности у подростков из исмаиллинской культурной среды ($n = 124$). Высокий уровень этнической идентичности исмаиллинских подростков мы объясняем тем, что одним из значимых факторов, влияющих на формирование этнической идентичности, является мифологизированность традиционной культурной среды. Подросток из г. Исмаиллы с раннего детства растет и развивается в окружении своих близких родственников, он живет на своей исторической родине, связан со своей традиционной семьей. При этом он с детства слышит историю своего рода и предков, знает о людях, которые оставили свой след в жизни общества, в котором он растет. Московские подростки живут в нуклеарной семье, вековые традиции в современном обществе абсолютно нивелированы. Камерное проживание присуще основной массе жителей мегаполиса, связи между близкими родственниками сведены к минимуму. Перечисленные факторы влияют на формирование индифферентного отношения к своему этническому происхождению, и как следствие – подросток из московской среды демонстрирует более низкий уровень общего показателя этнической идентичности.

Во избежание случайности результатов эмпирического исследования, мы подвергли полученные данные математическому анализу при помощи t -критерия Стьюдента, где t – величина статистики Стьюдента, dif – число степеней свободы, p -значение – вероятность отсутствия различий по данному признаку.

Таблица 2

Результаты математического анализа
при помощи критерия Стьюдента

	t	dif	p-значение
Общий показатель этнической идентичности	-3,310	249	,001

Переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$), выделены в таблице курсивом.

Результаты математического анализа при помощи критерия Стьюдента подтвердили закономерность данных, полученных при эмпирических исследованиях.

Далее мы представим результаты эмпирического анализа когнитивного компонента этнической идентичности, который формируется в процессе интеллектуальной деятельности и направлен на поиск информации о своем этническом происхождении.

Таблица 3

Результаты эмпирического исследования
когнитивного компонента

Культурная среда	Когнитивный компонент этнической идентичности	
	Размер	Среднее значение
Московская	(n=127)	,642
Исмаиллинская	(n=124)	,813

Исходя из результатов эмпирического исследования, можно сделать вывод о том, что когнитивный компонент у подростков из исмаиллинской (n=124) культурной среды выше, чем когнитивный компонент у подростков из московской культурной среды (n=127). Данный феномен мы можем объяснить тем, что при формировании когнитивного компонента значимое место занимает элита этноса. В исмаиллинской культурной среде элита является представителем того же этноса, что и испытуемый, а в московской среде – элита общества также многонациональна. Еще одним стимулом, способствующим высокому уровню когнитивного компонента у подростков из исмаиллинской культурной среды, является то, что подросток с детства слышит информацию именно о своем народе.

Результаты эмпирического исследования когнитивного компонента этнической идентичности подростков из разных культурных сред были подвержены математическому анализу с помощью критерия Стьюдента для доказательства закономерности полученных данных.

Таблица 4

Результаты математического анализа
при помощи критерия Стьюдента

	t	dif	p-(значение).
Когнитивный компонент этнической идентичности	4,791	249	,000

Переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$), выделены в таблице курсивом.

Результаты математического анализа когнитивного компонента этнической идентичности подростков из разных культурных сред, представленные в данном исследовании, подтвердили закономерность вывода о том, что когнитивный компонент этнической идентичности подростков из исмаиллинской культурной среды ($n=124$) выше, чем когнитивный компонент этнической идентичности подростков из московской культурной среды ($n=127$).

В таблице 5 мы представляем результаты аффективного уровня этнической идентичности.

Таблица 5

Результаты аффективного компонента
этнической идентичности

Культурная среда	Аффективный компонент этнической идентичности	
	Размер	Среднее значение
Московская	($n=127$)	1,2271
Исмаиллинская	($n=124$)	1,3210

Исходя из проведенного исследования, мы видим, что уровень развития аффективного компонента этнической идентичности подростков из московской ($n=127$) культурной среды выше, чем уровень когнитивного компонента этнической идентичности подростков из московской (Россия) ($n=127$) культурной среды. Этот феномен мы можем объяснить исходя из самой сути аффективного компонента, так как нам известно, что это чувственное,

эмоциональное отношение личности к своему этническому происхождению, и мы знаем, что он обостряется во время межэтнического конфликта. На сегодняшний день пребывание Азербайджана в состоянии «тихой» войны со своим ближайшим соседом обостряет привязанность каждого подростка к своей родине, стимулирует эмоциональную поддержку этнической идентичности.

Результаты эмпирического анализа мы также подвергли математическому анализу при помощи критерия Стьюдента.

Таблица 6

Результаты математического анализа
аффективного компонента этнической идентичности

	t	dif	p-(значение)
Аффективный компонент этнической идентичности	-1,756	249	,080

Переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$), выделены в таблице курсивом.

Данные математического анализа при помощи критерия Стьюдента доказали полученные результаты эмпирического исследования.

Для подтверждения выдвинутой нами гипотезы о преимуществе аффективного компонента над когнитивным в структуре этнической идентичности подростков из межкультурной среды мы сравним эмпирические данные аффективного и когнитивного компонента этнической идентичности московских и исмаиллинских подростков.

Таблица 7

Результаты когнитивного и аффективного компонента
московских и исмаиллинских подростков

Культурная среда	Размер	Когнитивный компонент	Аффективный компонент
Московская	(n=127)	,642	1,2271
Исмаиллинская	(n=124)	,813	1,3210

Результаты, представленные в таблице 7, доказывают выдвинутую нами гипотезу о преимуществе аффективного компонента

в структуре этнической идентичности у подростков вне зависимости от среды проживания. Этим самым мы еще раз убеждаемся, что этническая идентичность больше, чем осознанное причисление себя к тому или другому этносу. Это эмоциональное восприятие себя, своей личности частью своего народа, с которым делишь общую историю, это незыблемая связь между поколениями.

Обсуждение

Переходя к обсуждению полученных результатов в контексте выдвинутой нами гипотезы, можем сказать, что гипотеза полностью подтвердилась. Уровень аффективного компонента этнической идентичности у подростков выше когнитивного уровня, так как личностные составляющие формируется под воздействием окружающей их среды. В исследованиях современных психологов мы часто встречаемся с анализом личностных особенностей подростков, которые влияют на академические успехи, интеллектуальную деятельность, социализацию [12, 13, 14]. В других исследованиях мы сталкиваемся с изучением студенческого возраста русской и азербайджанской молодежи [15]. Одни авторы выдвигают на первый план особенности семейного воспитания, другие этническую принадлежность. Новизна нашего исследования заключается в том, что мы исследовали подростков в их среде проживания, сравнили влияние двух культур на формирование структурных компонентов этнической идентичности.

В процессе изучения структуры этнической идентичности нами была разработана программа психолого-педагогического сопровождения процесса становления этнически толерантных убеждений в процессе воспитания подростков из разных культурных сред, которая имеет теоретическое обоснование. Программа включает в себя создание индивидуальной траектории личностного развития подростков, тренинги межкультурного общения, саморазвития и саморегуляции, мониторинг социально-духовного развития, рефлексивно-инновационную диагностику и методику рефлексивного практикума. Программа развития толерантных убеждений в течение двух лет эффективно применяется в образовательных учреждениях Москвы (Россия) и Исмаиллы (Азербайджан).

Предметом дальнейшего изучения, на наш взгляд, может стать проведение комплексных эмпирических исследований, раскрывающих закономерности становления этнически толерантных убеждений в процессе воспитания и обучения.

Литература

---

1. *Марцинковская Т.Д.* История, культура, развитие как образующие историко-генетической парадигмы // *Культурно-историческая психология*. 2015. Т. 11. № 4. С. 69–78.
2. *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этническая социализация подростка. М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. 208 с. (Серия «Библиотека школьного психолога»)
3. *Выготский Л.С.* Развитие личности и мировоззрения ребенка // *Психология личности / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыряя*. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 161–165.
4. *Tajfel H., Turner J.C.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // *Psychology of Intergroup Relations / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin*. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
5. *Пижае Ж.* Речь и мышление ребенка / Сост., новая ред.; пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова, Вл.А. Лукова. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 526 с. (Психология: классические труды)
6. *Phinney J.S.* Ethnic identity in Adolescents and Adults: Review of Research // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. P. 509.
7. *Снежкова И.А.* Этнические аспекты гендерного социального неравенства // *Социологические исследования*. 2003. № 1. С. 67–72.
8. Солдатова Г.У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия // *Век толерантности: Научно-публицистический вестник*. М., 2001.
9. Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков [Электронный ресурс] / М. Барретт, Т. Рязанова, М. Воловикова. М.: Ин-т психологии РАН, 2001. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN5927000223.html> (дата обращения: 12 марта 2018).
10. *Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // *Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования*. М., 1998. Т. 4. Вып. 6. С. 93.
11. *Дробищева Л.М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // *Россия реформирующаяся*. М.: Academia, 2002. С. 213–244.
12. *Мишина М.М., Мурсалыева Г.М.* Сравнительный анализ этнической идентичности подростков из разных культурных сред // *Акмеология*. 2016. № 4(60). С. 121–125.
13. *Malykh S.* The Role of Personality Traits and Intelligence in Academic Achievement of Russian High School Students // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2017. Vol. 237. P. 1304–1309.
14. *Чумичёва И.В.* Особенности процесса социализации подростков из разных этнических групп // *Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал)*. 2015. № 1.
15. *Корнилова Т.В., Зиренко М.С., Гусейнова Р.Д.* Личностные особенности российских и азербайджанских студентов: кросскультурная валидизация опросника «Темная дожина» // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки»*. 2017. № 2. С. 6–17.

References

---

1. Martsinkovskaya TD. History, culture and development as a basis of historical-genetic paradigm. *Cultural-Historical Psychology*. 2015;11(4):69-78. (In Russ.)
2. Belinskaya EP, Stefanenko TG. Ethnic socialization of a teenager. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut. Voronezh: Izdatel'stvo NPO "MODEK", 2000. 208 p. (Seriya "Biblioteka shkol'nogo psikhologa"). (In Russ.)
3. Vygotskii LS. Development of the personality and outlook child. *Psychology of personality*. UB. Gippenreiter, AA. Puzyrei (Eds). Moscow: MGU Publ.; 1982. p. 161-65. (In Russ.)
4. Tajfel H., Turner JC. The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of intergroup relations*. S. Worchel, WG. Austin (Eds.). Chicago: Nelson-Hall, 1986. p. 7-24.
5. Piaget J. Speech and thinking of the child. Comp., New ed.; trans. from fr., comments. ValA. Lukova, VLA. Lukova. Moscow: Pedagogika-Press, 1994. 526 p. (Psikhologiya: klassicheskie trudy) (In Russ.)
6. Phinney JS. Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. P. 509.
7. Snezhkova IA. Ethnic aspects of gender and social inequality. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2003;1:67-72. (In Russ.)
8. Soldatova GU. Tolerance and intolerance two sides of interethnic interaction. *Age of Tolerance*. Scientific and Journalistic Bulletin. Moscow; 2001. (In Russ.)
9. Development of national, ethnolinguistic and religious identity in children and teenagers (In Russ.) [Internet] / M. Barrett, T. Ryazanova, M. Volovikova. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ.; 2001. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN5927000223.html> (data obrashcheniya March 12, 2018) (In Russ.)
10. Stefanenko TG. Ethnic identity and some problems of her studying. *Ethnos. Identity. Education*. Writings on the Sociology of Education Moscow; 1998;IV(VI):93. (In Russ.)
11. Drobizheva LM. Russian and ethnic identity. Confrontation or compatibility. Russia being reformed. Moscow: Academia Publ.; 2002. P. 213-44. (In Russ.)
12. Mishina MM., Mursalyeva GM. The comparative analysis of ethnic identity among teenagers from different cultural environment. *Akmeologiya*. 2016;(4):121-25. (In Russ.)
13. *Malykh S.* The Role of Personality Traits and Intelligence in Academic Achievement of Russian High School Students // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2017;237:1304-09.
14. Chumicheva IV. Features of process of socialization of teenagers of different ethnic groups. *Bulletin of the Moscow State Regional University* (Electronic Journal). 2015;1. (In Russ.)
15. Kornilova TV., Zirenko MS., Guseinova RD. Personal features of the Russian and Azerbaijani students: a cross-country – a cultural validization of the questionnaire "Dark dozen". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2017;2:6-17. (In Russ.)

Информация об авторе

Гольтакин М. Мурсалыева, соискатель на степень кандидата психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; xazar97@mail.ru

Information about the author

Gul'takin M. Mursalyeva, applicant for the degree of candidate of psychological Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; xazar97@mail.ru

УДК 159.922.7

DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-137-152

Анализ функции воображения в социальной ситуации развития детей старшего дошкольного возраста

Диана И. Волохова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dianasataya@gmail.com*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования функции воображения в социальной ситуации развития детей старшего дошкольного возраста. Сделан обзор научно-психологической литературы, выделены значимые труды исследователей в области развития воображения дошкольника, аргументирована актуальность вопроса на сегодняшний день. Для исследования мы использовали метод эксперимента и разработали формирующую программу. Выводы данного исследования доказали гипотезу, согласно которой имеется взаимосвязь развития воображения с социально-коммуникативной сферой ребенка и культурой поведения ребенка старшего дошкольного возраста.

Ключевые слова: воображение, старший дошкольный возраст, социальная ситуация развития, социальная роль, культура поведения, социально-коммуникативная сфера ребенка

Для цитирования: Волохова Д.И. Анализ функции воображения в социальной ситуации развития детей старшего дошкольного возраста // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2(12). С. 137–152. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-137-152

Analysis of the imagination function in the social situation of the development of senior preschool age children

Diana I. Volokhova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dianasamaya@gmail.com*

Abstract. The article presents the results of the research of the imagination function in the social situation of the development of the senior preschool age children. A review of scientific psychological literature is made, significant works of researchers in the preschooler imagination development are highlighted, an urgency of the issue for today is argued. For the study an experiment method was used and a formulating program was developed. The conclusions of that study proved the hypothesis that there is a relationship between the imagination development and the social and communicative sphere of the child and the behavior culture of the senior preschool age child.

Keywords: imagination, senior preschool age, social situation of development, social role, behavior culture, social and communicative sphere of the child

For citation: Volokhova DI. Analysis of the imagination function in the social situation of the development of senior preschool age children. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;2(12):137-52. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-137-52

Введение

Современное динамично развивающееся социокультурное пространство задает почву для рассмотрения благоприятного развития межличностных отношений в дошкольном возрасте. Мир общечеловеческих ценностей таит для ребенка ценностно-смысловое пространство и ему предстоит сформулировать его как именно свое и именно для себя. Первые открытия ребенок познает в семейной среде, эмоционально насыщенное общение с родителями, как правило, в большей степени с матерью. Ребенка одаривают заботой и безусловной любовью, происходит чувственно-эмоциональное

постижение окружающего, а ведь без него невозможно приобщение к культурным ценностям. Именно дошкольный возраст является наиболее сенситивным для нравственного развития, что предопределяет нравственный облик человека в будущем. Согласно содержанию Государственного стандарта образования Российской Федерации и требованиям времени одним из ведущих приоритетов образования является создание условий для эмоционально-нравственного воспитания детей. Ведь уровень культуры поведения, заложенных ценностно-смысловых ориентиров определяет эффективность и продуктивность коммуникации. Особенно в период перехода ребенком стыка критических и литических периодов в жизни. В частности, в данной статье мы будем рассматривать кризис 7 лет, который связан с переходом ребенком порога в ученичество, сменой ведущего вида деятельности, переживанием новой социальной роли – статуса школьника. В настоящее время одной из наиболее важных проблем психологии является проблема социального развития и адаптации личности. Успешная социальная адаптация является неременным условием полноценной жизнедеятельности человека. Великий педагог В.А. Сухомлинский говорил: «От того, как будет чувствовать себя ребёнок, поднимаясь на первую ступеньку лестницы познания, что он будет переживать, зависит весь дальнейший путь к знаниям» [1].

Литературный обзор: В старшем дошкольном возрасте перед ребенком и взрослыми – ответственными участниками его жизни (родителями, педагогами) – встает вопрос о поступлении вчерашнего дошкольника в школу, вопрос включения в новую социальную ситуацию развития. Поддержка и помощь родителей и педагогов в адаптационный период являются залогом позитивного отношения к новому жизненному этапу – учебе в школе. Но любая новая социальная ситуация развития по сути своей является проблемной для ребенка [2]. Ребенку предстоит освоить изменение своего социального статуса, новые социальные роли ученика и учителя, распорядок дня и школьный уклад жизни. Школьное учение, учебная деятельность в собственном смысле слова и предполагают осмысление, осознание ребенком себя в качестве субъекта этих изменений [3]. Л.С. Выготский говорил: «Школьное обучение никогда не начинается с пустого места, а всегда опирается на определенную стадию развития, проделанную ребенком» [4].

Мы в своем исследовании решили рассмотреть «определенную стадию развития» старшего дошкольного возраста в аспекте функции воображения в социальной ситуации развития детей. Экспериментальное изучение воображения как новообразования стабильного периода развития дошкольного возраста и «обобщение

переживания» или «интеллектуализация аффекта» – новообразование, характеризующее кризис семи лет, позволило Е.Е. Кравцовой установить генетическую взаимообусловленность возрастных новообразований [5]. По данным автора, условия и механизмы развития воображения являются основанием генезиса новообразования кризиса семи лет, обеспечивающего психологическую готовность детей к новому периоду развития – младшему школьному возрасту. Развитие воображения в дошкольном возрасте можно представить как движение от предметной среды к возникновению особой надситуативной внутренней позиции. Целенаправленное развитие воображения предполагает соблюдение определенной логики с учетом двух условий. Первое условие связано с соотношением воображения и реальной деятельности. Если на начальных этапах малыш осмысливает уже готовое, т. е. логика идет от предмета к замыслу, то самый высокий уровень развития воображения характеризуется уже обратной направленностью: замысел – предметная реализация. Второе условие предполагает организацию такой деятельности, которая не была бы жестко задана и нормативу, отвечала бы всем требованиям самостоятельности ребенка [5]. Внешне вступление в кризис проявляется в демонстративном поведении, ребенок начинает манерничать, становится трудновоспитуемым, неожиданно перестает следовать привычным для него нормам поведения. Подтверждение данному феномену мы видим в трудах Л.С. Выготского [6].

Кризис семи лет, как и все другие кризисы, связан с изменением социального статуса ребенка, перестройкой его отношений с социальным миром и изменением его психологического облика. Успешное прохождение кризиса дает необходимые предпосылки и основы для благополучного обучения ребенка в школе, исполнения им новой социальной роли.

Такие философы, как Ф. Бэкон, Б. Спиноза, Л. Фейербах, И. Кант, указывают на участие воображения в познании мира, а также в общении, в качестве его образного компонента [7–10]. Здесь воображение выступает как представление о реальном и нереальном.

Социальное воображение – термин, введенный в отечественную психологию по аналогии с термином «социологическое воображение» Райта Миллса. Социальное воображение рассматривается как способность человека понимать свой собственный опыт и определять свою судьбу, мысленно помещая (воображая) себя в реальные рамки данного периода развития общества, осознавая свои возможности и возможности других людей [11]. На данный

момент на уровне научного исследования область измерения уровня развития социального воображения является малоохваченной. Данная способность не может проявляться в полной мере без развитой надситуативной позиции ребенка, ведь это умение видеть себя в некотором реальном социальном контексте и строить свою жизнь в соотношении с ним. В данном случае неважно – в согласии ли, в противостоянии, важно, что социальное поведение соотносится с контекстом социальных условий. Что определяет успешную адаптацию и эффективную коммуникацию в новой социальной ситуации развития ребенка?

Помимо внутренних изменений, происходящих в ребенке, вследствие кризиса семи лет, с ним также происходят огромные, кардинальные перемены внешнего характера. Ребенку предстоит попасть в новую для себя среду, с новыми правилами, системой отношений, а также меняется и его положение в семье. Рассмотрим подробнее социальную ситуацию развития, с которой сталкивается ребенок, переступив порог ученичества.

К этому возрасту у ребенка имеется две системы отношений: «ребенок–взрослый» и «ребенок–дети». При поступлении в школу дифференцируется первая система, разделяясь на две: «ребенок–родители» и «ребенок–учитель». Ребенок выходит за рамки семьи, попадая в ситуацию, где взрослый является представителем общества, носителем норм и правил, эталонов и оценок. Отношения с взрослыми становятся опосредованной задачей. Система же «ребенок–дети» под влиянием первой системы также перестраивается: теперь к сверстникам ребенок относится на основе того, соответствуют ли они нормам, предъявляемым учителем, следуют ли правилам.

У ребенка впервые появляется обязательная деятельность, за выполнение которой он отвечает, в выполнении которой он должен подчиняться системе правил и требований.

Эта новая, ответственная роль выполняется ребенком в рамках его новой ведущей деятельности – учебной, которая опосредует его отношения с окружающими [12]. Эта деятельность оказывает влияние на все сферы жизни младшего школьника, в ней формируются не только отдельные навыки и знания, но и вся личность ребенка. Поэтому столь важно грамотно подвести ребенка к данному рубежу его жизни, учитывая особенности развития дошкольного возраста.

Многие исследователи психологических особенностей развития в дошкольном возрасте (С.Н. Жданович, Е.А. Панченко, Л.С. Ходонович и др.) считают, что комплексное использование собственно игры как ведущего вида деятельности, а также внедрение изодейтельности и ролевого проигрывания в сказкотерапии,

их творческое преломление способствуют эффективности развития функции воображения. Мы выбрали метод игровой терапии на основании теоретических положений и практических разработок Л.С. Выготского, В.И. Гарбузова, А.И. Захарова, В.Т. Кудрявцева, Е.Е. Кравцовой, Ю.Ф. Гребченко, Д.Б. Эльконина, которые утверждали, что выбираемый вид терапии должен основываться на возрасте детей в соответствии с ведущей деятельностью. Игра также позволяет снять эмоциональное и двигательное напряжение (А.И. Захаров).

Выборка

Рассмотрим результаты экспериментального исследования, которые свидетельствуют в пользу вышеизложенного. Мы сделали предположение, что развитие воображения определяет сформированность коммуникативной сферы и культуры поведения старшего дошкольника по ряду значимых показателей. Данное экспериментальное исследование было организовано в ГБОУ СОШ № 2107 СП 1589 г. Москвы и МБДОУ № 24 г. Балашиха. В исследовании приняли участие дети старшей и подготовительной групп, всего 110 человек: контрольная группа – 50 человек, экспериментальная группа – 60 человек. Возраст детей – 5–6 лет. С экспериментальной группой проводилась программа развития социально-коммуникативной функции воображения старших дошкольников «Воображаем вместе». Главная цель программы – развитие социально-коммуникативной функции воображения. Задачи развивающей программы:

- учить невербальным и вербальным средствам общения как способам выражения и понимания собственных чувств и чувствование другого. Для этого понимания ребенку необходимо применять воображение;
- формировать положительную установку на общение со сверстниками («Я – хороший», «Ты – хороший»);
- способствовать созданию положительного эмоционального фона в процессе общения.

Методы исследования

Для реализации поставленных целей и задач использованы следующие методы развития: беседа, ролевые игры, элементы сказкотерапии, тематическое рисование, игры-релаксации.

Игровые упражнения направлены на закрепление навыков понимания и выражения вербальных и невербальных компонентов общения, в том числе и в проигрывании конкретных ситуаций.

В программу входят также элементы арт-терапии. При выборе этого метода мы учли, что в данном виде деятельности происходит согласование большинства психических функций, постигаются и преобразуются свои возможности. В рисунках данного возраста проявляется проекция особенностей старшего дошкольника, даже травматические ситуации ребенок безбоязненно может отобразить при помощи арт-терапии.

Задачи нашего экспериментального исследования следующие: выявить взаимосвязь развития воображения со сформированностью коммуникативной сферы и культуры поведения старшего дошкольника; оценить эффективность формирующей программы; проанализировать эффективность формирующей программы в зависимости от пола.

Дети контрольной и экспериментальной групп проходили одинаковый набор методик, находясь в среднем дошкольном возрасте и старшем дошкольном возрасте после проведения формирующей процедуры. Методом математического статистического анализа до проведения формирующей процедуры (первый срез) была установлена эквивалентность двух групп, что подтвердило валидность применяемых методик.

Методики исследования

Для проверки нашего предположения использовались следующие методики:

- модификация методики «Наблюдение за культурой поведения детей» А.М. Щетиной;
- методика «Картинки» Е.О. Смирновой;
- методика «Странная картинка» В.Т. Кудрявцева;
- методика «Где чье место» Е.Е. Кравцовой.

Опишем методики несколько подробнее.

При помощи модификации методики «Наблюдение за культурой поведения детей» А.М. Щетиной исследуется культура поведения детей по параметрам, соответствующим ряду коммуникативных умений (обращаться за помощью и оказывать ее, поддерживать диалог и др.). Методика представляет собой бланк с таблицей, где по горизонтали обозначены характеристики культуры поведения детей, а по вертикали вносятся фамилии детей по группам. Бланки методики заполняются воспитателем. Воспитателю

необходимо поставить галочку в ячейке напротив соответствующей ребенку характеристики.

Уровни культуры поведения ребенка (низкий, средний и высокий) определяются по количеству набранных баллов.

Методика «Картинки» Е.О. Смирновой направлена на выявление коммуникативной компетентности в общении со сверстниками.

Детям показывают картинки с изображением конфликтных ситуаций, на каждой из которых присутствует обиженный персонаж. Набор картинок выбирается в соответствии с полом ребенка: на картинках для мальчиков изображен обиженный мальчик, на картинках для девочек – обиженная девочка. Каждая картинка представляется отдельно.

Детям задается вопрос, что нарисовано на этой картинке? Если ребенок видит на рисунке конфликтную ситуацию, его спрашивают: «Что бы ты сделал на месте этого (обиженного) мальчика (девочки)?» В тех случаях, когда ребенок не замечает обиды, не соотносит ее с конфликтной ситуацией и дает «общий ответ» на первый вопрос («Дети», «Мальчики и девочки играют»), констатируется отсутствие социальной компетентности. Если ребенок замечает конфликт и пытается предложить содержательную интерпретацию событий, изображенных на картинках, варианты ответов квалифицируются следующим образом:

- уход от ситуации (ответы типа «убегу», «не знаю», «пожалуюсь маме», «обижусь»);
- агрессивный выход («всех прогоню», «побью», «расстреляю», «покусаю» и т. д.);
- вербально-оценочное решение («скажу, что так нельзя», «скажу, что она плохо сделала», «объясню, как надо»);
- конструктивное решение («найду других друзей», «построю новый дом», «починю куклу», «подожду»).

Методика «Странная картинка» В.Т. Кудрявцева позволяет диагностировать уровень развития воображения старших дошкольников на основании оценки способности к преобразованию исходной целостности путем разрешения противоречия («схватывая целое раньше частей»).

Ребенку предъявляется картинка с изображением человечка, над головой которого одновременно сияет солнце и светит луна со звездами (солнце и луна со звездами отделены друг от друга некоторым расстоянием). Ребенка спрашивают: «Посмотри внимательно на эту картинку и скажи: что здесь нарисовано?» После того как ребенок ответил, ему задается другой вопрос: «Как ты думаешь, правильно ли нарисована эта картинка, или же художник

что-то напутал? Так может быть?» Если ребенок считает картинку «неправильной», то психолог предлагает ему объяснить и показать, как сделать ее «правильной». (Использование карандаша не является обязательным, если сам ребенок не обращается к нему.)

В ходе обследования фиксируются особенности подхода ребенка к содержащемуся в задании противоречию. Выделяется 5 типов решений (ответов):

- 1) ребенок считает картинку правильной, игнорируя имеющееся в ней противоречие;
- 2) ребенок видит противоречие, но не знает, как его устранить и тем самым исправить картинку;
- 3) ребенок замечает противоречие и пытается его избежать путем разрушения целостного изображения, разделения одной картинки на две. При этом он предлагает разделить линией человечка и «небесные тела» или разбить изображение на два сектора, в одном из которых окажется человечек и солнце, а в другом – луна со звездами (и наоборот). Возможен более простой вариант ответа: стереть (зачеркнуть) либо солнце, либо луну со звездами;
- 4) ребенок предлагает переделать рисунок так, чтобы одни элементы изображения остались прежними, а другие были превращены в нечто принципиально иное, например: из звезд сделать птичек, из луны – мячик; солнце – оставить; луну – оставить, а из солнца сделать фонарь;
- 5) ребенок творчески преобразует целостное изображение. Он предлагает вписать «небесные тела» в рамки или овалы, «тогда это будут картинки, которые могут висеть на стене комнаты, где живет человечек». Таким же способом, по мнению ребенка, можно превратить солнце в «картинку на стене», а луну со звездами – в «вид из окна». То есть ребенком создается целостный контекст ситуации – «комната». Возможен и другой вариант: дорисовать шарик, на котором будет изображена луна со звездами, а человечек будет с ним гулять под солнцем.

Как и вышеописанная методика, «Где чье место» Е.Е. Кравцовой является инструментом диагностики уровня развития воображения ребенка. Она дает возможность проследить, насколько ребенок сумеет проявить свое воображение в жестко заданной предметной ситуации.

Для проведения этой методики-игры используется специальный рисунок с изображением домика, рядом с которым стоит коляска, конура, растет дерево, имеется клумба, пруд и т. д. При этом ребенку предлагается набор кружочков, на которых изображены предметы, животные и др. Ребенка просят поставить

кружочки в «необычные» места и объяснить, почему они там оказались. Ребенку самому предстоит превратить выполнение задания в игру, однако для этого уйти от привязки изображенного на кружочке к привычным условиям, смоделировав в воображении ситуацию в целом.

В зависимости от уровня развития воображения дети могут по-разному решать эту задачу.

1-й уровень: дети испытывают трудности, выполняя задание. Они, как правило, ставят фигурки на их «законные» места, а все объяснения сводят к тому, что так и должно быть (место собаки – в конуре, рыбки – в пруду, малыша – в коляске и т. д.). Если взрослый сам поставит кружочки на «чужие» места, это может насмешить ребенка, но объяснить, почему они там оказались, он не сможет. Если же удастся получить от ребенка какие-то объяснения, то они будут шаблонны: «Кошка на клумбе, потому что она спряталась», «Собака в пруду, потому что она спряталась» и т. п.

2-й уровень: дети не испытывают трудностей с выполнением задания, легко ставя кружочки на «чужие» места, но по-прежнему не могут объяснить причины такой «инверсии». Решения дошкольников, демонстрирующих этот уровень развития воображения, как правило, опираются на имеющийся опыт: ребенок видел, как кошка залезла на дерево (ставя кружочек с изображением кошки на дерево); ему известно, что собаки любят купаться (помещая собаку в пруд); видел телесюжет о дружбе собаки с птичкой, которая жила с ней в конуре (воспроизводя соответствующую ситуацию на рисунке).

3-й уровень: дети расставляют кружочки на «чужие» места и объясняют свои «продуманные» решения. При этом иногда ребенок берет на себя какую-либо роль, с позиции которой дается объяснение. Например, ребенок говорит: «Я волшебник, я оживлю эту картинку», после чего рассказывает фантастическую историю, сюжет которой оправдывает «уместность неуместного». Такие истории дети могут сочинять и без вхождения в роль, после некоторых размышлений: «На столе лежала картинка, и никто не знал, что с ней делать. Но вот подул ветер (ребенок начинает дуть), и все предметы разбежались». Дети, которые проявляют этот – высокий – уровень развития воображения, связывают в своем рассказе-«объяснении» отдельные эпизоды в единый сюжет.

Анализ полученных результатов

При анализе взаимосвязи развития воображения со сформированностью коммуникативной сферы и культуры поведения старшего дошкольника выявлены следующие значения.

Обнаружены значимые различия между уровнями по методике Е.Е. Кравцовой ($p < 0,01$): при переходе от «низкого уровня» к «высокому уровню» этой методики значимо возрастает частота встречаемости «вербально-оценочных решений» и «конструктивных решений» по методике Е.О. Смирновой, а частота встречаемости «отсутствие ответа», «уход от ответа» и «агрессивный ответ» значимо убывает.

Так же обнаружены значимые различия между уровнями воображения по методике В.Т. Кудрявцева ($p < 0,01$): при переходе от низкого уровня «отсутствие противоречий» к высокому уровню «видит противоречие, целостное преобразование» этой методики значимо возрастает частота встречаемости «вербально-оценочных решений» и «конструктивных решений» по методике Е.О. Смирновой, а частота встречаемости «отсутствие ответа», «уход от ответа» и «агрессивный ответ» значимо убывает.

Выявлены значимые различия между уровнями по методике Е.Е. Кравцовой ($p < 0,01$): при переходе от «низкого уровня» к «высокому уровню» воображения по этой методике значимо возрастает уровень культуры поведения дошкольника по методике А.М. Щетининой.

Так же выявлены значимые различия между уровнями воображения по методике В.Т. Кудрявцева ($p < 0,01$): при переходе от низкого уровня воображения по этой методике к высокому значимо возрастает уровень культуры поведения дошкольника по методике А.М. Щетининой.

В результатах исследования проступает взаимосвязь развития воображения с социально-коммуникативной сферой ребенка и культурой поведения, подтверждая наше предположение. Таким образом, мы можем сделать выводы:

Чем более развитым является воображение дошкольника, тем выше уровень его социально-коммуникативных навыков и культуры поведения, в которой они находят свое выражение.

Если воображение дошкольника находится на низком уровне развития, низким будет уровень его социально-коммуникативных навыков.

Следующим этапом нашего исследования мы ставили задачу оценить эффективность программы развития социально-коммуникативной функции воображения старших дошкольников

«Воображаем вместе». Для этого мы сделали два среза до и после проведения формирующей процедуры. Методом математического статистического анализа до проведения формирующей процедуры (первый срез) была установлена эквивалентность двух групп, что подтвердило валидность применяемых методик, а также идентичность выборки контрольной и экспериментальной групп. Далее по второму срезу (после проведения формирующей процедуры) мы можем наблюдать следующие показатели.

По методике Е.О. Смирновой мы наблюдаем положительную тенденцию в экспериментальной группе по сравнению с контрольной. Снижаются показатели по таким ответам, как «уход от ситуации», «агрессивный ответ». И увеличиваются показатели по ответу «конструктивное решение».

По методике Е.Е. Кравцовой обнаружены значимые различия в экспериментальной группе: «низкий уровень» встречается значительно реже, а «высокий уровень» – значительно чаще, чем в контрольной группе.

По методике В.Т. Кудрявцева мы наблюдаем тенденции в экспериментальной группе снижения показателей по ответам: «отсутствие противоречий», «видит противоречие, не могут исправить». Увеличение показателей по ответам: «видит противоречие, частичное преобразование», «видит противоречие, целостное преобразование».

По методике А.М. Щетининой имеются значимые различия между группами ($p < 0,01$): в экспериментальной группе результат значительно выше, чем в контрольной, поэтому можно считать, что по данному показателю формирующая методика оказалась эффективной.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что программа развития социально-коммуникативной функции воображения старших дошкольников «Воображаем вместе» оказалась эффективной.

Далее мы решили установить взаимосвязь эффективности формирующей программы в зависимости от пола. Для этого мы сравнили мальчиков и девочек в контрольной и экспериментальных группах по двум срезам – до и после проведения развивающей программы. Где в первом срезе была установлена эквивалентность контрольной и экспериментальных групп в зависимости от пола. Давайте сразу перейдем к рассмотрению результатов второго среза.

По методике Е.О. Смирновой у мальчиков в экспериментальной группе можно наблюдать небольшую тенденцию снижения ответов «агрессивный ответ», ответ «уход от ситуации» сводится к нулю и повышение ответов «вербально-оценочного» и «конструктивного решения». У девочек в экспериментальной группе значимо

снизилось число «агрессивных ответов» и выросло число «конструктивных решений».

По методике Е.Е. Кравцовой у мальчиков обнаружены значимые различия между группами по данной методике ($p < 0,05$): в экспериментальной группе «низкий уровень» встречается значительно реже, а «высокий уровень» – значительно чаще, чем в контрольной группе. У девочек также обнаружены значимые различия между группами по данной методике ($p < 0,05$): в экспериментальной группе «низкий уровень» встречается значительно реже, а «высокий уровень» – значительно чаще, чем в контрольной группе.

По методике В.Т. Кудрявцева у мальчиков значимых различий между группами по данной методике не обнаружено. Тем не менее формирующая методика оказалась эффективной для мальчиков по показателю «отсутствие противоречий», поскольку результат здесь значительно снизился в сравнении с контрольной группой, а по показателям «видит противоречие, не могу исправить» и «видит противоречие, частичное преобразование» значительно вырос. А ответ «отсутствие противоречий» и вовсе исчез. По этим трем показателям формирующая методика эффективна для мальчиков. У девочек же обнаружены значимые различия между группами по данной методике ($p < 0,01$): в экспериментальной группе «отсутствие противоречий», «видит противоречие, не могу исправить» и «видит противоречие, разрушение целостности изображения» встречается значительно реже, а «видит противоречие, частичное преобразование» и «видит противоречие, целостное преобразование» – значительно чаще, чем в контрольной группе.

По методике А.М. Щетининой у мальчиков значимых различий между группами не обнаружено, однако наблюдается положительная тенденция показателей культуры поведения в экспериментальной группе. У девочек имеются значимые различия между группами ($p < 0,01$): в экспериментальной группе результат значительно выше, чем в контрольной. Поэтому можно считать, что по данному показателю формирующая методика оказалась эффективной для девочек.

Таким образом, экспериментальная программа развития социально-коммуникативной функции воображения старших дошкольников «Воображаем вместе» эффективна как для мальчиков, так и для девочек.

Заключение

Тема воображения в старшем дошкольном возрасте актуальна в связи с тем, что в настоящее время, как в детских садах, так и в младшей школе, большинство педагогов и родителей озабочены развитием интеллекта детей, увеличением количества их знаний по различным предметам, тренировкой навыков письма и счета и многими другими, безусловно, немаловажными вещами. Однако забывают о важности воображения в жизни ребенка. Несмотря на то что первые теоретические заметки относительно воображения мы можем найти среди древнегреческих философов, таких как Аристотель, эмпирическое исследование воображения стало широкой областью самостоятельного изучения сравнительно недавно и является развивающейся областью [13]. Между тем вопрос о природе детского воображения до сих пор остается предметом острых дискуссий. Его обсуждение не является сугубо «внутренним делом» науки. От того, как мы ставим и решаем этот вопрос, зависит выбор стратегии развивающего образования дошкольников [14, 15].

В нашей статье мы привели результаты экспериментального исследования и сделали краткий обзор взглядов ученых на проблему воображения в старшем дошкольном возрасте. Еще раз подчеркнули важную роль воображения в развитии учебной деятельности, в личностном и в психологическом развитии ребенка, в частности при вхождении старшего дошкольника в новую социальную ситуацию развития.

Литература

---

1. *Сухомилинский В.А.* Родительская педагогика. СПб.: Питер, 2017. 208 с.
2. *Кудрявцев В.Т.* Психология развития человека. Рига, 1999. 160 с.
3. *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М.: Интор, 1996. 544 с.
4. *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М.: Эксмо, 2004. 512 с.
5. *Кравцова Е.Е.* Разбуди в ребенке волшебника. М.: Просвещение, 1996. 160 с.
6. *Выготский Л.С.* Умственное развитие детей в процессе обучения. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1935. 135 с.
7. *Бэкон Ф.* О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1971. С. 87–546.
8. *Спиноза Б.* Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей, в которых трактуется. СПб.: Азбука, 2001. С. 138–139.
9. *Фейербах Л.* Лекции о сущности религии // Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Полит. лит-ра, 1955. С. 421–489.
10. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 485–502.

11. Битянова М.Р. Социальная психология: Учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 368 с.
12. Агапов В.С., Мишина М.М. Психология интеллектуальной деятельности личности. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 431 с.
13. Markman K.D., Klein W.M.P., Suhr J.A. (Eds.). Handbook of imagination and mental simulation. New York: Psychology Press, 2009. 412 p.
14. Кудрявцев В.Т. Развитие детства и развивающее образование: культурно-исторический подход: В 2 ч. Ч. 1. Дубна: ИЦ семьи и детства РАО, 1997.
15. Кудрявцев В.Т. Инновационное дошкольное образование: опыт, проблемы и стратегия развития (журнальный вариант книги) // Дошкольное воспитание. 1997–2000.

References

---

1. Sukhomlinskii VA. Parent pedagogy. Saint-Petersburg: Piter Publ.; 2017. 208 p. (In Russ.)
2. Kudryavtsev VT. Psychology of Human Development. Riga; 1999. 160 p. (In Russ.)
3. Davydov VV. The theory of developmental education: Moscow: Intor Publ.; 1996. 544 p. (In Russ.)
4. Vygotskii LS. Psychology of Child Development. Moscow: Eksmo Publ.; 2004. 512 p. (In Russ.)
5. Kravtsova EE. Awaken the child wizard. Moscow: Prosveshchenie Publ.; 1996. 160 p. (In Russ.)
6. Vygotskii LS. Mental development of children in the learning process. Moscow; Leningrad: State Educational Pedagogical Publishing House; 1935. 135 p. (In Russ.)
7. Bacon F. De dignitate et augmentis scientiarum. Bacon F. Works. In 2 vols. Vol. I. Moscow: Mysl' Publ.; 1971. P. 87-546. (In Russ.)
8. Spinoza B. Ethics, proven in geometric order and divided into five parts, in which it is interpreted Saint-Petersburg: Azbuka Publ.; 2001. P. 138-9. (In Russ.)
9. Feuerbach L. Lectures on the nature of religion. Feuerbach L. Selected philosophical works. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Politicheskaya literatura Publ.; 1955. P. 421-89. (In Russ.)
10. Kant I. Criticism of pure reason. Kant I. Works. In 6 vols. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ.; 1964. P. 799. (In Russ.)
11. Bityanova MR. Social psychology. Textbook. 2 ed. Saint-Petersburg: Piter Publ.; 2008. 368 p. (In Russ.)
12. Agapov VS., Mishina MM. Psychology of intellectual activity of personality. Moscow: IIU MGOU Publ.; 2015. 431 p. (In Russ.)
13. Markman KD., Klein WMP., Suhr JA. (Eds.). Handbook of imagination and mental simulation. New York: Psychology Press; 2009. 412 p.
14. Kudryavtsev VT. Developed childhood and developing education. A cultural-historical approach. Dubna: IC of the Family and Childhood of RAO. Part I. 1997. (In Russ.)

15. Kudryavtsev VT. Innovative preschool education. Experience, problems and development strategy (journal version of the book). *Doshkol'noe vospitanie*. 1997-2000. (In Russ.)

Информация об авторе

Волохова Диана И., аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; dianasamaya@gmail.com

Information about the author

Diana I. Volokhova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; dianasamaya@gmail.com

Особенности супружеских отношений в полных семьях, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья

Шабнам Р. Гусейнзаде

*Центр психолого-педагогической поддержки семьи «Ключи»,
Москва, Россия, shabnam.guseynova@ya.ru*

Аннотация. Актуальность работы заключается в том, что многие исследователи (П.Д. Павленок, В.Д. Альперович и др.) отмечают: уровень разводов в семьях, имеющих детей с ограниченными возможностями, достаточно высокий и составляет 50% (от общего числа семей). К проблемам семьи ребенка с ограниченными возможностями прибавляются трудности неполной семьи. Для полноценного становления и развития особенного ребенка очень важно развиваться в полноценной семье. Нашей целью было выявить специфику отношений в полных семьях, воспитывающих детей независимо от статуса здоровья, и в семьях, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья. В нашей работе мы соотносим выраженность предметного и личностного начала (т. е. какое из них доминирует) и их содержательное наполнение (как именно родитель выражает свою любовь и что мать или отец требуют от своего ребенка) с особенностями развития супружеских отношений. Мы рассматриваем и те ресурсы супружеских и детско-родительских отношений, которые позволяют семье сохранить свой потенциал.

Ключевые слова: супружеские отношения, удовлетворенность браком, ребенок с ОВЗ, супружеские ресурсы, стабильность брака

Для цитирования: Гусейнзаде Ш.Р. Особенности супружеских отношений в полных семьях, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 153–166. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-153-166

Features of marital relations in full families raising a child with disabilities

Sh. Guseinzade

*Центр психолого-педагогической поддержки семьи «Ключи»,
Москва, Россия, shabnam.guseynova@ya.ru*

Abstract. The relevance of the work is that many researchers (P.D. Pavlenok, V.D. Alperovich) note relatively high level of divorce in the families with disabled children what amounts to 50% of their total number. In addition, the dilemmas of the family of a disabled child are added to the difficulties of an incomplete family. The author aim to identify the specifics of relationships in complete families, raising children regardless their health status, and in families with disabled children. The upbringing in a full-featured family is very important for the full formation and development of a special child. The article correlates distinct manifestations of the subject and personality principle (which of them dominates) and their content (how the parent expresses his love and what the mother or father requires from his child) with the characteristics of the developments in marital relations. It also considers the resources of marital and child-parent relationships, that allow the family to maintain its potential.

Keywords: marital relationship, marital satisfaction, child with disabilities, marital resources, marriage stability

For citation: Guseinzade ShR. Features of marital relations in full families raising a child with disabilities. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2018;2(12):153-66. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-153-166

Введение

Рождение ребенка с особенностями, как правило, рассматривается современной семьей и окружающими как «несчастье», «трагедия», «непосильная ноша» и т. д. В современной культуре все еще не редкость, что человек, имеющий особенности в развитии, воспринимается как «дефектный», «нездоровый». Проблемы, которые освещаются российскими исследователями семей с детьми-инвалидами, в своем большинстве сконцентрированы в сфере родительского функционирования (материнское и отцовское отношение

к детям-инвалидам, ролевое взаимодействие супругов как родителей ребенка с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ), благополучие ребенка и родителей, специфика взаимодействия с социальными службами). При этом подчеркнем, что фокус данных исследований смещен в сторону отрицательных аспектов семейной ситуации. В качестве редких исключений мы наблюдаем работы, которые изучают ресурсы семей, воспитывающих ребенка с нарушениями здоровья. По эмпирическим сведениям различных авторов, лишь 30–40% семей с ребенком с ОВЗ, участвующих в исследованиях, – это неполные семьи. Согласно данным статистики многие семьи не справляются с называемой авторами утратой образа здорового ребенка, супруги разводятся, ребенок остается с одним из родителей, чаще с мамой.

В нашей работе мы ставим цель изучить полные семьи с ребенком с ограниченными возможностями здоровья, для того чтобы выяснить, какие особенности семейного взаимодействия дают возможность супругам сохранять стабильность союза и ресурсность семейной системы как для ребенка с нарушениями здоровья, так и для самих родителей, в первую очередь для матерей.

В настоящее время в отечественных и зарубежных исследованиях, посвященных проблематике семейных и супружеских отношений, накоплены разнообразные данные о семейном функционировании в полных семьях (А.Я. Варга, Л.Я. Гозман, В.Н. Дружинин, Е.О. Смирнова, М.В. Соколова, Л.Б. Шнейдер, L. Borelli, J. Gottman, N. Favez, H. Tissot, F. Frascarolo, E. Fivaz-Depeursinge и другие).

В контексте поставленной нами цели любопытны результаты работ J. Gottman, который провел целый ряд исследований брака, включая психологические и психофизиологические исследования многих сотен супружеских пар [1 с. 138]. Фокус был сосредоточен на стабильности брака, а не на его успешности. Ключевым фактором, влияющим на стабильность брака, является баланс между положительными и отрицательными способами решения семейных конфликтов. Заинтересованность исследователя состояла в определении способов решения конфликтов при воспроизведении мужем и женой характерных конфликтных ситуаций в лабораторных условиях в присутствии наблюдателей. Исследователь подмечает, что отдельные способы решения конфликтов коррелируют со стабильными браками, в то время как «активно враждебный» или «отчужденно неприязненный» способ разрушает стабильность и приводит к разводу.

Стабильность брака и качество брака являются взаимосвязанными характеристиками, что и было отмечено в ряде эмпирических

исследований [2 с. 15]. Существует мнение, что эти феномены представляют собой разные уровни отношений супругов [3 с. 85]. Первым, совместным, является уровень устойчивости брака, т. е. юридическая сохранность брака. Второй уровень – «приспосабливаемость в браке», «адаптированность супругов»; здесь наблюдается не только отсутствие развода или предразводной ситуации, но и единство супружеской пары по таким характеристикам, как разделение домашнего труда, воспитание детей и т. д. Третий уровень является наиболее глубоким – это уровень «успеха» или «успешности» брака, который характеризуется совпадением ценностных ориентаций супругов. Именно этот уровень связывается некоторыми исследователями с субъективной удовлетворенностью браком и качеством супружества. Нам близка следующая интерпретация понятия «удовлетворенность браком», зафиксированная в исследовательской работе А.В. Шавлова: «...супружеская удовлетворенность браком есть не что иное, как субъективное восприятие супругами сквозь призму социокультурных норм эффективности функционирования семьи в плане удовлетворения их индивидуальных потребностей» [4 с. 114].

В какой мере эта характеристика может в наше время быть отнесена к супругам, воспитывающим ребенка с ограниченными возможностями здоровья? Ведь большинство исследователей подчеркивает эмоциональное неблагополучие, дистресс, напряженность во взаимоотношениях членов такой семьи.

Например, Е.С. Ткаченко провела анкетирование семей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом (далее – ДЦП) в г. Омске [5 с. 4]: Определен целый ряд трудностей, с которыми встречаются члены семьи после появления в ней ребенка с особенностями развития (ухудшение взаимоотношений в семье, снижение материального достатка, неудовлетворенность качеством медицинской помощи). Вместе с тем в финале статьи автор пишет, что полная удовлетворенность качеством жизни зарегистрирована в 20 % семей (на выборке 324 семьи, 77 % из которых полные), большинство респондентов – 72 % удовлетворены частично и только 8 % полностью не удовлетворены. Отметим также, что, по предоставленным автором данным, у 51 % респондентов после появления очевидных отклонений в здоровье ребенка и установления ему диагноза ДЦП семья стала более объединенной и дружной, 4 % опрошенных изменений в отношениях не отметили. Ухудшение взаимоотношений респонденты связывали с увеличением напряженности – 28 %, незначительными ссорами в быту – 23 %, серьезными конфликтами – 8 % и конфликтами с применением физической силы – 5 %.

Нам важно здесь также упомянуть факт, обнаруженный швейцарскими авторами, на который ссылается Е.Л. Горлова при анализе родительской подсистемы в семьях с младенцами [6 с. 179]. В швейцарских семьях со здоровыми детьми не обнаружено ни одного эпизода улучшения семейного союза после рождения здорового ребенка. Качество семейного альянса либо сохранялось на низком или высоком уровне, либо последовательно снижалось по мере взросления ребенка. Таким образом, ухудшение семейного альянса характерно не только в семьях, воспитывающих ребенка с ОВЗ, но и в семьях со здоровыми детьми на соответствующей стадии жизненного цикла, связанного с появлением первенца в семье.

По данным Т.Н. Высотиной, стрессовая ситуация появления в семье ребенка с отклонениями в развитии (аутизм с умственной отсталостью) приводит к изменению эмоционального фона у 80 % матерей и отцов (повышенная раздражительность, страх перед будущим), соматическим нарушениям [7 с. 122]. Сходные результаты публикуют исследователи семей с детьми с онкологическими заболеваниями О.В. Пионтовская и М.В. Маркова (г. Харьков) [8 с. 63–67]. По их данным 80,8 % обследуемых семей отметили наличие напряженности в семейных отношениях, усиление семейных конфликтов, которые были связаны как с лечением ребенка, так и с эскалацией ранее существовавших межличностных и супружеских проблем, что приводило к дистанцированию и понижению внутрисемейного ресурса.

Каким образом могут противостоять супруги снижению качества семейного взаимодействия в условиях дистресса? Этот вопрос сегодня остается открытым, однако сконцентрируем внимание на исследованиях, которые стоят на другом полюсе континуума в описании семей, воспитывающих детей с нарушениями здоровья.

Например, в исследовании П.А. Кислякова и Е.А. Шмелевой представлены данные о психологическом благополучии родителей, воспитывающих детей с интеллектуальной недостаточностью [9 с. 8]. «Среди взрослых испытуемых не обнаружилось тех, кто бы испытывал психологическое неблагополучие. У респондентов не выявлено серьезных эмоциональных проблем, они оптимистичны, не склонны высказывать жалобы, активны, успешно взаимодействуют с окружающими, большинство из них обладает позитивной самооценкой». Данные характеристики авторы связывают с комплексной программой социально-психологического сопровождения семей, разработанной и реализуемой в специализированной школе.

Актуальность поиска в этом направлении несомненна. Сегодня существуют двойственные данные о соотношении брачной удов-

летворенности и уровня развития родительского единства. К примеру, в работе N. Favez, H. Tissot, F. Frascarolo, E. Fivaz-Depeursinge обнаружены различные способы разнонаправленного влияния на преодоление последствий материнской депрессии при высоком уровне брачной удовлетворенности (положительное влияние) и высоком уровне развития родительской подсистемы (отрицательное влияние) [10]. При высоком уровне удовлетворенности браком женщины с депрессией предъявляют меньше жалоб на ночные пробуждения ребенка, на трудности, связанные с кормлением, т. е. чем более мать удовлетворена своими супружескими взаимоотношениями с отцом, тем меньше она подмечает трудностей в уходе за ребенком. Но при высоком качестве со-родительской позиции с отцом, мать чаще сообщает, к примеру, о ночных пробуждениях ребенка и других трудностях в его поведении. Получается, что семейный альянс с сильной эмоциональной связью матери и отца в их со-родительском взаимодействии может приводить к тому, что депрессия матери оказывает большее влияние на семью в целом и умножает трудности у ребенка. Исследователи поясняют этот факт тем, что отцы с высокой степенью эмоциональной вовлеченности в родительской подсистеме могут быть в большей степени подвержены депрессивности матерей и, следовательно, менее способны играть «защитную» роль, чтобы ослабить влияние депрессии матери на ребенка.

Гипотеза

На основе анализа литературы мы предположили, что уровень удовлетворенности супружескими отношениями в полных семьях связан с особенностями распределения ролей в семье и семейно-обусловленным состоянием супругов. Выборку составили 30 полных семей, проживающих в Москве, из них 15 семей воспитывают ребенка старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья. Дети имели такие нарушения, как ранний детский аутизм (десять детей), синдром Дауна (три ребенка), синдром Бурневилля–Прингла (два ребенка) и 15 полных семей, воспитывающих ребенка старшего дошкольного возраста без нарушений здоровья. Средний стаж испытуемых в обеих группах на момент исследования – 6 лет. Средний возраст опрашиваемых – 30 лет.

Методики

В соответствии с поставленной целью и гипотезой мы вначале определили уровень удовлетворенности браком у матерей из полных семей, затем исследовали наличие психотравмирующих состояний взрослых, проживающих в одной семье. Определили отношения матерей к разным сторонам семейной жизни. Для этих целей были применены методики «Тест-опросник удовлетворенности браком» (В.В. Столин, Т.А. Романова, Г.П. Бутенко) [11]; «Семейно-обусловленное состояние» (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис) [12]; методика изучения родительских установок (PARI), которая предназначена для изучения родительских установок, прежде всего матерей (Parental Attitude Research Instrument, авторы Е.С. Шефер и Р.К. Белл, в России адаптирована Т.В. Нещерет) [13].

Результаты и обсуждение

Опросник оценки уровня удовлетворенности браком позволяет выделить следующие типы семей: абсолютно неблагополучные, неблагополучные, скорее неблагополучные, переходные, скорее благополучные, благополучные, абсолютно благополучные. Важно отметить, что первых вариантов (абсолютно неблагополучные и неблагополучные семьи) не было выявлено в нашей выборке (рис. 1).

Рис. 1. Сравнение результатов оценки уровня удовлетворенности браком в полных семьях, воспитывающих детей с нарушениями здоровья и без нарушений

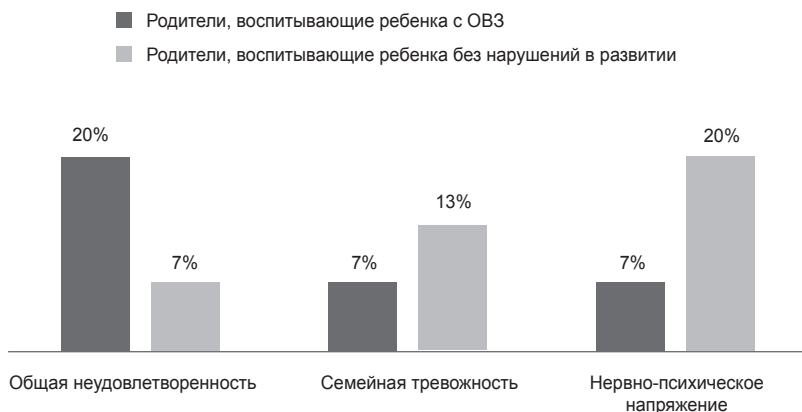

Рис. 2. Результаты методики «Семейно-обусловленное состояние» (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис)

Несмотря на то что при статистической обработке полученных данных (с помощью U-критерия Манна–Уитни) эмпирическое значение ($U_{\text{эмп}} = 23,5$, $p = 0,03$) находится в зоне незначимости, отметим выявленные тенденции. Общим для полных семей (независимо от статуса здоровья ребенка) является отсутствие у матерей очень низких оценок благополучия, при этом почти 50 % матерей с детьми с нарушениями здоровья отмечают свою семью как благополучную. Этот факт еще раз обращает наше внимание на то, что семьи с детьми с ОВЗ обладают высоким потенциалом развития позитивного супружества.

По результатам методики «Семейно-обусловленное состояние» (Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис) нами выявлено, что параметр «нервно-психическое напряжение» в большей степени выражен у матерей в семьях со здоровыми детьми, а «общая неудовлетворенность» – в группе матерей, воспитывающих ребенка с ОВЗ (рис. 2).

Мы обнаружили статистически значимое различие между семьями, воспитывающими детей без нарушений здоровья, и семьями, воспитывающими детей с нарушениями по переменной нервно-психического напряжения ($p = 0,026$ при $U = 59$, при $p < 0,05$ уровне значимости). Такое же значимое различие ($p = 0,056$ при $U = 26,5$) мы наблюдаем по критерию «общая неудовлетворенность», в данном случае процент родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, выше.

В этом контексте мы можем предположить, что семьи здоровых детей входят в нормативный кризис, взаимосвязанный с выбором школы и оценкой возможностей ребенка в школьном обучении, с желанием ускорить развитие детей. Основанием для высокого процента нервно-психического напряжения именно в семьях со здоровыми ребенком может быть также то, что старшие члены семьи могут фокусировать внимание на одних нюансах жизни и пренебрегать прочими другими. К примеру, в наше время в обществе господствует установка, что непосредственно мама отвечает за развитие детей и его достижения в обучении. Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис подвергают анализу данный аспект как показатель нарушения семейной коммуникации – нежелательное проявление, всевозможными способами осложняющее жизнедеятельность семьи и в ряде моментов играющее особо немаловажную роль в появлении продолжительной и чрезмерной нервно-психической нагрузки [12 с. 156].

С общей неудовлетворенностью больше сталкиваются матери особенных детей, которые характеризуются как недовольные, огорченные, болезненные, плохие. Для отца с матерью значимы такие характерные черты, как беспокойство о детях, скрытое беспокойство о трудностях детей, часто скрываемое от сторонних взглядов. Для этих родителей свойственно желание отдать себя только лишь семье и проблеме детей. Мамы чаще всего отрекаются от работы, для того чтобы заниматься исключительно ребенком, они закрываются от внешнего мира под куполом семейных трудностей. Появление особого ребенка считается патогенной семейной ситуацией, причина возникшего переживания – резко большая разница между реальной жизнью семьи и ожиданиями родителей. Результатом этой патогенной ситуации считается состояние фрустрации, осознаваемой или неосознаваемой. При этом общая неудовлетворенность для таких родителей очень типична.

Для сравнения семейных установок матерей, воспитывающих детей с разным статусом здоровья, использовали следующие шкалы PARI: ограниченность интересов женщины рамками семьи, заботами исключительно о семье; ощущение самопожертвования в роли матери; семейные конфликты; сверхавторитет матери; неудовлетворенность ролью хозяйки дома; безучастность мужа, его невключенность в дела семьи; доминирование матери; зависимость и несамостоятельность матери (на рис. 3 показаны результаты по каждой шкале в двух группах матерей).

Рис. 3. Результаты изучения установок матерей по шкалам PARI

Исходя из полученных данных, можно говорить о различии между матерями, воспитывающими детей с нарушениями и детей без нарушений в развитии по шкале «ощущение самопожертвования в роли матери» ($U = 59$, $p = 0,025$) (более высокий процент матерей, воспитывающих детей с нарушениями здоровья) и по переменной «доминирование матери» ($U = 64$, $p = 0,040$), результат также в пользу семей с детьми с нарушениями здоровья. Как видим, после рождения ребенка с ОВЗ матери вынуждены доминировать в семье, чтобы сохранить влияние на ребенка, оградить его от трудностей. Эти данные соотносятся с данными других авторов [14].

Оценка межсупружеских отношений матерями дала следующие результаты: 20 % среди опрошенных матерей, воспитывающих здорового ребенка, отметили «безучастность» мужа, его невключенность в дела семьи. Родители, воспитывающие ребенка с ОВЗ, по данной шкале набрали 7%, т. е. в большинстве семей с ребенком с ОВЗ чаще в воспитании и в семейных делах участвуют оба родителя, нежели в семьях со здоровым ребенком. Как видим, в семьях с более высоким уровнем нервно-психического напряжения в семьях не сбалансированы ролевые позиции супругов в семье.

Заключение

В результате изучения семейного микроклимата в полных семьях с разным статусом здоровья детей мы пришли к следующим выводам.

Количество матерей со значительным уровнем общей неудовлетворенности браком доминирует среди семей с ребенком с ОВЗ. Это может объясняться тем, что в таких семьях присутствует дисбаланс между ожиданиями супругов и реальными условиями жизни в семье. При этом влияние неудовлетворенности в значительной мере зависит от уровня осознания подобного состояния. Когда неудовлетворенность семьей осознается, она проявляется в открытых разногласиях супругов, взаимном проявлении гнева. И наоборот: если неудовлетворенность не осознается, муж и жена полагают, что в семье все прекрасно, объясняя климат в семье лишь внешними объективными факторами, что зачастую приводит к неврозам, депрессии, пьянству и иным неблагоприятным проявлениям. Человек ощущает себя (осознанно или неосознанно) виновным в сложившемся состоянии семьи (к примеру, рождение больного ребенка) в том числе в связи с поведением других членов семьи. Семья со здоровым ребенком в 40% случаев относятся к переходным семьям. Эти результаты говорят о том, что при условной удовлетворенности жизнью семьи в общем супруги недовольны отдельными сторонами семейной жизни. Очень показательны для нас данные по методике PARI. Значительное число матерей, воспитывающих ребенка с нарушениями здоровья, занимают позицию доминирования и сверхавторитета, это основное отличие от матерей здоровых детей. Помимо этого высокие показатели были выявлены в семьях с ребенком с ОВЗ по шкале «ограниченность интересов женщины рамками семьи». Такие результаты подтверждают то, что после рождения ребенка с ОВЗ мама ограничена рамками семейного взаимодействия. Здесь же следует отметить, что среди опрошенных матерей, воспитывающих здоровых детей, отметили «безучастность» супруга, его невключенность в дела семьи, в отличие от семей, где родители сообща решают задачи воспитания ребенка с ОВЗ. Это может означать, что один из важнейших ресурсов в таких семьях – это наличие взаимопомощи, совместной деятельности матери и отца.

В нашей дальнейшей работе мы ставим целью исследование удовлетворенности супружескими отношениями у отцов в полных семьях с детьми с ОВЗ в связи с их семейно-обусловленным состоянием и семейными установками. Мы также видим перс-

пективной задачу поиска способов повышения резистентности супругов к негативным дискурсам современности в отношении семьи, воспитывающей особого ребенка.

Литература

---

1. *Gottman J.* Why Marriages Succeed or Fail. N.Y.: Simon and Schuster: The Berkley Publishing Group, 1994. 234 p.
2. *Ачгильдиева Е.Ф.* Методические проблемы изучения стабильности брака: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1982. 18 с.
3. *Алешина Ю.Е.* Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем семейной жизни: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1995. 250 с.
4. *Шаглов А.В.* Факторы удовлетворенности браком в семье кадрового военного в России: Дис. ... канд. социол. наук. М., 1995. 200 с.
5. *Ткаченко Е.С.* Медико-социальный портрет семей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом. [Электронный ресурс] // Казанский медицинский журнал. 2017. Т. 98. № 6. С. 1040–1043. URL: <https://journals.eco-vector.com/kazanmedj/article/view/7264> (дата обращения 4 мая 2018).
6. *Горлова Е.Л.* Особенности родительской позиции по отношению к ребенку младенческого и раннего возраста // Развитие личности. 2017. № 3. С. 179–195.
7. *Высотина Т.Н.* Личностные особенности родителей, воспитывающих детей со сложными нарушениями психического развития // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2011. Вып. 2. С. 122–127.
8. *Пюнтковська О.В., Маркова М.В.* Стан сімейної взаємодії як інтегральний критерій реабілітаційного ресурсу родин дітей з онкологічною патологією // Міжнародний неврологічний журнал. 2013. № 7 (61). С. 63–67.
9. *Кисляков П.А., Шмелева Е.А.* Психологическое благополучие семьи, воспитывающей ребенка с интеллектуальной недостаточностью // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 1. С. 142–159. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-1-142-159.
10. *Favez N., Tissot H., Frascarolo F., Fivaz-Depeursinge E.* Dépressivitématernelle au post-partum et symptomatologie du bébé à troismois: l'effetmodérateur de l'alliancefamiliale et de la satisfaction conjugale // Neuropsychiatrie de l'enfance et de l'adolescence. 2014. № 62. P. 203–211.
11. *Столин В.В., Романова Т.Л., Бутенко Г.П.* Тест-опросник удовлетворенности браком // Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. М.: МГУ, 1988. С. 114–118.
12. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.* Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. СПб.: Питер, 2008. 672 с.
13. *Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи: Учебное пособие-практикум для студентов факультетов психологии высших учебных заведений. 3-е изд. М.: Академия, 2008. 552 с.
14. *Шебанец Е.Ю., Хатит Ф.Р.* Ребенок-инвалид как отягчающий фактор положения женщины-матери в семье: Психолого-педагогический аспект // Вестник АГУ. 2015. Выпуск 4 (169). С. 125–129.

References

---

1. Gottman J. Why Marriages Succeed or Fail. New York: Simon and Schuster, the Berkley Publishing Group, 1994. 234 p.
2. Achgil'dieva EF. Methodological issues in the study of marriage stability. Avtoref. dis. ... kand. econ. nauk. Moscow; 1982. 18 s. (In Russ.)
3. Aleshina JuE. Marriage satisfaction and interpersonal perception in married couples with different experience of family life. Dis. ... psikhol. nauk. Moscow; 1995. 250 s. (In Russ.)
4. Shavlov AV. Satisfaction factors of marriage in the family of the career military in Russia. Dis. ... kand. sotsiol. nauk. Moscow; 1995. 200 p. (In Russ.)
5. Tkachenko ES. Medical and social portrait of families raising children with cerebral palsy. [Internet]. *Kazan Medical Journal*. 2017;98(6):1040-43. URL: <https://journals.eco-vector.com/kazanmedj/article/view/7264> (data obrashcheniya 4 may 2018). (In Russ.)
6. Gorlova EL. Features of the parental position in relation to the infant and early childhood. *Personal development*. 2017;3:179-95. (In Russ.)
7. Vysotina TN. Personal features of parents raising children with complex mental development disorders. *Bulletin of St. Petersburg State University*. Series 12. 2011. P. 122-27. (In Russ.)
8. Piontkovska OV., Markova MV. State of family interaction as an integral criterion of rehabilitation resource in families of children with cancer pathology. *International Journal of Neurology*. 2013;7(61):63-7. (In Russ.)
9. Kislyakov PA., Shmeleva EA. Psychological well-being of a family raising a child with intellectual disability. *Education and science*. 2017;19(1):142-59. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-1-142-159. (In Russ.)
10. Favez N., Tissot H., Frascarolo F., Fivaz-Depeursinge E. Family alliance and marital satisfaction as moderator factors of the link between postpartum maternal depressiveness and infant development at three months. *Neuropsychiatrie de l'enfance et de l'adolescence*. 2014;62:203-11.
11. Stolin VV., Romanova TL., Butenko GP. Questionnaire satisfaction marriage. *Workshop on psychological diagnostics. Psychodiagnostic materials*. Moscow: MGU Publ.; 1988. P. 114-18. (In Russ.)
12. Eidemiller EG., Yustitskis V. Psychology and psychotherapy of the family. 4th ed. Saint Petersburg: Piter Publ.; 2008. 672 p. (In Russ.)
13. Lidars AG. Psychological examination of the family: training manual-workshop for students of psychology departments of higher educational institutions. 3rd ed. Moscow: Akademiya Publ.; 2008. 552 p. (In Russ.)
14. Shebanets EYu., Khatit FR. The physically impaired child as an aggravating factor of the mother position in the family: psychological-pedagogical aspect. *Bulletin of the ASU*. 2015;4(169):125-29. (In Russ.)

Информация об авторе

Гусейнзаде Шабнам Расим кызы, магистр, психолог-педагог, АНО «Центр психолого-педагогической поддержки семьи “Ключи”», Москва, Россия; 117209, Россия, Москва, Болотниковская улица, 38, корп. 5; shabnam.guseynova@ya.ru

Information about the author

Guseinzade Shabnam Rasim kyzy, master, autonomous non-profit organization “Keys”, educational psychologist of inclusive education, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 38, Bolotnikovskaya str., Moscow, Russia, 117209; shabnam.guseynova@ya.ru

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 25.06.2018.

Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 1050 экз. Заказ № 245

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»

Серия «Психология. Педагогика. Образование»

выходит 4 раза в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»

ОАО Агентства «Роспечать» – 71129

Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!